

ВОКРУГ СВЕТА

2 1961
ФЕВРАЛЬ

ПЕРВЫЙ НА МЕРИДИАНЕ

**А. ЕФРЕМОВ,
Е. ФЕДОРОВСКИЙ**

Там, где 60-й меридиан встречается с железной дорогой Котлас — Воркута, а также с извилистой рекой Косью, на перекрестке искусственных и естественных дорог стоит город Инта, самый северный город меридиана, первый город на нашем пути.

И вот мы идем по улицам Инты. Идем, то и дело толкая друг друга локтями: «Гляди, какой красивый домик! И какой чистенький! А это здание! Правда, в нем есть что-то от древнерусских теремов?.. Строго и в то же время нарядно. А как тебе нравятся эти оконные наличники? А эти балкончики с резными колоннами? А этот сквер?..»

Да, мы были во власти той удивительно приветливой, ласковой улыбки, которой нас встретила Инта.

Город был очень красив. Красота его — северная, спокойная, строгая, уверенная. Красивы дома, ни разу не повторяющие друг друга, хотя почти все они окрашены в теплые кремевые тона, хотя все они по-северному крепко сбиты. Но у каждого дома в отделке, в деталях архитектурного облика есть что-то свое, и это свое придает домам уютный, «домашний» вид. Красивы улицы, на которых мы увидели нечто совершенно неожиданное для этих краев — цепочки молодых саженцев тополя. Красива, наконец, и вся панорама города с силуэтом водонапорной башни, увенчанной шпилем. Этот шпиль ради чистой красоты был сделан бригадой слесарей в свободное от работы время.

Кстати, все улицы строились так, чтобы дома противодействовали господствующим северным ветрам, чтобы бураны не закрывали окон и дверей.

Отчего же так красив этот город, построенный, казалось бы, наспех?

Его начали строить трудной осенью 1941 года. Стране был срочно нужен уголь. Людей, которые просились на фронт, направили сюда, чтобы в кратчайший срок на месте гиблых болот выросли шахты. Шахтам требовался бетон, кирпич, электроэнергия. Ничего этого не было. Землю, схваченную сорокаградусными морозами, долбили ломом. Ломы грели на кострах. На тех же кострах обжигали кирпич-сырец. У костров пытались согреться люди. Но вымоченная потом одежда не успевала просыхать. И снова ее превращал в броню ледяной ветер. Люди, строившие Инту, очень спешили.

Через сплошное болото они вели железнодорожное полотно. Болото жадно глотало бревна, из которых настилась гать. Целые вагоны леса уходили в ненасытную пасть. И все-таки рельсы получили опору. Первый эшелон с интинским углем ушел в Ленинград, только что выдержавший мучительную и героическую блокаду.

Строители Инты очень спешили. Но они не хотели и не могли строить наспех. Так двадцать лет назад рождался этот город.

Как не вспомнить Маяковского:

Землю
где воздух,
бросишь как сладкий морс,
и мчишь, колеся, —
но землю,
с которою
вместе мерз,
вовек
разлюбить нельзя.

Каждый дом, каждый кирпич Инты согрет любовью ее строителей, ее жителей.

«Каждый кирпич» в данном случае выражение не фигуральное. У кирпичей, из которых склады-

Город Инта вырос на месте тундрового болота.

Фото А. ЕФРЕМОВА и Е. ФЕДОРОВСКОГО

1961
ВОКРУГ СВЕТА
№ 2
ФЕВРАЛЬ

Журнал основан в 1861 году

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ НАУЧНО-
ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ**

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

**ЭКСПЕДИЦИИ ЖУРНАЛА
„ВОКРУГ СВЕТА“:**

**Шахтерский город
у Полярного круга;**

Зеленое богатство Закарпатья.

**РОКУЭЛЛ КЕНТ НАЧИНАЕТ
РАССКАЗ О ГРЕНЛАНДИИ.**

**ТЕЛЕКАМЕРЫ В ПЕЩЕРЕ;
ЗАПИСКИ СПЕЛЕОЛОГА
НОРБЕРТА КАСТЕРЕ.**

**К ЖЕРЛУ ДЕЙСТВУЮЩЕГО
ВУЛКАНА.**

**ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИ И РАССКАЗ
И. ЗАВЕЛИНА.**

**Т. Г. ШЕВЧЕНКО -
УЧАСТНИК ПЕРВОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ НА АРАЛ.**

**О ЗАГАДКЕ ДАЛЕКОГО
ЯКУТСКОГО ПЛАТО.**

**ПО ИТАЛИИ
С ФОТОАППАРАТОМ
И МОЛЬБЕРТОМ.**

НИАГАРА И БИЗНЕС.

**СНЕЖНЫЕ ЛАВИНЫ
ПОД МИНОМЕТНЫМ ОГНЕМ.**

**ИСКАТЕЛЬНИЦЫ ЖЕМЧУГА
С ОСТРОВА ТАТОКУ.**

ваются Инта, своя история. Они сделаны из шахтной породы. Ив той самой породы, которая долгое время считалась годной лишь на то, чтобы, будучи сложенной в терриконы, придавать специфический облик шахтерским городам. Способ производства кирпичей из породы был открыт группой работников Интинского кирпичного завода во главе с инженером Кириллом Романовичем Адаркиным. В интинской породе, кроме глины и песка, из которых и делают кирпичи, имеется уголь. Считалось, что отделить его невозможно. Но Адаркин сумел превратить этот недостаток породы в достоинство. Он заставил уголь «работать», участвовать в обжиге кирпича. Мысль, казалось бы, простая, но осуществление ее потребовало долгих лабораторных испытаний. Инта стала первым городом в стране, пустившим в дело пирамиды терриконов.

С большим вниманием относятся интяне ко всему и большому и, казалось бы, незначительному, из чего складывается облик города. Вот почему в Инте нет одинаковых зданий, вот почему в городе шахт нет следов копоти и угольной пыли, вот почему посреди необъятной тундры поднимаются отважные саженьцы тополей.

Мы были на комсомольских воскресниках. Мы видели, как идет «озеленение» Инты. В июле земля оттаивает на полвершка. Нужно выдолбить яму метр на метр. Гнутся лопаты.

Засыпают же яму не тундровой, подзолистой землей, а черноземом, привезенным откуда-нибудь с Украины. Выросли бы эти саженьцы, справились они с лютыми морозами, если бы теплоту, которой не хватает здешней земле, им не дарили человеческие руки?

Здесь, в Инте, нам вдруг показалось обидным, что название этого города на карте страны напечатано таким мелким шрифтом. Пусть в Инте еще не так много жителей, но разве только этим определяют величие городов?

ПЯТНАДЦАТАЯ

Инта растет, ширится. Обрастает домами, улицами, новыми мощными шахтами.

Среди новых шахт — пятнадцатая, крупнейшая в бассейне.

Между речками Угольной и Черной — топь. Гиблое место. Зимой подмерзает корочка с вершок. И только. Разлагающийся торфяник не поддается морозу. На карте-миллионке это место заштриховано синими черточками. А на геологической карте как раз здесь уголь. Двенадцать пластов! За век не выбрать!

И вот в 1956 году пришли в это гиблое место люди. Забили колышек. Колышек — как на стройке первый кирпич, как перед атакой сигнальная ракета. Здесь будет скиповой ствол. Скип — это дорога углю на-гора. С такого колышка рождались шахты, с такого колышка начинались города.

Рабочие назвали стройку «Новой землей». А в документах она обозначена просто — «шахта № 15».

...Мы на «Новой земле». Кругом вода. В штольнях, в трубах, в сапогах. Сочится, журчит, звенит, капает за шиворот. Стынет и колет, как шприц. Четвертый год шахте, четвертый год откачивают воду. Нехотя стекает она в отводные каналы. Счет и снова возвращается — дождем и снегом.

Под фундамент обогатительной фабрики нужен котлован глубиной 9 метров. Экскаватор стоит, ждет, пока грузовики не подвезут щебень под его гусеницы, иначе утащит его болото. А пока копают вручную Молча. Вчерашние матросы Попович, Никандров. Комар. Залота, Заничев На тельняшках потные круги. Ноги по колено в глинистой жиже.

Один насос еще гонит тоненькую струйку. Другой уже стоит — засорился. В ночную смену насосы ремонтируют, а днем все повторяется снова.

В скиповом стволе, от которого жилками разбегаются штольни, не видно ни зги. Наверху даже в самую темную ночь глаз различает силуэты, но здесь ни одна искорка не мелькнет. Как металлические шарики, звенят капли. Стенки скользкие и холодные.

Мы идем по штольне, спотыкаясь на каждом шагу. Масляный луч фонарика прыгает по белому от заморози известняку, по мокрой спине идущего впереди. Черной громадой висит над головой потолок. Его поддерживает рудничная стойка.

— Сторонись! — доносится снизу. Стараемся слиться со стенкой. Мимо со скрежетом проносятся вагонетки, груженные породой.

Мы идём, под зловещим тундровым болотом. Здесь вспоминаются певучие предания коми:

«Далеко за снежным царством, в глубине под морем белым тенью ночи зимней скрыта теплая страна. Солнце ходит там несклонно, и леса там зверя полны, для теней богато пищи — боги жизнь их стерегут. Под землей вода не мерзнет, оставаясь вечно талой, — все грехи земли смывает перед входом в мир бессмертья...»

Да, мы находимся в «мире бессмертья». Но живут здесь не тени, а крепкие, мускулистые люди. не жертвы болота, а его победители.

...Впереди, как светлячки, мелькают лампочки шахтеров. Гулко ухаю отбойные молотки. Визжит пила по рудничной стойке. Шахтерская работа не легкая. Но вот как-то раз на лесоскладе не хватило рабочих. Хотели взять на месяц несколько человек с шахты. С тем же заработком. Наверху к работа легче и воздух свежий. Не пошли. Не хотели терять своей подземной квалификации, которую полюбили, к которой привыкли.

Во время проходки шахты сделано немало интересных находок. Обнаружены кости мамонтов, обитавших здесь в эпоху оледенения. А однажды откопали что-то совсем странное: корень дерева или кость. Послали находку в Академию наук. Ученые ответили, что строители нашли кость редкого пресмыкающегося, который жил миллионы лет назад. В честь города Инты назвали интозавром этого древнейшего обитателя планеты.

...На поверхности пасмурный день. Морось. Недалеко от временки-конторы оживление. Под тремя металлическими трубами, составленными, как штатив, буровой станок. Штанга пробила до сто'метровой глубины. Шахтный геолог Пикулин спрашивает Галькевича, начальника буровой партии:

— Будет вода, Виталий Григорьевич?

Галькевич разводит руками:

— Должна...

Вода? Зачем же вода, когда ее здесь потоп?

— Воды нет, — объясняет Пикулин. — Нет технической воды.

Для хозяйства строящейся шахты такая вода нужна как воздух. Нужна для бетона, для промывки труб, для питья. Пробурили скважину до водоносного слоя, но воды едва хватает на одну бетономешалку. Доступ воды к скважине преграждал песчаник. Решили песчаник взорвать.

Взрывники готовят торпеду — стальной стакан высотой больше метра. Начинив его доверху нитроглицеролом, вставляют детонаторы, плотно завинчивают крышку. К проволочной дужке стакана привязывают веревку и торпеду осторожно опускают в скважину.

Минута решительная. Галькевич рассеянно жуёт мундштук папиросы: будет ли вода? Взрывник включает ток. Едва заметный толчок, легкий вздох-земли. Через секунду из скважины вырывается к тут же опадает фонтан грязно-желтой воды. Кажется, не удалось.

*Северная природа: лесотундра, тихие реки
яркие ромашки на пологих каменистых берегах и... комары.*

— Будем взрывать еще, — говорит Галькевич, выплюнув окурочек. — Найдем!

Поздно вечером уезжаем с шахты. Дорога как стрела. Здесь не приходилось искать удобного пути. Каждый метр, любой метр все равно надо было отнимать у сплошной трясины. В борьбе с трясинной вся история шахты № 15. Вдоль дороги глубокие траншеи, полные свинцовой воды. Крупинки снега падают в воду и тают. А рядом цветы. Не облаканные теплом ясноглазые ромашки, голубые

незабудки, плотно расселившиеся на отвоеванной у болота новой земле. Цветы уже распустили крохотные лепестки.

К ТОЧКЕ НА КАРТЕ

К северу от Инты находится точка, которая особенно привлекает нас. Здесь 60-й меридиан встречается с Полярным кругом. Узнаем, что как

раз на месте пересечения расположена Адакская звероферма.

Бубнит уныло моторчик, выплевывая за борт тоненькую струйку воды. Моторчик — инвалид. У него перевязан проволокой глушитель, веревкой скреплены карбюратор и бензопровод. На корме у руля Федор Беляев, почтальон.

— Сколько сил?

— Было шесть...

Шесть сил. Хватит ли их? Путь немалый — больше сотни километров.

Темно-зеленой каймой сползает лес к самой воде, кое-где упирается в желтые каменные глыбы, норовя столкнуть их в реку.

Крепчает ветер. Дует он откуда-то сверху. Волны кипят, захлестывают борт. Все время приходится держать лодку против волн. Вода попадает на раскаленный глушитель. Глушитель шипит, нервно отшвыривая капли.

Замечаем, что лодка стоит почти на одном месте. Пристаем к песчаной косе.

Здесь тундра спорит с лесом. Лес оголенный, обмороженный ветрами. Кривоногая березка прилепилась к ели, ягельный кустарник прижался к гранитным валунам. Незабудки и ромашки, расцветавшие в июле, и те не рискуют поднимать голову: а вдруг заморозок? Крутанет ветер с севера, выпадает снег. Лучше оставаться у земли, она — пригреет.

К вечеру ветер немного утих. Растаяли тучи. Мы свернули на реку Усу, которая пробилась через цепочку невысоких гор, названных в честь первого землепроходца этих мест грядой Чернышева. Солнце, так и не коснувшись горизонта, стало подниматься. За известковой грядой мы увидели, наконец, деревню Адак.

ПОЕДИНОК

Еще по дороге в Адак мы слышали о вожаке волчьей стаи, обитающей в этих местах. О нем ходили легенды. Рассказы были противоречивы и страшно запутанны, нам хотелось знать истинные события.

И вдруг узнаем:

— Нет теперь стаи. Ушла...

Это сказал Николай Терентьев, охотник.

Знаем, что стая уходит от своих обжитых мест только в том случае, если гибнет вожак. Сразу спрашиваем:

— Кто убил?

— Я, — спокойно отвечает Николай, прикуривая папироску. — Хотите, расскажу...

Мы сидим на берегу Усы, слушаем Николая, и нам кажется, что белая река покрыта снегом.

...Снег от луны голубой. Он напоминает летнее небо. А лето напоминает о привольной и сытой жизни. Спокойно жилось тогда старому вожаку.

Он водил на охоту волчат, показывал детенышам, как надо убивать оленей. Осенью волчата разбрелись, забывая родные урочища. Только родительская пара всегда оставалась вместе.

Но сейчас пустынно вокруг и голодно. Вожак поднимает голову к луне и отчаянно воет. Вторят ему другие волки, приставшие к вожаку на зиму.

Вдруг он слышит далекий выстрел. Он знает, что выстрелил тот, кто давно уже идет по следам стаи. Тот зря не стреляет. Значит, кто-то встретился на его пути. А вдруг подранок ушел от человека и зверя удастся поймать?

Вожак бежит словно тень, легко и бесшумно. Мягки, рассчитанны его движения. Иногда он замирает на месте, чутко вслушиваясь в тишину ночи.

Запах теплой крови кружит голову. Охотник убил лису и тут же снял шкуру. Самого охотника уже нет. Скрюченная тушка валяется на вмятом снегу. К запаху парного мяса примешивается какой-то посторонний запах. Он и настораживает вожака. Волки в отчаянье лижут снег, пахнущий кровью. Они ждут, когда первым начнет вожак.

Вдруг один из волков, поборов страх перед вожаком, впиивается в тушку лисицы. Он глотает мясо целыми кусками. Вожак не трогает волка.

На рассвете непокорный волк сдох. Он долго извивался от боли, а остальные волки сидели вокруг, готовясь к тризне.

Много дней за стаей идет человек. Вожак путает следы, делает длинные петли. Но всякий раз, когда стая останавливается на дневку, вожак слышит скрип приближающихся лыж. Смерть подкрадывалась так же тихо, как ночь.

Шахте нужна вола. В скважину опустят начиненную взрывчаткой торпеду. Она пробьет путь воде.

Однажды волки увидели стадо. Олени, упав на передние ноги, вырывали из снега мох и жесткие прутья ягеля. Сторожили только две черные лайки. Вожак пополз по рыхлому снегу, а стая притаилась в низине. Когда вождь заметил, что собаки увидели его, он поднялся и побежал к ним, стараясь держаться подветренной стороны. Он насколько мог миролюбиво махал хвостом и этим окончательно смутил опеших собак.

Вожак не спешил, а разоженные любопытством лайки бежали к нему, отрываясь все дальше от стада. Когда собаки подбежали совсем близко, вождь бросился вперед и в секунду расправился с ними. Волки пошли в обход, чтобы загнать оленей. Но охотник и на этот раз помешал стае. Выстрелом он повалил одного волка.

Вожак воспользовался из лишней торопливостью охотника. Волки, не отягощенные пищей, понеслись к лесу быстрее ветра.

Голод истощал силы. Вожак чуял развязку. Он отставал от стаи и злобно рассматривал человека, который неотступно идет по следам. Человек еле двигает ноги, его котомка пуста. Иногда он припадает к земле и долго лежит не шевелясь. Потом разрывает снег, медленно жует мох. Но и стая не может делать больших переходов. Единственное спасение — напасть на преследователя. В рискованной схватке кто-то погибнет, зато спасутся остальные.

Вожак отрывается от стаи, долго бредет по ледяному ручью, чтобы охотник не заметил следов. Человек прошел мимо. Остановился у сосны.

Луна прыгает на снегу, как мячик. Снег искрится звездами. Кто-то тяжело дышит рядом. Вожак видит свою волчицу. В трудную минуту она тоже обошла охотника и пришла на помощь к вожаку.

Мороз страха топорщит шерсть. Вожак бросается на охотника. Прыжок-конвульсия. И вдруг вместо спины человека он видит две черные точки ружейного ствола.

...Погиб вождь. Ушла стая из обжитых мест. Прекратились нападения на олени стада.

ЛИСЬЯ ВОТЧИНА

Крепость. Часток, башенка для наблюдателя, лес, вплотную подступивший к ограде, речка, через которую переброшен шаткий мосток. Солнце пригревает сосны, пахнет смолой и ромашкой.

Мы идем к крепости, которая называется «звероферма». Директор Игорь Моисеев шагает рядом. У него нет директорской солидности. Из-под кепки торчит непослушный вихор. Прутиком сбивает какие-то пушистые метелки, напоминающие камыши. Жена, зоотехник Аня, нет-нет да и одернет его, постыдит.

— Я же выходной сегодня, могу в конце концов делать, что хочу? — шутливо кипятится Игорь.

— А что же встал ни свет ни заря?

— Привычка...

Игорь и Аня пришли на ферму после института. Сами решили поехать сюда. Ферма считалась захудалой. Лисы болели и почти не давали приплода.

Болели страшной болезнью — самопогрызанием. Им, видимо, не хватало каких-то витаминов, они отгрызали лапки, хвост, портили шкурку. Щенята не могли прикасаться к соскам и тоже гибли.

Несколько месяцев Игорь и Аня искали нужный рацион. И нашли. Сейчас каждая лиса дает при-

Аня Моисеева и ее питомцы.

плод по четыре-пять щенят. Звероферму считают самой лучшей в тундре.

Когда мы подошли к клеткам, лисы принимали завтрак. Ели они обыкновенный с виду мясной фарш.

— Мяса здесь меньше половины, — говорит Аня, — остальное зелень, соли, витамины.

Лисы не боятся людей, но поглядывают косо. Мало ли чего можно ждть от них?..

Останавливаемся у клетки 212. Лисица только что поела и флегматично смотрит на нас синевато-фиолетовыми глазами. С ней произошла очень поучительная история.

Как-то раз звероферма забыл закрыть дверцу, и она убежала из вольера в лес. Плутала там несколько дней. А потом, голодная, измученная постоянным страхом, вернулась на звероферму. В клетке она мечтала о воле, на воле стала думать о клетке...

— Этих лисиц еще нельзя считать ручными. Но на воле без помощи человека они уже жить не могут, — объясняет Игорь.

— А совсем ручные бывают?

— Милька, Милька! — зовет Аня.

Прямо по дорожке к нам мчится маленький лисенок с длинными лапками и куцым хвостиком, победно поднятым вверх. Он проворно вскакивает на плечо, с плеча на крышу клетки.

Милька не отставал от нас, пока мы бродили по звероферме. То пытался развязать шнурки у ботинок, то утаскивал в траву фотоаппарат и играл с ним, как с мышью.

Между тем Игорь не без гордости показывал нам добротные постройки, прочные и удобные клетки, хорошо оборудованную кухню. Все это было сделано недавно, с любовью и выдумкой.

— А вы, Игорь, не были во Дворце пушнины в Ленинграде?

— Не пришлось пока, — качает головой Игорь.

А нам бы хотелось, чтобы Игорь когда-нибудь побывал на традиционном аукционе, куда съезжаются представители пушных фирм со всего мира. Он бы увидел, какой славой пользуется советская пушнина на мировом рынке. «Рашн голд» — «русское золото», — говорят американцы. И действительно, ее считают лучше североамериканской и канадской пушнины, которую получают в таких же зверофермах и в таких же климатических условиях. В чем же секрет русских мехов? Об этом надо спросить у таких энтузиастов, как Игорь.

В 1867 году промышленник Михаил Константинович Сидоров предложил царскому правительству начать разработку печорского угля. Генерал-адъютант Зиновьев ответил: «Так как на севере по-

стоянные льды и хлебопашество невозможно и никакие промыслы немислимы, то, по моему мнению и моих приятелей, надо весь народ удалить с севера во внутрь страны, а вы хлопчете наоборот и говорите о каком-то Гольфштреме, которого на свете быть не может...»

Сейчас особенно ясно видна нелепость «мнений» генерала-невежды и его приятелей. Современная тундра основательно потеснилась под натиском промышленности, сельского хозяйства. Инта — рядовая точка громадного Печорского бассейна, простирающегося от Ледовитого океана до Полярного Урала. Но отсюда уходят составы, груженные коксующимся углем. Коксующийся уголь и вызвал к жизни край.

Адак — тоже рядовая точка. Но и здесь видны дела, которыми занимается теперь человек тундры. Зверофермы — это то новое, что пришло в тундру, прочно обосновалось в ней.

(Продолжение следует)

ЧТО ТЫ ЗНАЕШЬ О НАШИХ КОСМИЧЕСКИХ СОСЕДЯХ?

Вечный

спутник

Участки видимой поверхности Луны давно уже изучены. Теперь, после изумившего весь мир полета советской ракеты с телепередатчиком к нашему естественному спутнику, нанесена на карту и обратная сторона Луны; на ней отмечены горы, моря, цирки и кратеры. Уже создан первый в мире лунный глобус, или, вернее, селенобус. Следует сказать, что у селенобуса не шаровидная, как у глобуса, форма. Дело в том, что Луна несколько вытянута по направлению к Земле. Это вызвано действием сил притяжения. По всей видимости, толщина лунной коры не везде одинакова: на ближайшей к Земле стороне она тоньше, поэтому здесь такое обилие цирков и кратеров, а на невидимой стороне поверхность более ровная.

Последние достижения астрогографии дали возможность получить изображение участков лунной поверхности в их натуральной окраске. Оказалось, что «бледное светило» многоцветно. Горы и плоскогорья Луны разной окраски, так как состоят из изверженных пород: краснофиолетовых порфиров, зеленоватых диабазов, розовых и серых гранитов. Отмечены участки Луны, окрашенные в желтый цвет, — в этих местах, как подозревают ученые, находятся огромные выходы серы. От некоторых цирков расходится как бы сияние, состоящее из лучей белого цвета. Характер этих лучей еще предстоит выяснить селенологам.

В последнее время исследователи Луны сделали три важнейших открытия. В ночь с 3 на 4 ноября

1958 года пулковские астрономы Н. А. Козырев и В. И. Езерский заметили, что центральная горка кратера Альфонс приобрела красный цвет. Спектральный анализ обнаружил бурное выделение атомов углерода. На Луне происходило извержение, сопровождавшееся выходом газа. Наблюдения Козырева и Езерского положили конец гипотезе о метеоритном происхождении лунных кратеров и заодно заставили ученых пересмотреть устоявшееся представление о Луне как о холодной, мертвой планете.

Второе открытие произвели наши космические ракеты. Приборы обнаружили отсутствие у нашего естественного спутника магнитного поля и поясов радиации.

Третьим открытием мы также обязаны космической ракете, достигшей поверхности Луны. При падении на Луну в 0 часов 2 минуты 45 секунд 13 сентября 1959 года она подняла облако пыли, которое отметили венгерские астрономы. Следовательно, как и предполагали, Луна покрыта толстым слоем пыли.

Несмотря на то, что Луна в силу существующих на ней условий не очень-то гостеприимно встретит космонавтов, можно предполагать, что свою первую «большую вылазку в космос» человек осуществит именно на эту планету, столь хорошо изученную астрономами.

Сестра Земли

Цинь Синь — зовут ее издревле китайцы; Зухра — такое имя дали ей арабы; Зарянка, Заряница, Зорница — ласково нарекли ее славяне. Под именем Венеры, богини любви

и красоты древних римлян, знаем мы эту планету.

Не случайно астрономы говорят, что Венера — сестра Земли. Она во многом похожа на нашу планету. Ученые, наблюдавшие ее в телескопы со времен Галилея, установили, что диаметр, масса, сила тяжести на ее поверхности должны быть почти такими же, как и у Земли. М. В. Ломоносов в 1761 году первый обнаружил, что у Венеры есть «знатная воздушная атмосфера, которая обливается около нашего шара земного». Венера подходит к Земле гораздо ближе, чем какая-либо другая планета (за исключением Луны), приближаясь иногда на расстояние около 39 миллионов километров. Однако о Венере мы знаем, пожалуй, меньше, чем о любой другой планете солнечной системы. Когда Венера находится близко от Земли, наблюдать ее особенно трудно: ее путь пролетает между нашей планетой и Солнцем, и обращена она к нам своей неосвещенной, ночной стороной.

Установлено, что температура атмосферы Венеры — выше облаков — колеблется от +50 до —23 градусов. Это убеждает, что Венера вращается вокруг своей оси со скоростью, близкой к вращению Земли, — ведь разность температур сравнительно невелика. Работы американского астронома Крауса помогли определить время полного оборота планеты: оно равно 22 часам 17 минутам.

На основании многолетних наблюдений подсчитано, что ось вращения Венеры наклонена к плоскости ее орбиты под углом в 67°. Следовательно, на облачной планете бывает зима и лето.

Какие же газы составляют атмосферу утренней звезды?

(Окончание на стр. 13)

САЛАМИНА

РОКУЭЛЛ КЕНТ
Рисунки автора

«...Прожив на свете почти 80 лет, я не забыл тех идей, которые владели мной в юные годы. Ведь мир и жизнь и до сих пор замечательны, а потому волнуют меня. Молодые сердца горячи и восприимчивы, они наполнены надеждами. И я считаю, что для людей, стареющих физически, очень важно сохранить

этот пыл в сердцах, любовь к жизни и веру в жизнь.

Когда я был подростком, меня все время точил зуд открытий. Я буквально глотал книги о первооткрывателях Севера, о путешествиях вообще. И, уж конечно, зачитывался «Робинзоном Крузо». И мне непременно хотелось попасть на корабль, терпящий крушение.

В этом я мало отличался от сверстников. Но у меня было одно непреложное правило — все, о чем я мечтал, я делал. Я захотел поехать на Север. И поехал. И не только затем, чтобы писать там картины. Нет. Мне приходилось плотничать, рыбачить, охотиться.

Я захотел попасть в кораблекрушение. И я попал. И я счастлив сказать, что остался жив. В этом вы можете убедиться сами.

Молодежь не должна тратить жизнь в бесплодных мечтаниях. Она должна считать возможным все. Юные обязаны искать. Все равно где. В своей ли работе, на юге или на севере».

Так размышляет вслух, обращаясь к советской молодежи, известный американский художник и общественный деятель Рокуэлл Кент.

Волнующий мир, о котором говорит здесь художник, — мир, полный романтики и сурового труда, мир поисков и дерзаний, любви к человеку и веры в собственные силы, мир соленого моря и сверкающих айсбергов, мир полярной ночи и полярных сияний — живет

в тех картинах, рисунках, гравюрах и книгах, которые переданы Рокуэллом Кентом в дар советскому народу.

— Теперь, когда мои картины находятся у вас, в вашей стране, я могу быть спокоен за их судьбу, — сказал Кент на открытии выставки своих произведений. — Это мой скромный дар за тот подвиг, который спас судьбу мира восемнадцать лет назад. — за Сталинград. Я благодарен вам за то, что вы приняли этот дар чистою сердцем.

«С чувством горячей симпатии узнал я, — писал Н. С. Хрущев, обращаясь к Рокуэллу Кенту, — о Вашем благородном решении принести в дар советскому народу собрание произведений, созданных за долгие годы творческого труда. Мотивы, которые Вами руководили, вызывают искреннее и глубокое уважение, они понятны и близки советским людям, высоко оценивающим каждый шаг в борьбе за мир во всем мире.

Я твердо убежден, что эти мотивы будут правильно поняты и американским народом, ибо Ваш дар — это шаг на пути укрепления дружбы и взаимопонимания между народами СССР и США.

От всей души желаю Вам многих лет, здоровья и новых творческих успехов в благородной деятельности во имя счастья и справедливости на нашей планете».

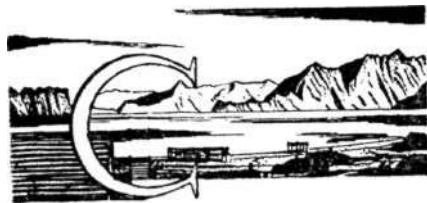
Повесть «Саламина» (отрывки и рисунки из нее мы начинаем печатать с этого номера) дает представление о Кенте, которого мы знали очень мало, — Кенте писателе и иллюстраторе, открывает читателю часть богатств, которыми он щедро делится с людьми.

Путешественник и живописец, график и мастер слова, Рокуэлл Кент воссоздает на страницах повести великолепные картины северной природы и образы обитателей Гренландии — эскимосов, вводит читателя в полную горечи драму народа, уродуемую колонизаторами, насаждающими «европейскую цивилизацию».

Рисуя суровые будни и редкие праздники эскимосотруженика, и сам Кент предстает перед читателем как неутомимый труженик, гуманист, борец за справедливость и подлинный прогресс, борец за мир.

Полностью «Саламина» будет издана Географгизом.

ФУНДАМЕНТ

свободная земля вокруг поселка Игдлорсуит мало чем могла привлечь, кроме того, что она была свободна и что отсюда открывался обширный вид. Я мог бы, выбирая участок для строительства, найти место в пределах поселка, но я боялся нарушить уединенность жилищ и заслонить вид: судя по расположению туземных домов, с этим здесь считались. Кроме того, я надеялся? быть в Гренландии наблюдать

лем, а не предметом наблюдения и, естественно, предпочитал смотреть сверху на других, а не располагаться внизу, чтобы смотрели на меня.

Из моего окна, как из окон всех домов поселка, будет видно море: но на первом плане — сам поселок с его повседневной жизнью на открытом воздухе.

Здесь, в условиях этой северной жизни, наблюдая ее из своего окна, я особенно стал ощущать — будто впервые — красоту мира. Как много значил для тех, кто вырос здесь, этот пейзаж, этот отрезок горизонта между заключающими его мысами, образующими дугу бухты, это морское пространство, эти горы, — как много в жизни этих людей, в событиях и настроениях было связано с изменчивым видом этого неизменяющегося мира!

Они наблюдали смену времен года, смену дня и ночи, восход и закат летнего солнца и зимней лу-

ны, приливы, перемены погоды, дождь, снег и лед. Во всем этом жители поселка находили указанный для своей работы — на каждый день, в течение многих лет, в течение многих поколений.

Мы гордимся своей любовью к природе. Но что наша любовь к природе по сравнению с любовью ее детей? Летом и зимой, как я убедился потом, в солнечные и облачные дни, в дождь и снег, в бурю и в жестокие холода, в любое время дня и поздно ночью жители толпились на берегу. И бессознательно, как вдыхают воздух, они вбирали в себя всю эту красоту. Разве воздух менее полезен оттого, что мы дышим им, не думая о нем?

Гете пишет о совершенной красоте специально созданного окружения: юноши и девушки, выросшие там, достигали духовной прелести, никогда не встречающейся в обыденной жизни. А что же красота Гренландии? Не двор-

цы, парки, статуи, обои, ковры, занавеси, музыка и картины — вся эта переработка человеческого опыта, которую мы называем искусством, но вечный источник всего прекрасного в искусстве и в человеке — девственная вселенная. Как общение с ней должно было повлиять на души этих бедных людей!

Лето. Я стою на своем участке, синяя спокойная вода широкого пролива раскинулась предо мной. На ней айсберги; они громадны, как горы, но просвечивают синевой более нежной, чем самые прелестные бледно-синие цветы. По ту сторону пролива, в восьми милях — непривычному глазу кажется, что гораздо ближе, — виден гористый остров Упернивик; крутая стена его гор прорезана ледниковыми долинами. Ледники, как широкие извивающиеся дороги из нефрита, ведут от лета у воды к вечной зиме высокогорных льдов внутри острова. За северным мысом Упернивика открывается уходящая вдаль перспектива синих хребтов, подымающихся из моря; вершины их покрыты снегом. Это волшебный край Умиамако: воды его круглый год — ледяные пустыни, суша населена злыми духами. На фоне этих далеких гор выступает готическая громада острова Каррат; у конца его большой остров Кекертарсуак с его Фудзиямой в пять тысяч футов. За Кекертарсуаком путанные лабиринты обрамленных горами фиордов, затем земля опять быстро приближается — это полуостров Сваргенхук, который виден в сокращенной перспективе и теряется из виду за северным мысом Игдлорсуитской бухты. Там, где горы сходятся с небом, оно золотое, и на горах, на море и на льдах лежит золотистый закатный свет незаходящего летнего солнца.

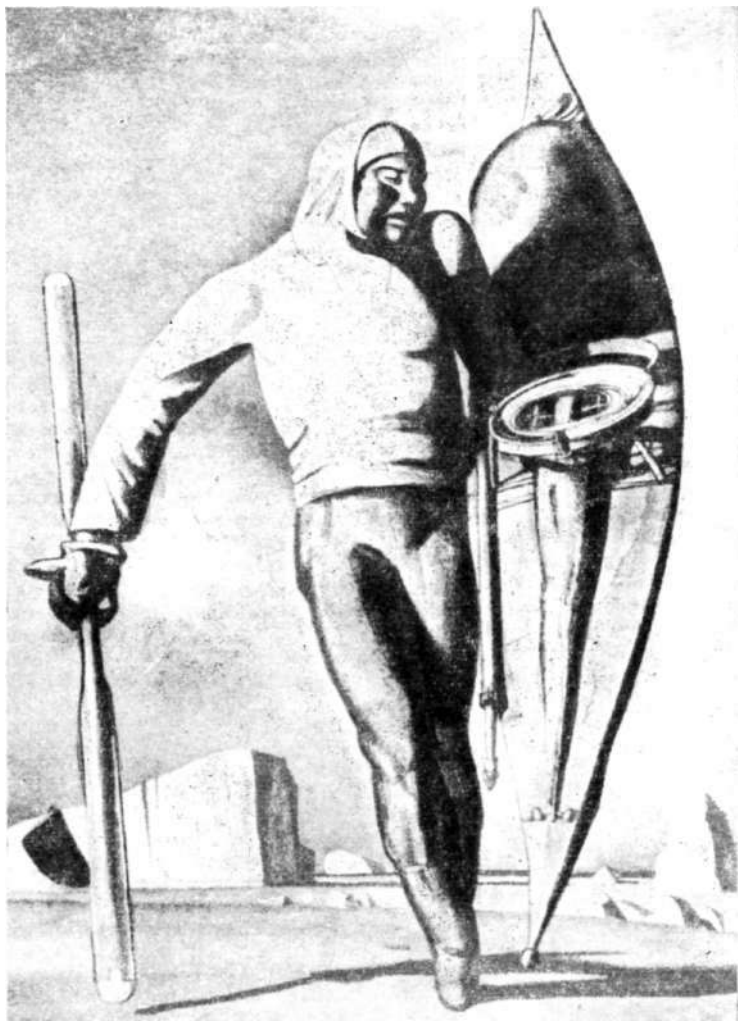
Самым счастливым из событий, приведших меня в соприкосновение с жителями поселка и помогших сровнять с землей барьер, препятствующий взаимному пониманию везде, где есть богатые и бедные, белые и цветные, привилегированный класс и остальные, было сооружение дома собственными руками, работа бок о бок с туземными помощниками. Самое строительство было событием в почти лишенной событий жизни; для многих оно оказалось источником заработка, для остальных — зрелищем. Стройка притягивала всех: мужчин, женщин, детей; самых старых и самых молодых. Вместе со мной они ожидали прибытия материалов и разделяли мое нетерпение, вызванное первой длительной задержкой.

Участок найден, место для дома размечено, что делать дальше? Шхуна должна была привезти лес, гвозди, цемент, мои домашние вещи — все удивительные

предметы, которые гренландцы привыкли связывать с прибытием европейцев. Не проходило, пожалуй, ни одного часа днем или ночью, чтобы кто-нибудь не высматривал шхуну, стоя на холме над гаванью и вглядываясь в синюю спокойную воду.

Гренландские торговые пункты должны быть (так предполагается) снабжены всем необходимым и нужным для элементарных

нужные остатки европейских товаров — единственное, чем их могла теперь снабжать почти опустевшая лавка. «У нас нет печенья, нет сухарей, но есть свечи; овсяной муки нет, но есть фасоль. Кофе есть, но нет сахара. Паток? Да что вы, осенью всю прикончили». Не было бус и украшений для девушек, но был ассортимент старых потемневших и позеленевших колец почти та-

Эскимос с каяком.

удобств европейского быта, вещами, в которых здешние туземцы научились нуждаться на своем пути к просвещению.

Лавка в Игдлорсуите получала запас товаров на сезон тогда, когда уманакские власти находили отправку их не слишком хлопотной для себя, — с середины лета до осени. Удивительно, с каким терпением в течение весенних месяцев и в начале лета жители поселка продолжали покупать на маленькие медяки, полученные за добытые ими шкуры и жир, не-

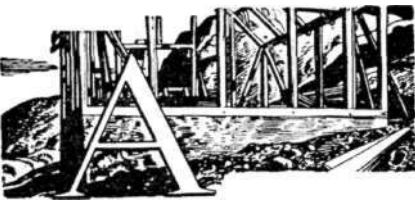
кого размера, что они годились бы на запястье гренландки. Не было никакой мануфактуры, кроме испачканных на фабрике остатков с бесцветным, скучным рисунком. Начальник торгового пункта не одобрял торговли папиросами, но что вы скажете о никелированном портсигаре с красивой картинкой, изображающей француженку в трусах? Масла, конечно, не было, но, может быть, есть маргарин? Нет, тоже нет. А пиленый лес? Есть, самый дорогой, не по карману жителям.

Цемент? Две бочки. Он никому здесь не нужен. Гвозди? Извините, вот уже несколько месяцев в лавке нет ни одного гвоздя.

Есть пиленый лес для опалубки, есть цемент — можно начинать работу. Весь поселок обошел известью, что мне нужны гвозди; люди стали приносить свои гнутые ржавые сбережения. Поставили мальчика выправлять их. У меня в дорожном мешке был карманный ватерпас, молоток, ручной топорик. Один гренландец одолжил мне старую пилу. И вот десять человек начали таскать на место работы лес, песок и гравий.

Дорога в гору крутая, но никто на это не жалуется. Настроение у всех праздничное.

ДОМА!

время шло. Появилась ли шхуна? Да, двумя неделями позже, чем было обещано. С ней прибыли мои ящики, мешки, корзины, тюки. Все нужное для постройки дома было прислано из Дании. Шхуна разгрузилась и отплыла. И снова моя пестрая бригада грузчиков, мужчин и женщин, копошится на горе; похоже на карнавал.

Угольник, пила, молоток, доски, гвозди. Где гвозди? Мы ищем везде, открываем каждый ящик, перебираем все мое имущество — гвоздей нет. Их забыли в Уманаке.

Тем, кто заметит мне — и вполне резонно — в ответ на обиженное нытье по поводу гвоздей: «А вы кто такой, что власти должны беспокоиться о ваших нуждах?» — я могу только сказать: «Я ничего особенного собой не представляю». И в этом все дело. Поведение властей не относилось ко мне лично, никаких дурных намерений у них не было; они забывали не только о моих гвоздях, но о гвоздях любого другого. И не только о гвоздях, но и об овсяной муке, хлебе, патоке, шоколаде, пиленом лесе, скобяных изделиях, спичках; один год забывали одно, другой — другое.

Хотя у меня был лес без гвоздей, но на несколько дней дела хватило. Дом мой, должен заметить, был по плану датской конструкции. Я сделал эскиз и, не зная размеров датского пиленого леса, отослал рисунок талантливому молодому датскому архитектору — да вознаградит его сла-

ва! — который по нему сделал чертежи и составил подробнейшую спецификацию. В точном соответствии с последней Гренландское управление в Копенгагене аккуратно отправило, как я потом выяснил, все до последней палки, болта, гайки и гвоздя, конечно, вместе со спецификацией. Спецификация застряла в Уманаке. Я видел ее одним глазком, когда был там, и попросил отдать мне. «А мы ее вам пришлем», — сказала мне. Я много раз писал и говорил о ней потом, но так ее больше и не увидел.

Итак, передо мной было огромное количество пиленого леса непривычных размеров. Задача состояла в том, чтобы узнать, что куда идет. Хоть дом мой в его теперешнем виде не совсем то, что предполагалось, он тем не менее хорошее, прочное, плотно сбитое, основательное маленькое здание, которое простоит долго, пока однажды весной его не накроет скатившийся со склона горы обвал, а это будет. Но гвозди? С течением времени прибыла арендованная мной моторная лодка. Я отправился в Уманак и получил их. Гвозди, которыми был сшит мой дом, обошлись дорого.

Если бы я писал о работе в умеренном поясе, то сказал бы, что работал с рассвета до темна. Так как не было темноты, чтобы ограничить меня, то работал я неумеренно — сколько только мог.

Через восемь дней после укладки нижних балок на фундамент я въехал в дом. Было уже около полуночи, я подмел и привел помещение в порядок. Потом я отправился в домик, где было сложено все мое добро, и взял постельные принадлежности. Я разостлал свои одеяла, закрыл дверь и сел. У меня был дом в Гренландии.

Это было 14 августа.

БЕЛУХА

сентябрь, конец сентября. Холодно. Северное небо светится под пологом низких черных туч. Северный ветер проникает сквозь одежду, пронизывает тело, добирается до костей.

Внизу на ровной прибрежной полоске расстилают и чинят сети, большие сети с восьмидюймовыми петлями. Видимо, октябрь обещает какой-то чудовищный улов.

Миграции на юг *Delphinapterus leucas*—белухи, или белого кита, как ее в действительности назы-

вают (не смешивать с гигантским китом Моби Дик), происходят с такой извечной регулярностью по срокам и следуют по такому неизменному пути, что не приходится удивляться тому, что с белой происходит. Сала у нее много, и оно вкусно, мясо хорошее, шкура сочная. Человек знает повадки белухи, помогай ей бог!

Игдлорсуитские сети поставили 2 октября. Уже 3-го раздались крики: «Катакак!» Киты пришли, один поймался.

Из домов высыпают люди, все жители. Они бегут вдоль кромок воды к месту, где в трех-четыре десятках футов от берега в лодке несколько человек над чем-то трудятся. Утро мрачное, серое; резкий холод. Холодно даже смотреть на их работу, не то что погрузить самому руки в холодную воду. Медленно, сажень за саженем, вытаскивают из воды тяжелую сеть, передают ее дальше. Люди напряглись, тянут, лодка накренилась, и ее захлестывают невысокие волны. Появляются белые плавники; вокруг хвоста обвязывают канат, закрепляют его. Кита освобождают от сети и опускают в воду. Передышка, чтобы растереть заочевенвшие пальцы. Теперь за весла.

Лодка врезается носом в песок. Толпа подхватывает лодку, вытаскивает на берег. Затем мужчины, женщины, дети, взявшись за канат, привязанный к киту, тащат его поперек прибрежной полосы по ровному участку... Р-раз! Канат лопнул, и все повалились на землю. Взрыв хохота, но кит лежит уже на берегу.

Из дома появляется только что вставший с постели Троллеман'. Он важно шагает, раздувшись от мехов и гордости.

— Ну, ну! — кричит он. — Что тут такое? Что тут такое? Видите, как я работаю, мистер Кент?

— Вы работаете? — говорю я в изумлении, так как вижу, что самый малый из ребят имеет большее отношение к киту, чем его руки.

— Конечно, мистер Кент. Моя сеть, мой кит.

— Ах так, понимаю, ваша бригада.

Он остановился; все это время он шествовал с гордым видом распорядителя.

— Бригада! — восклицает он возмущенно и удивленно. — Никакой бригады нет. Я ловлю китов. Я всегда ловлю их. Нет, мистер Кент, никакой бригады. Понимаете, мистер Кент, — продолжает он конфиденциальным тоном, — если у вас бригада, вы с ней делитесь. Это не годится. Нет, нет. Я работаю сам. Ну, конечно, — голос звучит несколько неодобрительно, — я позволяю им помогать мне. Им это нравится.

1 Фамилия одного из представителей колониальной власти.

Нет мистер Кент, нет, нет, нет, нет, никакой бригады.

Тем временем кита искусно разделали: сало и мясо унесли и сложили в сарае хозяина, а шкуру — она называется «матак» — уничтожили с такой скоростью, на какую способны полсотни челюстей. Хотя зрелище напоминало бойню и все до единого основательно измазались кровью, я должен сразу же рассеять предположение, будто шкуру белого кита — сырую или приготовленную — можно считать чем-либо иным, нежели одним из самых изысканных деликатесов на свете.

Нарезанный маленькими кубиками, в супе матак несколько напоминает зеленую черепаху. Нарезанный полосками величиной с мизинец и изжаренный, он красиво сворачивается спиралью и приобретает твердость довольно жесткого жареного двусторчатого моллюска, но вкус у него другой, хотя не менее изысканный. Тушеный с жирной подливой, просто вареный или, лучше, вареный с гарниром из риса в остром соусе матак молодого кита настолько нежен, что режется без ножа, и настолько вкусен, что может навеки прославить французского повара. Однако понимающие люди говорят, что лучше всего есть его холодным, из ледяной воды; захватывать его зубами, отрезать кусок ножом снизу вверх, к носу, и глотать, почти не жуя. И пока Троллеман не прекратил пиршество, унося оставшиеся большие квадраты шкуры, именно этот великолепный способ и применялся.

Когда убрали все, что интересует человека, подпустили свору собак, которую до той поры держали в отдалении, насколько хватает бич. Собаки ринулись, слышалось рычание сотни глоток. Собаки кишели в два слоя на остатках кита. Они катались в крови и кишках. Кончилась бедуха.

САЛАМИНА

Саламина происходила из семьи, какая в Гренландии считается хорошей. Отец ее был одновременно искусным охотником и помощником пастора (редкое явление), семья ее принадлежала к той счастливой части населения, которая, живя в отдаленных пунктах, усвоила некоторые хорошие стороны датской культуры, не став жертвой пороков метрополии. Все это действи-

тельно много значит. Еще большее значение имело то, что непостоянные средства к жизни, добываемые охотой, подкреплялись у отца небольшим, но твердым окладом школьного учителя: Саламина ела досыта. Крепкая и сильная девочка переходила от игры в домашнее хозяйство с изготовлением пирогов из песка к беготне с мальчишками и командованию ими. Она была настоящим сорванцом. Она охотилась с луком на северных овсянок, подползая к ним, когда они перелетали с одного валуна на другой; промахивалась, стреляла снова. Она лазала по скалам и бродила по горам. Как и другие гренландские дети, она вела ничем не стесненную жизнь. Она, случалось, набивала себе шишки, но не плакала. Так полагается в спартанской Гренландии. Она работала. Зимним утром, холодным и темным, мать расталкивала ее, прерывая ее сны. «Вставай, — говорила мать, — вставай, растапливай печь». Она встает босая, позевывая. Ей десять лет.

Одетая как мальчик — в кожаные штаны и анорак, — она вместе с матерью собирает на холмах хворост на топливо и тащит домой вязанки, шатаясь под их тяжестью. Этим она занимается каждый день в течение всего лета и ранней осени. А когда начинает падать снег и белые куропатки в поисках пищи спускаются с гор, Саламина берет отцовское ружье и в мужских штанах ходит на холмы охотиться. Да, она умела стрелять: убивала чаек, куропаток; она даже застрелила на льду нескольких тюленей. Однажды она попробовала плавать в каяке: уселась в него, ее оттолкнули от берега. И тут в панике она бросила весло, начала кричать, схватилась за края кокпита и опрокинулась. Несмотря на штаны, она все же была девочка.

Но с собаками она управлялась хорошо, и в светлые дни в конце зимы она правила санями наравне с самыми искусными мужчинами. Всем мальчишеским занятиям она, можно сказать, училась; остальные знания она впитала незаметно. Знания приобретаются легко, если отсутствует принуждение. Они усваиваются, как пища, как материнское молоко, в меру способности или потребности ребенка. Знания просто образуются, как чувство равновесия, как умение говорить. Все то, о чем мы пишем книги, о чем говорится в книгах, которые мы запрашаем, все эти советы девочкам, советы мальчикам, советы новобрачным, советы, — все это гренландский ребенок просто узнает сам, походя. Какие мы, оказывается, дураки! Семья живет в одной комнате. Жизнь, можно сказать, как на ладони. Тот, кто живет в таких условиях, будет знать жизнь, знание ее бу-

дет расти с ним вместе. Гренландский ребенок воспитывается на действительности и на ней строит свои игры. Какому ребенку понадобится кукла, если есть младенец, с которым можно играть в дочки-матери? Саламина нянчила свою маленькую сестру, одевала ее, раздевала, таскала на руках. Младенец подрос, и сестричка стала подружкой в играх.

Саламина любила сестричку; все ее любили. Девочка хорошела с каждым годом, все знали ее, все говорили о том, какой она будет красавицей, когда вырастет. Она росла так быстро, время летело! Скоро ей исполнится девять. А какой аппетит у растущих детей, хороших, здоровых растущих детей! Она наедалась дома досыта тюленьего мяса, а потом отправлялась к соседям и снова наедалась — каши; соседи были добрые люди и очень с ней возились. Там часто варили кашу из овсяной муки и постоянно стояла тарелка с ложкой, оставленная, быть может, Иовом, съевшим свою порцию. (Бедный Иов! Он все болел и умер внезапно.) Доктор сказал, от туберкулеза.)

И на той самой постели, на которой она родилась, на общей постели семьи, маленькая сестра Саламины умерла. Сказали, от туберкулеза. В Гренландии дети растут со смертью в груди.

Саламине было только двадцать лет, когда умер ее отец; в том же году умерла и мать. Как будто они слишком привыкли жить вместе, чтобы вынести разлуку. А кроме того, пройдя всю жизнь рука об руку, они разделили и общую болезнь — туберкулез.

Брат Саламины был уже женат и давно переехал жить в Икерасак. Теперь и Саламина отправилась туда — к дяде Енсу и Николене. И было во всех отношениях хорошо, когда она сблизилась со своим двоюродным братом Фредериком и вышла за него замуж. Он был уравновешенный, спокойный человек. «Если бывали нелады, — рассказывала мне Саламина, — то виновата была я. Он был всегда одинаков, всегда добр». Пошли дети, сначала Регина, потом Фредерик, потом маленькая Елена. Брак принял свою окончательную форму, обрел свою сущность — возникла семья. Вот теперь можно уверенно сказать, что жизнь начинается. Для Фредерика она скоро кончилась. Он умер от туберкулеза вскоре после рождения третьего ребенка.

Во всяком случае, для Саламины началась новая жизнь.

— В чем дело, Саламина?

Саламина сидит рядом со мной; освещенная лучом от лампы, она опускает свое шитье и смотрит на меня странным взглядом.

— Саламина айорпок? — Саламина плохая? — спрашивает она меня на моем жаргоне. Каким

чудом она узнала, что я сейчас пишу о ней?

— Нет, — говорю я со смехом.

Она улыбается и снова берется за шитье.

ФУТБОЛ

Начинай, Мартин, пасуй давай!

Но маленький мешочек из тюленьей кожи, набитый травой, летит ко мне. Я бью по нему на бегу. Удар, я поскользнулся, хлоп! Я падаю задом на твердый лед. Встать, встать на ноги и догонять мяч! Вокруг мяча борется плотная кучка; врезаюсь в нее. Удар, удар, удар по моей ноге: упал, опять встал: бей головой, толкай, давай подножку, хватай руками — не соблюдай правил, просто борись. Питер скользит молнией, Нильс ревет, как лев, Паулус стоит, как башня из замерзшего дерна: налетай на него! Сильные, проворные парни.

Принимай, Самуэль!

Но Нильс с ревом несетя на него. Ах, так? Ты, помощник пастора! Боже мой, смотрите на Нильса! Гол!

Полдень, но уже сумерки. На севере полная луна. И время от времени глупый мешочек с травой пролетает на фоне луны, как будто мальчишки швыряют камнями в небесное окно.

ПЯТНЫШКО

я заметил, отсутствует формальное приветствие: человек проходит мимо другого, кивнув ему, а то и без этого. И вообще они скорее склонны молчать, чем болтать о незначительных вещах, но замечание о погоде у них обязательно. Прежде всего заговаривают о ней. «Сила пинака», — говорят они, — «хороший день».

В это замечание вкладывается большой смысл. Слово «сила» значит не только «погода», но

все, что под открытым небом, — мир, вселенная. Чтобы перевести это замечание и передать на нашем языке его тон и выразительность, нужно было бы сказать: «Ей-богу, мир прекрасен!»

Это правда — сейчас, в холодные октябрьские дни. Погода зимняя, морозная, бодрящая. Тень горы накрыла нас, и так и останется до марта. Солнце уходит, океан превращается в лед: исполнинские картины смены времен года прекрасны — ужасающей красотой.

На берегу маленькие фигурки; что они там делают, чего бегают? Они спускают на воду лодку, набиваются в нее. Они гребут, как сумасшедшие. Два человека отплывают на каяках. Гонка? Смотрите! Вон третий показался из-за мыса. Это действительно гонка: он перегоняет их. Они бешено гребут, направляясь в море. Люди взобрались на холм. Они стоят толпой, куколки на фоне неба, и смотрят — на что? На то, что там происходит. Я достаю бинокль, навожу его на воду. Бинокль сильный, поле зрения у него маленькое. По очереди я ловлю лодку, каяки, один, два, три. Если это гонка, то у лодки нет шансов, она далеко позади. Один

из каяков намного опережает всех. Куда он направляется? За чем? Я осматриваю водную поверхность в направлении движения каяка: ничего там не видно. Ох, нет! Есть что-то темное на поверхности, почти полностью покрытое водой. Вот в чем дело: мертвый морж или что-нибудь в этом роде. Они мчатся наперегонки, чтобы заполучить свою долю. Но что это там, на одном конце? Беловатое, шевелящееся? Нет, оно не на конце, а около; черное, сходит на нет, и между его концом и этим беловатым остается вода. Да это... Боже мой! Теперь я узнал, что это за трепыхающееся пятнышко. Это тонущий человек.

В отчаянной гонке люди в каяках и в лодке, не останавливаясь, гребли громадными взмахами, несмотря на то, что им нужно было покрыть расстояние в две мили. Стало ясно, что люди в каяках, низко сидящих в воде, гребут вслепую, руководствуясь только направлением, взятым еще на берегу. Они значительно отклонились от правильного курса. Еще несколько ярдов в подветренную сторону, и ведущий каяк пройдет мимо цели. Казалось, так и будет, но вдруг, резко повернув, он на-

За разделкой добычи.

правился прямо к ней. Как привзвонно звучит их оклик для тонущего!

Что происходило при спасении, с берега не было видно: каяки, люди, а затем и лодка представлялись нашим глазам сплошной шевелящейся массой. Даже когда лодка направилась к берегу, мы не могли догадаться, удалось спасти тонувшего или нет. А как

в ближайший дом, к Енсу. Давид в сознании; он приподнимает голову, пытается — и ему это удается — улыбнуться. С него снимают намокшую одежду. Как трогательно мало на нем надето!

Камики (но без носков) из тюленьей или собачьей шкуры; один камик он потерял в борьбе за жизнь. Хорошие штаны из тюленьей шкуры, но нижнего белья

Давид пробыл в воде около сорока минут, и полчаса понадобилось на обратный путь. Третий раз в жизни он был близок к смерти. На этот раз он застрелил тюленя, втащил его на корму каяка. Вдруг по левому борту вынырнул крупный тюлень. Давид вонзил в него гарпун; сырмятный ремень размотался, но при этом за что-то зацепился, и каяк опрокинулся.

Гренландский каяк, быть может, самое изумительное судно из придуманных человеком. Это не лодка или каноэ, а скорее продолжение тела человека, делающее его амфибией: каяк и человек составляют одно целое. Буквально одно целое, потому что в «полной куртке», которую человек на каяке надевает в бурную погоду, он соединен со своей лодкой, связан с ней. Одежда из тюленьей шкуры с капюшоном плотно завязана вокруг лица, у кистей рук и прикреплена к кокпиту каяка. Волны могут перекатываться через каяк, это бывает. Но внутрь вода проникнет только через рот и нос человека. Каяк может опрокинуться — это случается часто, — но он быстро принимает правильное положение.

В обычную погоду человек на каяке одет в «полукуртку». Это цилиндр из тюленьей шкуры, привязанный к кокпиту и поддерживаемый под мышками наплечным ремнем. Похоже, будто человек на каяке сидит в смотровой башне, высунув из нее голову и плечи. Так был одет и Давид в тот день, когда его каяк опрокинулся. Перевернувшись вниз головой, он не смог выправить каяк; к нему был привязан застреленный тюлень. А крупный тюлень, метавшийся в агонии, был привязан к каяку ремнем гарпуна. Давид также был привязан к каяку, теперь вниз головой. Как он выбрался из-под него, никто не знает; может быть, не знает и сам Давид.

Он остался жив. Его заставили просидеть этот день дома; на следующий он опять убил тюленя. Таковы гренландские охотники.

Перевод с английского
В. К. ЖИТОМИРСКОГО

(Продолжение следует)

Саламина. По имени этой самоотверженной и мужественной гренландки названа Рокуэллом Кентом вся книга.

долго возвращается лодка! Кто тонет? Мы не знали.

Вот они приближаются к берегу; все столпилось у самой воды. Люди расталкивают льдины, чтобы было где пристать. Низкие волны прибоя поднимают лодку, и она врзается в песок. На дне, у кормы, между ногами поддерживающего его человека, сидит Давид. Его берут, как вещь, и несут

нет. Два свитера. Тело у него как лед; десять человек растирают его с головы до ног. Напротив меня работает Мартин: с его толстого лица дождем каплет пот. Давид едва может проглотить ром, который я вливаю ему в рот. Но вот он приходит в себя; мы видим, как на смертельно бледном лице появляются краски жизни.

ЧТО ТЫ ЗНАЕШЬ О НАШИХ КОСМИЧЕСКИХ СОСЕДЯХ?

(Начало см. на стр. 6)

Ученые Адаме и Денхем обнаружили в спектре Венеры сильные полосы поглощения углекислого газа. Недавно Н. А. Козырев, анализируя спектрограммы неосвещенной части диска Венеры, нашел свободный азот, а по спектрограмме дневной половины открыл наличие неизвестного вещества — йодистого соединения. Оно имеется и в атмосфере Земли на высоте около 10 километров, но на Венере его должно быть приблизительно в 6—10 раз больше.

Есть ли на Венере вода? Это очень важный вопрос, по поводу которого существуют самые разнообразные гипотезы. Многие ученые сейчас склоняются к мысли, что поверхность Венеры представляет собой сплошной океан.

Н. П. Барабашов заметил на Венере солнечные блики. Так отражать свет может лишь поверхность воды или же облака, которые состоят из ледяных кристалликов.

В конце 1959 года два американца, Ч. Мур и М. Росс, поднялись на стратостате на высоту 26 тысяч метров для наблюдений за атмосферой Венеры. Результаты, полученные американскими учеными, доказывают существование в атмосфере Венеры водяных паров, что подтверждает предположение Н. П. Барабашова. Как показали последующие исследования, паров воды в атмосфере Венеры не меньше, чем в атмосфере Земли.

Недавно умерший замечательный советский ученый, основоположник новой науки — астробиологии — Г. А. Тихов высказал предположение, что сильное отражение от твердой поверхности Венеры желто-красных лучей обусловлено существованием на ней растительности оранжево-желтых тонов. Эта гипотеза была выдвинута академиком Тиховым после того, как им были получены фотографии Венеры в инфракрасных лучах.

До сих пор считали, что температура поверхности Венеры велика: от +60 до +80 градусов. Но данные, полученные в 1959 году американскими учеными, позволяют допустить возможность того, что атмосфера облачной планеты, обладая сильной отражательной способностью, рассеивает солнечные лучи в пространство, и поэтому температура поверхности Венеры в среднем составляет 11 градусов тепла.

Много еще загадок хранит сестра Земли за густой фатой облаков. Недалек тот день, когда красновзвездная космическая ракета доставит к ней летающую лабораторию. Тогда мы сможем получить не только фотографии поверхности планеты, но и точные цифры температуры разных слоев ее атмосферы, детальные данные о химическом составе воздуха на Венере, о наличии и формах жизни.

Красная, звезда

Низко над горизонтом, словно дальний огонек, горит теплым красноватым светом звездочка. И трудно понять, почему ее такой уютный, такой земной, домашний цвет издавна считают зловещим, почему ей дали имя римского бога войны Марса.

Марс, отстоящий от Солнца на 288 миллионов километров, окружен довольно значительной атмосферой из азота и других газов. Доктор химических наук Н. Жиров считает, что в атмосфере Марса находятся тяжелые благородные газы: аргон, ксенон и криптон.

На Марсе часто сильные пылевые бури. Желтые облака пыли оседают очень медленно. Это не вяжется с представлением о Марсе как о планете с крайне разреженной атмосферой. Подобное явление может происходить, если атмосфера планеты плотна и состоит из тяжелых газов. К сожалению, эту гипотезу нельзя подтвердить методами спектрографии, ведь благородные газы одноатомны и поэтому не имеют полос поглощения в своих спектрах.

Последние исследования показали, что водяные пары и кислород содержатся в атмосфере Марса в ничтожном количестве. Американский астрофизик Денхем считает, что кислорода там содержится примерно пятнадцать сотых процента от кислорода земной атмосферы. Некоторые ученые полагают, что трудность спектрального обнаружения кислорода вызывается тем, что в марсианской атмосфере присутствует кислород иного изотопного состава, чем в атмосфере Земли (гипотеза Г. А. Тихова).

Вода существует на Марсе, по всей вероятности, в твердом состоянии: в виде инея на поверхности планеты (белые шапки полярных областей) и в ледяных массивах под слоем почвы (расчеты профессора А. И. Лебединского и гипотеза В. Давыдова). В пользу последней гипотезы свидетельствует сглаженный рельеф поверхности планеты, объясняемый тем, что лед, как текучее вещество, заполняет все углубления. Но под толстым слоем льда, где давление очень высоко, вода может находиться и в жидком состоянии. Следовательно, если в атмосфере Марса имеется кислород, *i* в почве вода, значит, там есть и условия для существования жизни, тем более что температура на освещенной поверхности планеты колеблется от —80 до +30 градусов по Цельсию.

С 1877 года, когда миланский астроном Скиапарелли открыл пресловутые «каналы» на Марсе, вопрос о жизни на этой планете является предметом оживленных дискуссий. Во всяком случае, установлено с предельно доступной в настоящее время точностью, что жизнь на Марсе есть.

Каковы же доказательства этого положения?

Области Марса, находящиеся в экваториальном поясе, замечательна тем, что на них отмечены пространства темного, буро-коричневого и синезеленого цвета, так называемые «моря». Как раз в спектрах этих областей американский астроном Синтон обнаружил полосы поглощения, свойственные органическим молекулам. Это-то и является неопровержимым доказательством справедливости теории, выдвинутой Г. А. Тиховым еще много лет назад. Темные пятна — это области распространения растительности.

Несколько лет тому назад на поверхности Марса появилось новое огромное буро-зеленое пятно, по площади равное территории Украины. Окраска его подвергается тем же изменениям в соответствии с временами года, как и окраска «морей». Названное по имени открывателя пятно Слайфера, это образование сохраняет почти неизменной свою форму в течение нескольких лет. Может быть, это огромный растительный массив?..

Что касается наличия на нашем соседе разумной жизни, то эта гипотеза имеет как своих горячих сторонников, так и не менее пылких противников.

Японские ученые отмечали на поверхности Марса в 1937, 1951 и 1954 годах яркие вспышки, причем в 1951 году вспышка сопровождалась образованием белого облачка. Что это? Может быть, ядерные взрывы, как предполагают некоторые ученые? Но с какой целью они произведены?

Как видим, несмотря на то, что Марс подходит к Земле в периоды великого противостояния на расстоянии до 55 миллионов километров и представляет собой великолепную пель для наблюдений, существует еще очень много невыясненных и спорных вопросов, связанных с этой планетой.

Вот вкратце то, что мы знаем сейчас о наших ближайших космических соседях. Едва ли дальнейшие исследования и наблюдения с Земли позволят сделать новые существенные открытия. Правда, телескопы становятся совершеннее, электронная аппаратура дает возможность фиксировать не доступные ранее изменения на поверхности или в атмосфере планеты... Но это позволит лишь уточнить имеющиеся уже сведения. Открытия теперь можно совершить только в непосредственной близости к планетам. И нам помогут летающие лаборатории — спутники и автоматические станции, которые внимательно обследуют поверхность наших небесных соседей.

Г. СВАРИЧОВСКИЙ,
Ю. СВАРИЧОВСКИЙ

ЛЮЦИАН ВОЛЯНОВСКИЙ,
польский журналист

К

Как летит время! Ведь почти сто лет прошло с тех пор, когда взвился занавес парижской «Гранд-опера» и многочисленная публика восторженными аплодисментами встретила талантливое произведение молодого Жоржа Бизе. Это была опера «Искатели жемчуга». Вы, наверное, помните ее содержание?

...Зурга, искуснейший на Цейлоне ловец жемчуга, и его друг охотник Надир любят одну девушку. Во имя дружбы они решают отказаться от любви. Им удается сдержать обещание: девушка находится в далеком монастыре и выполняет обязанности жрицы.

Но вот наступает время лова жемчуга. По древнему обычаю старейшины приводят в святилище молодую жрицу: своими молитвами должна она заклинать злые силы, успокаивать бури. Она дала обет чистоты, и ни один мужчина не смеет приблизиться к ней. Однако Надир, услышав напевы таинственной жрицы, узнает голос любимой им Лейлы. И юноша забывает обо всех обетах и запрещениях...

Композитор уже после первого акта оперы был награжден овацией зрителей. Занавес поднялся снова закончен лов жемчуга, жрица сидит на одинокой скале, ее привезли сюда, чтобы она помнила о своем обете.

Чудесное произведение создали Бизе и либреттисты Карре и Кормон! Но сама жизнь написала другую, еще более драматическую историю об искателях жемчуга. Я привез вам ее с японского острова Татоку. Ее музыка — зловещий шум морских волн. Действие продолжается десятилетия — и по нынешний день

„КОРОЛЬ ЖЕМЧУГА“

Остров Татоку называют «жемчужным островом», а господина Кокичи Микимото — «королем жемчуга». Но мне не привелось видеть этого «короля». «Незабвенный господин Микимото» умер в 1954 году, прожив на свете 95 лет. Я побывал в его родном селении на берегу залива Тоба. Сейчас господин Микимото, улыбаясь, стоит на высоком пьедестале, одетый в кимоно, но с... европейским котелком на голове. Он смотрит на спящие вдоль берега лодки. В них» девушки, одетые в белое. Они возвращаются с лова. Господин Микимото

ЖЕМЧУГ

то довольно улыбается: он имеет определенные заслуги в жемчужном промысле.

Вы слышали, конечно, о том, что жемчуг производят особые моллюски, живущие в крепких раковинах. Но подобная работа — отнюдь не излюбленное занятие моллюска. Зарождение жемчужины связано с проникновением в его тело какой-нибудь инородной частицы, например песчинки.

Когда такое несчастье обрушивается на моллюска, тот оказывается буквально в безвыходном положении — ведь он не может выкарабкаться из своей раковины. А потому он начинает «плывать» на непрошеного пришельца, окружая его особой оболочкой. Так с течением времени образуется твердая жемчужина.

Но только одна из четырех тысяч, повторяю, одна из четырех тысяч раковин содержит жемчужину. Таков средний коэффициент. Совсем другой коэффициент лишь на жемчужном промысле господина Микимото. Правда, и выловленные там жемчужины отличаются от обычных. Лучи рентгена открывают в них крупинку субстанции, искусственно введенную внутрь трехлетней раковины. Последующие три-четыре года моллюск работает на фирму «Микимото», обволакивая эту крупинку известковым слоем.

Кокичи Микимото был одним из первых, кому пришла мысль получить жемчуг путем искусственного выращивания. В сентябре 1888 года нанятые им в окрестностях Тоба рыбаки стали собирать раковины и накапливать их в специально охраняемых и загороженных морских бассейнах. Кокичи часами бродил по мелкой воде, осматривая новую «ферму».

В 1890 году Микимото познакомился с доктором Июисикичи Мичукури. Ученый и предприниматель провели вместе много дней в исследовательской лаборатории Токійского университета. И все же первые опыты Микимото, по существу, были блужданием в потемках. Сначала он безуспешно пытался ввести в раковины крохотные

осколки стекла, потом — обломки скорлупы, чешуйки. Не дала положительных результатов и его попытка обволакивать ядрышко будущей жемчужины в мясные ткани моллюска и затем вводить все это внутрь другой раковины, где должна была формироваться жемчужина. Кокичи старался определить, в каком возрасте моллюск может перенести операцию. Наконец, он пробовал установить влияние морской воды на образование жемчужины.

Короче говоря, потребовалось 10 лет, прежде чем Микимото собрал на своих подводных пастбищах обильную жатву — 4 200 драгоценных жемчужин. С ними к небогатому еще недавно торговцу пришли известность и деньги, он сразу открыл собственный магазин в самом центре японской столицы.

По тем временам Микимото тонко разбирался в могуществе рекламы: он пригласил к себе на остров принца Комадзу, кузена тогдашнего императора. Комадзу получил в дар от «короля жемчуга» двенадцать овальных и пять круглых жемчужин. Следующую партию жемчуга, добытого Микимото, принц купил для себя и повез на коронацию английского короля как подарок от японского императора. Этот жемчуг возбудил любопытство парижских и лондонских ювелиров. Занялась им и пресса.

Заграничные газеты писали в 1904 году, что в Японии собираются выращивать жемчужины, словно овощи, на специальных морских фермах. А господин Микимото благосклонно разъяснял корреспондентам, что «в живой организм моллюска вводится особым способом жемчужная крошка, затем раковину снова бросают в море на четыре года, в течение которых моллюск покрывает своими выделениями эту крошку, в результате чего и образуется настоящая жемчужина».

В это время на подводных пастбищах господина Микимото насчитывался уже один миллион раковин и в них все чаще находили наиболее ценные круглые жемчужины. Микимото сам разрабатывал

«технологии производства», диктовал цены. Его изделия демонстрировались на выставках во всемирном мире.

В 1924 году Микимото стал «поставщиком жемчуга и драгоценностей императорского двора». Его избрали в палату пэров, так как он платил очень высокие налоги. Тогда же Микимото отправился в США. Он нанес там визиты некоторым «королям» промышленности и торговли. Сам Эдисон поведал ему, что тоже пытался создать жемчуг... в пробирке, но потом забросил это дело.

Однако пребывание Микимото в Америке не ограничилось визитами. Весьма практичным занятием оказалось собирание раковин с моллюсками в реке Миссисипи. Эти пресноводные раковины до сих пор являются подсобным материалом для выращивания японского жемчуга.

Вообще «король жемчуга» всегда был трезвым человеком. Особенно ярко его практицизм проявился в 1945 году, когда японское радио сообщило народу о том, что война проиграна. На мачте возле дома Микимото, члена палаты пэров и поставщика императорского двора, тотчас взвился звездно-полосатый

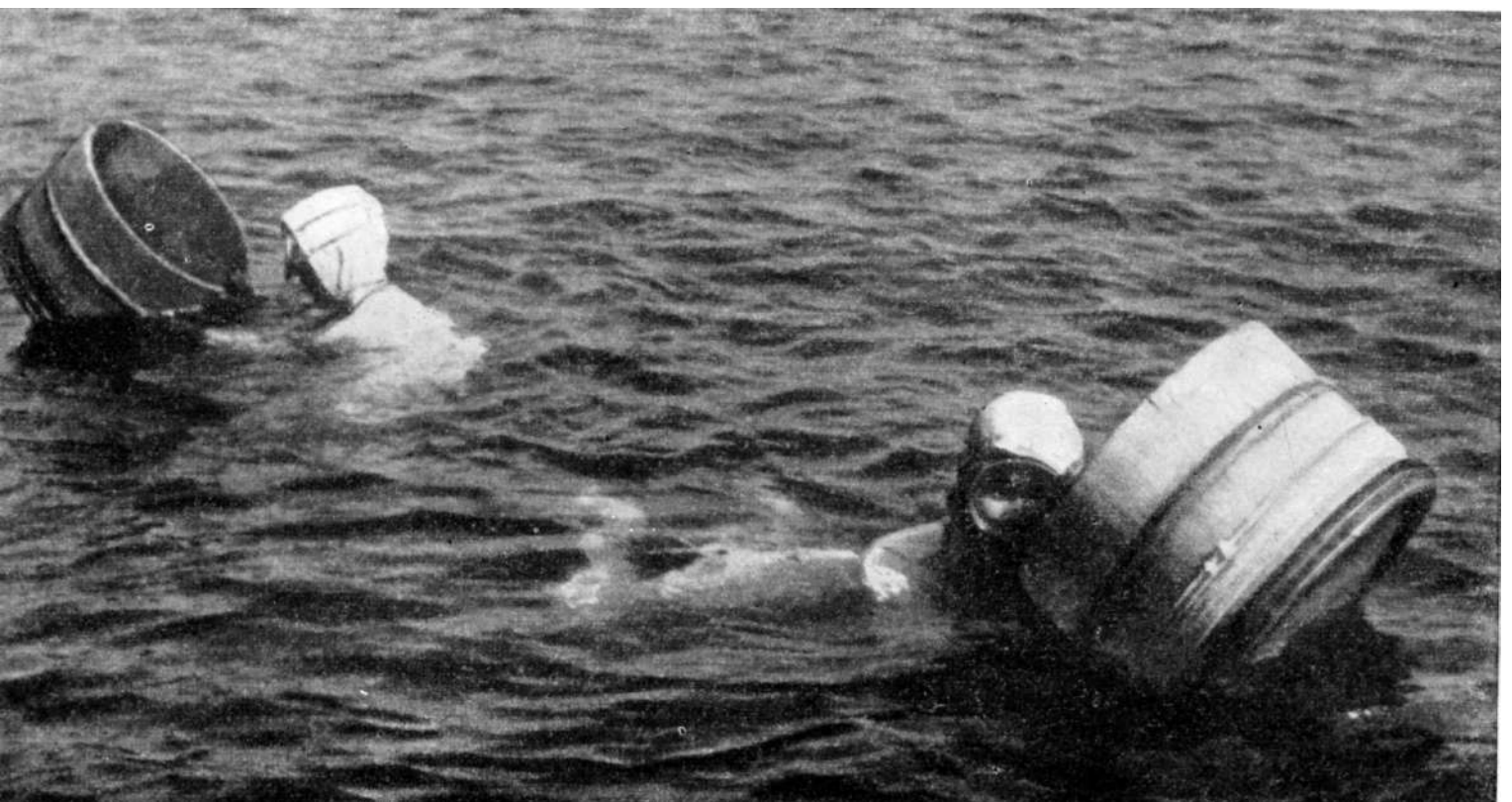

Господин Кокичи Микимото — «король жемчуга».

Жемчужные плантации.

И СЛЕЗЫ

*Богиня-покровительница равнодушно
взирает на ныряльщиц.*

Жемчужины тщательно сортируют.

американский флаг. «Король» поспешил надеть самое лучшее кимоно, чтобы с достоинством встретить представителя американской армии.

Вскоре «жемчужный остров» превратился в объект частых прогулок сановников из штаба оккупационных войск США. Прежние работники начали возвращаться из плена, в котором оказались после поражения императорской армии и флота. Девушки в белом снова начали нырять в воды, очищенные от японских и американских мин...

ДЕВУШКИ В БЕЛОМ

В открытом море неподалеку от маленького островка, где высится изваяние богини Хитотузукеканнон — покровительницы девушек-ныряльщиц — идет лов. Девушки прыгают с палубы суденышек 8 глубь моря и достают оттуда раковины для фирмы «Микимото».

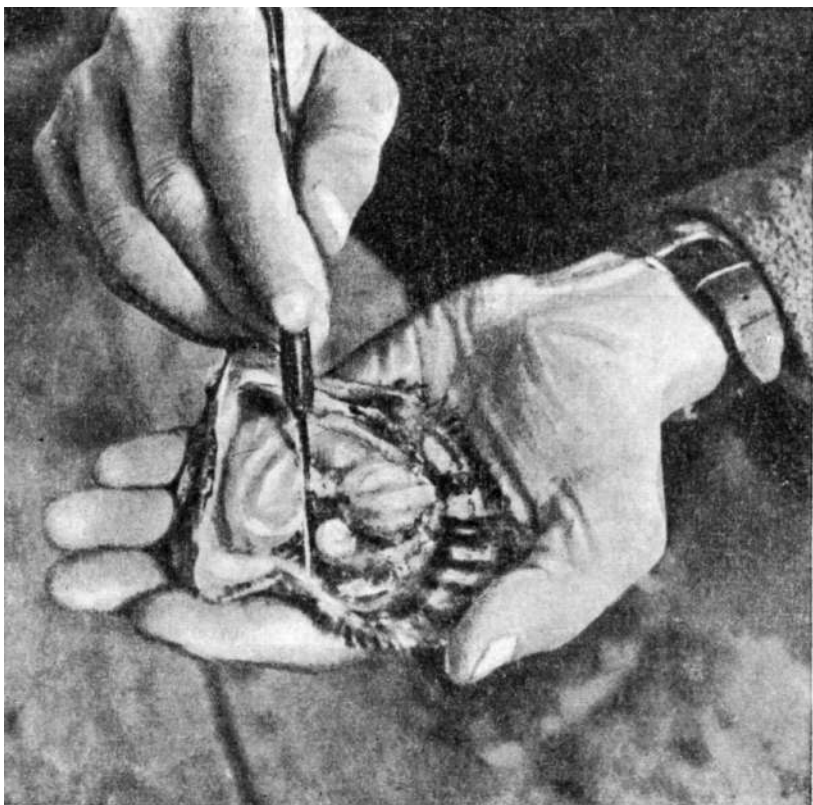
Говорят, что молодежь этой местности чувствует себя в волнах океана так же хорошо, как и в своих маленьких бумажных домиках. Говорят, что особенно подходят для роли искателей жемчуга женщины: у них больший объем легких и чуть ли не врожденный иммунитет к холоду. Но я думаю, что дело не в объеме легких.

Ороку Китамура, сорок пять лет нырявшая в море, говорила другое: «Нам, женщинам-ловцам, приходится нырять всегда. Но, разумеется, у нас более короткое дыхание, и мы не можем слишком долго оставаться под водой, когда находимся в положении...»

Дело в том, что женский труд в Японии очень дешев и женщины выполняют здесь самую тяжелую работу. Только они, например, до сих пор переносят в гостиницах багаж клиентов. А к профессии ныряльщиц их приучают с малых лет. Девочка 11–12 лет уже зарабатывает себе на миску риса.

Сначала детей пускают на небольшую глубину, потом заставляют погружаться все ниже и ниже. Семнадцатилетние девушки могут собирать раковины на дне моря в течение 2–3 минут. Прежде девушки опускались в воду нагими. Теперь для них шьют специальные белые костюмы. Зачем? Белый цвет якобы отпугивает акул, которым нравится охотиться как раз там, где ныряют в поисках раковин люди. Но акулы не подтверждают теорию о страшном для них белом цвете.

Моллюск неплохо «поработал» — вот она, жемчужина!

Не оказывают на акул влияние и угрозы богини, покровительствующей ныряльщикам. В 1957 году акулы утащили двух девушек. Никто их так больше и не видел, море выбросило на берег только корзинки для сбора раковин...

Туристы не знают об этих коротких подводных драмах. Туристам предлагается зрелище с берега. Они наблюдают за тем, как подхватывает вода красивые женские фигурки, как рабочие открывают поднятые с глубин моря раковины и достают из них жемчуг. Туристы не знают, что эти раковины доставлены сюда еще накануне. Они не догадываются, что девушки, ныряющие возле самого берега, ничем не рискуют. Им просто приказали оставить на несколько дней подруг, которые опускаются на дно в открытом море — там, где можно найти подлинную жемчужносную раковину и встретиться с акулой.

В открытом море девушки в белом — их называют коротко «ама» — ныряют с помощью балласта, прикрепленного на шнуре. Ныряют, как правило, прямо с лодки и движением веревки сигнализируют, когда их надо поднимать наверх. На лодке же они сбрасывают с себя белые костюмы и, дрожа от холода, жмутся одна к другой, чтобы хоть как-то согреться. Лов происходит в любое время года и при любой погоде. Но когда идет дождь или клубится туман, они неохотно отправляются на дно: в это время резко уменьшается видимость.

Дирекция фирмы «Микимото» предпочитает брать на работу замужних женщин. Девушки более рассеянны — так по крайней мере утверждают господа, которые управляют работой ныряльщиц из хорошо отопляемых кабинетов на взгорье у Тоба. Эти господа считают, что лучшими ловцами являются женщины в возрасте 25—40 лет.

Странными кажутся этим господам некоторые «прихоти» тружениц моря. Они не любят опускаться на дно из лодок, если гребут не их

мужья. Они говорят, что подаваемые при помощи веревки сигналы может почувствовать лишь человек, сердцем заинтересованный в судьбе той, которая ищет раковины на глубине нескольких десятков метров под лодкой...

«Незабвенный господин Микимото» наказал своим рабочим жить в строгих правилах. Праздники и выходные он назначал сам.

Девушки в белом работали круглый год и то и дело спасали имущество своего хозяина. Он призывал их всякий раз, когда «красная волна»¹ угрожала подводному царству жемчужин. По его приказу они прыгали в «красную воду», часто ледяную, чтобы собрать раковины в корзинки, сплетенные из побегов бамбука. За ними на лодках следовали мужчины, они принимали корзинки с раковинами, отвозили на берег и снова возвращались за ценным грузом. Девушки не выходили из воды по двое суток! Лишь после того как все раковины оказывались на берегу, смертельно усталые ныряльщицы получали право свалиться на землю.

Однажды орды спрутов двинулись на штурм подводных богатств Микимото. Море закипело от этих отвратительных чудовищ. Их щупальца ловко открывали раковины и вытаскивали оттуда тело моллюска. Были расставлены ловушки, но они не поймали ни одного спрута. Нападение осьминогов продолжалось.

Тогда «король жемчуга» послал против страшного врага девушек с копьями. Целыми днями до полного изнеможения ныряли они на дно моря, держа в руках длинные железные прутья. Вода бурлила, когда осьминоги набрасывались на

1 «Красные волны» — результат чрезвычайно сильного развития крошечного жгутикового животного — обитателя теплых морей. Поверхность моря в местах скопления колоний жгутиковых окрашивается в красный цвет. От «красных волн» гибнут моллюски и другие обитатели морей. Подробнее об этом явлении см. «Вокруг света» № 10 за 1959 год, «Красные волны»

странные создания в белом, наносившие им болезненные уколы. Но девушки проиграли эту подводную битву. Ведь даже у самых ловких было только две руки против восьми щупалец спрута...

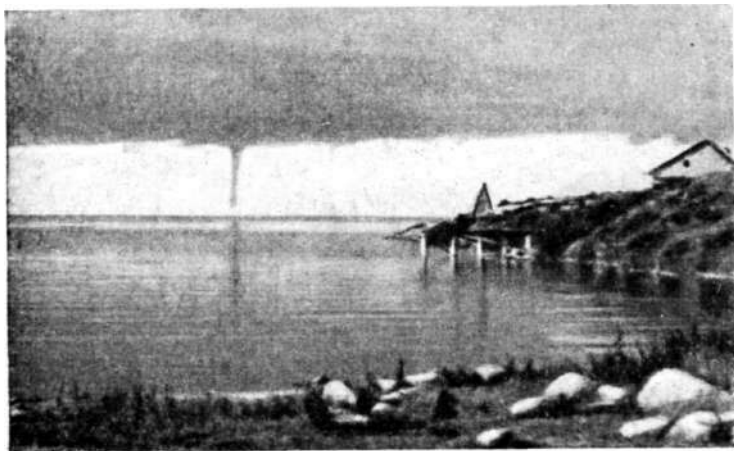
Каноны репортерского жанра побуждают меня вернуться в зал парижской «Гранд-опера» и досказать вам либретто «Искателей жемчуга». Но мне не хочется этого делать. Старой мне кажется сейчас опера Визе, не чувствуется дуновения моря в душных от жара прожекторов закоулках парижской сцены. А когда охотник Надир выводит тенором свою арию: «Я в памяти храню воспоминанье», — я мысленно возвращаюсь к моим ныряльщицам на «жемчужный остров».

...Дует морозный февральский ветер. Моторный катер дрожит, подбрасываемый тугой волной. Вдали появляется островок с изваянием богини Хитотузукеканнон, которая должна уберечь девушек от всяких напастей.

Мотор постепенно умолкает, и я готовлю фотоаппарат, чтобы сделать снимок. Но в это время один за другим раздаются два всплеска: я прозевал, обе девушки уже вошли в ледяную воду. Еще мгновение, и их пятки исчезают под водой, белые тени расплываются в глубине. Спустя некоторое время девушки всплывают в другом месте, снова исчезают, и опять над водой показываются их лица.

И снова их нет. Я тщето всматриваюсь в то место, где они погрузились в воду. Проходит, вероятно, около трех минут, прежде чем обе появляются в нескольких десятках метров от меня. Слово тюлени, они неуклюже карабкаются на скалистый берег. Пытаюсь согреться, девушки бегают вокруг статуи своей богини. Богиня, конечно, не сочтет это за признак неуважения к себе и не лишит их своей милости...

Перевод Я. НЕМЧИНСКОГ

СМЕРЧ НАД ИССЫК-КУЛЕМ

Это случилось на озере Иссык-Куль в один и августовских дней. Утром недалеко от санатория «Чолпон-Ата» я увидел, как из грозовых туч к воде озера спустился огромный черный хобот. Нетрудно было догадаться — смерч. Водяной столб, который виден на снимке, быстро перемещался, менял свою форму, затем стал укорачиваться и минут через двадцать исчез, пройдя расстояние около 30 километров. Высота столба была свыше 300 метров.

Смерчи над озером Иссык-Куль довольно редкое явление природы.

В. ЛЕВАШОВ
(г. Фрунзе)

ТРОПАМИ СМОЛЕНСКОГО ПОЛЕСЬЯ

АНАТОЛИЙ ЧЛЕНОВ

Озерный край

Меня давно уже тянуло на Смоленщину. Очень хотелось открыть для себя и почувствовать ее природу. Ведь не случайно очаровала эта земля Пржевальского — об этом я узнал из его записок, — человека, исходившего с ружьем и буссолью и берега вольного Амура, и пески азиатских пустынь, и хребты Тибета.

...Дорога бежит по холмам. Они встают перед тобой один за другим. Только закончится спуск, как высоко-высоко открывается щедро облитая солнцем новая вершина. И кажется, будто улыбается она тебе, зовет и манит вперед.

Вдоль большака ровными рядочками нарядные березки стоят. Зимой они защищают дорогу от заносов. И потому, когда вдруг вместо березки затемнел старым срезом мертвый пенек, это было как незаполненное место в строю, как павший в сражении солдат.

За холмами лесистыми поля начались. Леса становятся все меньше, и вот уже, сколько хватает глаз, желтеют поля ржи.

Но все же полностью образ смоленской природы открывается не в полях и не в лесах. Его ощущаешь, глядя на могучий и покойный разлив Баклановского озера. Если посмотреть на эти места с самолета, видны десятки больших и малых озер. Спокойные и чистые, смотрят они в высокое небо. Упадет на озеро золотая стрелка солнечного

луча, и оно улыбнется в ответ лукаво и нежно. Глянет хмурая туча, и вода ответит ей сердитым свинцовым блеском.

Озера все разные — круглые, как чаша, наполненная серебром, вытянутые, изогнутые серпом,

Рисунки Б. БЕРЕНДГОФА

змеей вьющиеся по дремучей глухомани. В одних вода до того прозрачна, что на большой глубине видно, как бьет из песчаного дна ключ. Другие смотрят из лесной чащи черным неприветливым глазом.

Верно, на всем свете не найти двух одинаковых озер, и названия у них тоже разные: ласковые — Чистик и Светец, суровые — Дго, Сапшо и даже совсем неприятные есть — Мутное, Поганое, Рытое...

Всех озер на Смоленщине и не перечесть, наверно. В одном только небольшом Слободском районе крупных озер около тридцати.

Так происходит первое знакомство с краем. А бесчисленные озера как глаза его, глаза этой земли.

Орлиное гнездо

На крутом берегу озера Сапшо стоял старый дом.

В окно был виден лес и лодки, качающиеся на легкой волне. В другую сторону от дома шли овсяники, а за ними снова синел лес.

В доме было похоже на бивак. Вещи и обстановка, необычные для помещичьих домов, говорили о ветрах дальних странствий. Сразу за порогом стояло чучело огромного тибетского медведя. В столовой под стеклянными колпаками красовались фазаны. Даже матрац на простой железной кровати хозяина был набит шерстью диких яков.

Сад удивлял случайного гостя кустами тибетского ревеня, под крышами парников зрели хотанские арбузы и дыни.

Кабинет был похож одновременно и на келью ученого и на пристанище охотника. Вдоль стен выстроились книжные полки, в шкафу сверкали воронеными стволами ружья. На большом письменном столе лежала рукопись «Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки».

Хозяином дома и автором рукописи был Николай Михайлович Пржевальский.

Работа над рукописью чередовалась с охотой, с дальними походами.

Грустная прелесть осенних полей, широкий и вольный разлив озер, суровая красота дремучих лесов — все это наполняло сердце любовью к родной земле, рождало новые образы и краски в строках рукописи.

Пржевальский не занимался хозяйством. Он любил говорить: «В новом имении будет только мое

гнездо, из которого я буду летать в глубь азиатских пустынь».

Перед тем как тронуться в пятое путешествие по Центральной Азии, Пржевальский, уже одетый в походную свою шинель, долго стоял у окна. Озеро Сапшо, по берегам которого он так любил гулять, манило ласковым голубым блеском.

Пора! У крыльца, запряженная тройкой лошадей, уже ждала его любимая, обшитая кожей тележка без рессор. Пржевальский подошел к дому и красным карандашом написал на колонне: «5 августа 1888 года. До свидания. Слобода. Н. Пржевальский».

Это были последние слова, написанные им в своем доме. Внук крепостного крестьянина, великий русский ученый и путешественник, Пржевальский умер в дороге 20 октября 1888 года. Сейчас в Слободе, где было имение путешественника, не найдется, пожалуй, человека, который не знал бы о своем знаменитом земляке — ученом и исследователе, открывшем для России Центральную Азию.

Листопад

Первый раз проглянет осень в желтой прядке на кудрявой березе. Это первый седой волос не старого еще лета. Потом покраснеют брусничники, давая знать, что кончается власть солнца.

Но по-настоящему приходит осень только с листопадом, когда ветер и дождь начнут раздевать деревья.

Впрочем, это только говорится, что холод и непогода заставляют дерево сбрасывать лист. На самом деле листья вовсе не мерзнут, а сохнут. Чем жарче лето, тем скорее начнется листопад. Ведь в жару лист больше испаряет влаги, чем дает ему корни. Вместе с водой уходит из него жизнь. Оттого и в середине лета увидишь иной раз багряный лист.

Каждое дерево по-своему уходит из лета и готовится к зиме. Сосна и елка меняют зеленые иглы постепенно. Полная смена хвои у них проходит раз за много лет. Крепкий ясень сбрасывает листья еще зелеными и, как и раскидистый вяз, начинает раздеваться с верхних ветвей. А вот липа, ива и тополь теряют листву снизу.

В смоленских лесах встречается изредка коварный кустарник челибуха. Плод его, крепкий горький орешек, ядовит. Челибуха одновременно сбрасывает листья и заготавливает новые.

Живая вода

В глуши векового бора наткнулся на родничок в почерневшем от времени срубе. На деревьях вокруг повязаны были какие-то тряпочки, лоскутья. На кусте бересклета даже целый головной платок висел.

— Место это заветное, — пояснил мой спутник. — Святая каплица. Вода здесь не замерзает и зимой.

Много лет назад староверы объявили это место священным. И до сих пор находятся люди, что приходят сюда, бросают в родник деньги, привязывают к деревьям тряпицы. Правда, людей таких, по всему видно, нынче совсем мало: тропка густо заросла иван-чаем.

А надо было очень немного, чтоб разгадать игру природы. В одном месте бочажка ни шестом, ни гирькой на леске я не достал дна. Каплица сообщалась с подземным озером, и оттуда шло тепло. Зимой ветви деревьев, закутанные снегом, прикрывают каплицу сверху, не пуская мороз к воде. Мудрено же ей замерзнуть!

В двух шагах от каплицы бил из-под куста обыкновенный лесной родничок. Живой струйкой поднимался он с песчаного дна, и песчинки золотыми точками вели в нем веселый хоровод.

...Солнце проглянуло сквозь ветви, заиграло на воде. И какой же мерзкой показалась ложь святошей, скрывающих от людей настоящую, мудрую и правдивую красоту природы!

После дождя

С утра занепогодило. Ветер сбил тучи в одну стаю, они заняли все небо, и сразу потемнело вокруг. Несколько редких капель упало на землю, а потом враз зашумел, забуйствовал, сбивая с деревьев лист, проливной осенний дождь.

Но вот тучка выплала дождем и. отдав земле влагу, умчалась.

После дождя так много в лесу жухлого золотого листа: красного, багряного, оранжевого, сабитаго. Приди на это место завтра на рассвете и непременно увидишь, как под каким-то листочком начнется новая жизнь. За ночь поднимает его гриб.

Запомнилось, что как только кончился дождь и проглянуло солнце, сразу брызнула в высоту звонкая птичья песня. А зеленые мохнатые елки показались умытыми, новыми и нарядными. И пришел откуда-то сильный запах свежести и сена.

Когда вышел из лесу, за полями поднялась радуга. И деревня тоже встретила меня праздничной. Все вокруг — земля, деревья, избы — помолодело, точно умывшись живой водой. И поздние осенние цветы распустились буйным цветом.

Такой покой, такая могучая сила жизни была вокруг, что мучительно захотелось остановить прекрасное мгновение, задержать его, надолго оставить в сердце.

Цветок-озеро

Старики говорили мне, что прячется в глуши смоленских лесов озеро сказочной красоты.

Как-то выслеживал я с фотоаппаратом лося. Километров за двадцать от Слободы увел он меня. Надо бы вернуться, но как бросить теплый еще след, отшагав столько!

А след завел в дремучий осинник и потерялся. В таких случаях надо делать большой круг, чтобы снова найти звериную тропку. И вот в каком-то месте этого круга прямо из чаши открылось круглое лесное озеро. Было оно ошеломляюще прекрасно, как дикий цветочек.

По берегам его тесно обступили вековые сосны заповедного корабельного леса. От солнца деревья казались совсем красными.

Вода была спокойна. В ней сверкала золотая россыпь солнечных лучей, виднелись белые облака и голубое небо. Верно, от этого и сравнивали озеро с огромным и ярким цветком.

Потом, когда возвращался домой и пришлось заново проделать весь трудный путь, вспомнил, что в заводи были утки. И тогда стало обидно, что возвращаюсь с пустыми руками. Но после тоже и о том подумал, что если не убил, а увидел прекрасное, это будет светить тебе долгие годы. И, конечно, никакая самая редкая охотничья добыча так радовать не будет.

-А знаете, — сказали мне, — у нас тут есть человек, который хорошо знал Пржевальского.

Это был Федор Васильевич Громов, старый егерь, лесник и охотник, девяноста лет от роду. Он жил в маленькой деревушке за озером Сапшо, и, конечно, я поехал к нему.

Громов оказался крепким стариком с седой головой и светлыми молодыми глазами.

Он и в самом деле хорошо помнил Пржевальского. Громов был еще подростком, когда познакомился со своим знаменитым земляком. Пржевальский отдыхал тогда в Слободе перед последним путешествием.

— Очень любил Николай Михайлович наши места. Все мечтал купить окрестные леса, прекратить вырубку да развести здесь фазанов, оленей и еще какую-то азиатскую живность. Даже выписывал за большие деньги редких животных. Да только не вернулся он...

Федор Васильевич долго смотрит, как дождь мелкой сеткой завешивает окно.

— Какой человек был! — говорит он, и я понимаю, что старик думает о Пржевальском. — Вот уж, правда, можно сказать, что всю жизнь отдал своему главному делу. Не пил, не курил. Даже не женился. «Путешественнику, — говорит, — семья только обуза». А вот детей любил. Его все слободские ребятишки знали: пряниками их одаривал да в лес с собой водил.

И охотник был первейший! Немало мы с Николаем Михайловичем исходили по нашим лесам да болотам, не раз у озера ночью коротали. И, честно вам говорю, ни разу не видел, чтобы он смазал. И ведь еще то учтите — охотник был настоящий, сидячую птицу сроду не бил: только влет.

Федор Васильевич ничего нового не рассказывает о Пржевальском. Да ведь и знал он его не так уж много. Но от бесхитростных слов старика далекая фигура великого путешественника становится понятней и ближе.

— Я ведь до Николая Михайловича природой, почитай, совсем не интересовался. А рядом с ним нельзя было равнодушным к природе оставаться. Да, большой любви и большого сердца был человек.

И я для себя так понял слова старого егеря, что любовь Пржевальского к живой природе передана деревенскому паренюку.

И любовь эта дала ему в жизни свой путь, по которому и шел он, не сворачивая. Как старый Мазай, был он не только охотником, но и хранителем родной природы. Таких Мазазев много есть в наших селах. Это они берегут леса и животных, чтобы не переводился звериний и птичий род на русской земле. Они делают это по сердцу, и выходит важное и нужное дело.

Дождливым осенним днем покидал я Смоленщину. Снова мчался зеленый «газик», сердито фыркая стареньким мотором. Мелькали леса, поля и перелески. Хмуρο смотрелась в небо озера. Но места эти стали мне теперь навсегда близкими.

Первым бросил вызов Ниагаре Блондель. На снимке: переход через водопад по канату. За плечами водопадпроходца — его менеджер Гарри Голгорд.

Первым бросил вызов Ниагаре сын героя наполеоновской армии Жан Франс Гравелет, ставший впоследствии знаменитым под именем Блондель.

В 1860 году он объявил о своем решении пересечь Ниагару по туго натянутому канату без балансир. Десятки тысяч людей пришли взглянуть на смельчака. Блонделю предстояло не шуточное дело: пройти 320 метров по канату на высоте около 60 метров, отделяющих канат от ревущего водопада.

Беспечный и улыбающийся Блондель начал свой рискованный марш над грохочущей пропастью. Волнение возбужденной толпы, видимо, доставляло ему большое удовольствие. Пройдя полпути, Блондель на глазах оцепеневших зрителей стал, словно забавляясь, совершать один трюк за другим. Он то легко бежал по проволоке, то резко подскочив вверх, опускался на канат одной ногой. Сидя на проволоке и вытянув вперед руки, он беспечно болтал ногами над бушующей Ниагарой, разгуливал по тросу с руками и ногами, закованными в кандалы, ходил на ходулях, ложился на трос спиной и в такой позе небрежно просматривал свежий номер «Нью-Йорк тайме». Так была извлечена первая коммерческая прибыль из Ниагарского водопада.

Через год Блондель снова гастролировал на Ниагаре. На этот раз программа включала переход через водопад с балансиром и с любым из зрителей за плечами. В своих мемуарах Блондель рассказывает, что однажды на его вызов из толпы никто не откликнулся. Тогда он предложил прогуляться через Ниагару своему менеджеру Гарри Голгорду. На самой середине воздушного пути Голгорд смертельно испугался высоты и начал ерзать за спиной Блонделя.

В. ЧУДНОВ

ВОДОПАД СЕНСАЦИЙ

Откуда-то с большой высоты стремительно низвергался вниз мощный ярко-зеленый водный поток. Оглушительный грохот дробящейся воды господствовал над окрестностями. Земля слегка дрожала под ногами. Многочисленные брызги дождем падали вокруг и сплетались в яркие гирлянды сменяющих друг друга радуг!

Таким предстал Ниагарский водопад перед глазами известного французского исследователя Рене де Салле и монаха-миссионера Луиса Генеквина. Они первыми из европейцев увидели это чудо природы. Оглушенные от рева водопада, промокшие, полуслепые от брызг, очарованные и устрешенные величественным зрелищем, долго стояли они холодным декабрьским днем 1678 года у его подножия.

С тех пор сотни, тысячи и миллионы людей часами простаивали у водопада. Ниагара привлекала к себе и ученых, и людей любознательных, и просто зевак.

Как известно, реку здесь разделяет на два рукава так называемый Козий остров, образуя два гигантских падающих с большой высоты водных потока. По Ниагаре проходит граница между США и Канадой. Канадская часть водопада составляет по ширине 900 метров. Высота падающей воды 49 метров. Ширина американской части водопада составляет 320 метров, а высота падающей воды — 60 метров. Каждую секунду водопад сбрасывает вниз около 7 тысяч кубических метров воды...

Искатели приключений и любители сенсаций не раз пытались «покорить» водопад. Они исходили из убеждения, что это верный путь к славе и деньгам...

«Держитесь неподвижно! — крикнул ему Блондель. — Или я брошу вас в Ниагару...» То была ужасная минута в жизни Блонделя, ему уже казалось, что он начинает терять равновесие и вот-вот упадет. Только необыкновенное хладнокровие и сила воли спасли его от смерти.

Успех Блонделя был заразительным и породил целую когорту подражателей. Один за другим они под аплодисменты толпы и грохот водопада пересекали по тросу Ниагару. Все в той или иной степени повторяли трюки Блонделя. Среди них была итальянка Спельтерини — первая женщина, отважившаяся заглянуть в Ниагаре «прямо в глаза».

Однако вскоре публике надоели эти номера. Сборы стали падать, и искателям славы и денег пришлось изобретаться в изобретении новых сенсационных аттракционов. Некий Дженкинс пересекал Ниагару по тросу на велосипеде, Макдональд на середине повисал над водопадом вниз головой, держась за трос только носками ног, Гарри Гарверлет катал по тросу с различной скоростью тачку с грузом, другой безумец пытался пересечь водопад, держась за трос только зубами, но на середине сорвался и с трудом был спасен пожарниками.

В 1883 году 35-летний англичанин капитан Вебб «изобретает» новый способ преодоления Ниагары... Вебб был прекрасным пловцом. В 1875 году он первым за 21 час 46 минут переплыл Ла-Манш между городами Дувр и Кале. Англичане восторженно приветствовали блестящий успех своего соотечественника. Вебб был объявлен лучшим пловцом мира. В честь его заплыва английское правительство установило в Дувре мемориальную доску. Слава и почести вскружили голову 27-летнему капитану. В 1883 году он едет в Америку и там объявляет о своем решении «преодолеть»

Ниагарский водопад в обычном costume для плавания. Все понимают, что это решение равносильно собственноручно подписанному смертному приговору.

В назначенный день тысячи зрителей заполнили берега реки. Вебб начал заплыв метрах в трехстах от гребня водопада. Поначалу все шло отлично. Но вот, увлеченный мощным потоком, то исчезая в глубине, то снова появляясь на поверхности, Вебб стремительно приближается к пенящемуся гребню водопада. Миг... Тело Вебба выбрасывается в воздух и снова, на этот раз навсегда, исчезает в глубинах водопада.

С надеждой смотрели зрители на грохочущую, бурлящую воду... Но тщетно! Только через четыре дня обезображенный труп был выброшен на берег.

В 1901 году американка мисс Анни Тейлор объявила о своем намерении преодолеть водопад, сидя внутри бочки. По ее «расчетам» это был самый верный способ справиться с Ниагарой. Для лучшей устойчивости Тейлор укрепила внутри стянутой стальными обручами бочки кузнечную наковальню. Напрасно перед стартом специалисты доказывали Тейлор, что подобный балласт может привести ее на дно Ниагары. Она считала конструкцию бочки вполне надежной.

Более ста тысяч зрителей собрались 4 октября 1901 года посмотреть на новый аттракцион... Многие

толпы, окровавленная, избитая, но живая, она медленно поднялась из бочки. После своего выздоровления предприимчивая американка заключила весьма выгодный контракт и стала совершать турне по Европе и Америке, выступая с душеспасительными рассказами «о пережитом внутри бочки, пересекающей Ниагару».

После Анни Тейлор многие пытались повторить «трюк с бочкой», но финал был почти всегда один и тот же — Ниагара принимала в свои воды бочку и человека, а выбрасывала искалеченный труп и обломки... Недаром падкие на сенсацию американские газеты окрестили Ниагару грозным именем: «Водопад смерти».

Увы, это не останавливало безумцев.

Пример капитана Вебба не давал покоя иным предприимчивым пловцам. В отличие от Вебба многие из них пытались преодолеть водопад в специально сконструированных для этой цели костюмах. Далеко не всем помогли эти «меры предосторожности». Ниагара не прощала легкомыслия.

Пожалуй, самым умным «покорителем» водопада был француз Жан Лаузиер. Он учел все положительное и отрицательное из опыта своих предшественников и конкурентов и изготовил вместо бочки большой резиновый шар, покрытый сверху толстой броней и оснащенный различного рода амортизаторами. Для пущей безопасности Лаузиер взял с собой даже кислородный аппарат, рассчитанный на 40 часов действия. Однако он ему не понадобился. Уже через 50 минут после старта, преодолев водопад, Лаузиер целым и невредимым вышел из шара.

Так одно из изумительных творений природы стало использоваться любителями наживы, всякого рода менеджерами и предпринимателями как своеобразное поле для сенсаций. Многие безработные нашли свою смерть в водах Ниагары, прельстившись заманчивыми посулами дельцов и подписав гибельный контракт.

Напрасно раздавались отдельные голоса о принятии правительствами США и Канады специального закона, запрещающего использование Ниагарского водопада в корыстных целях. Был, правда, разработан проект закона, предусматривавший арест и высокий денежный штраф для всякого, кто попытается использовать водопад для разного рода сенсационных выступлений. Проект закона не раз обсуждался, но... так и не был принят.

Представления на Ниагаре продолжались... И вот совсем недавно нашлась американская газета, которая рьяно выступила за запрещение «игры с Ниагарой». Обращаясь к любителям острых ощущений и «покорителям» водопада, газета призывала их лучше вступать в американскую армию и войска НАТО — предприятие, по словам газеты, «не менее опасное, но зато более верное и доходное».

Комментарии излишни.

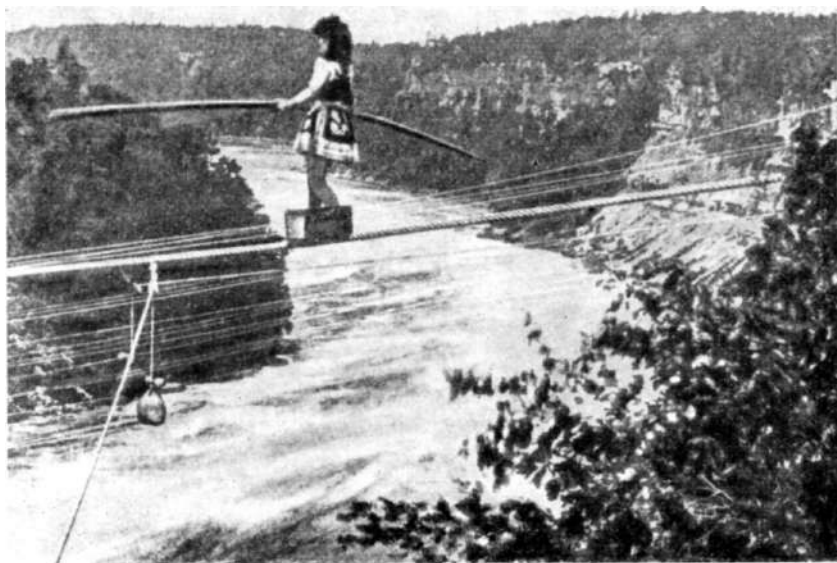
За несколько дней до старта. Анни Тейлор гордо позирует перед объективом фотоаппарата (снимок слева).

После финиша...

начали молиться, увидев падающую в Ниагару бочку.

Белая пена кипящей воды мгновенно скрыла ее от глаз зрителей. Но вот она снова появилась на поверхности и, как волчок, закружилась в бешеном водовороте. У подножия водопада бочка надолго исчезла под водой и, наконец, мирно опустилась на дно... Сказался балласт, «предусмотрительно» захваченный с собой мисс Тейлор. Только при помощи длинных шестов удалось подтащить бочку к берегу. Никто не ожидал увидеть героиню живой. Но, видимо, мисс была со счастьем на дружеской ноге. К удивлению безумствующей

Финансовый успех Блонделя был заразительным. Вот одна из его последовательниц — итальянка Спельтерини.

Самый КОРОТКИЙ ПУТЬ

Рассказ

И. ЗАБЕЛИН

Рис. П. КИРПИЧЕВА

Здоровые мы с тобой, — сказал Иван, — как черти. Другие давно бы сдохли...

Костер не разгорался. Нужно было встать и содрать бересту. Это было противно — вставать. Кружилась голова, темнело в глазах. Идти было лучше, и днем мы шли не отдыхая. Я взял нож и медленно поднялся.

— Сколько времени можно прожить без еды? — спросил Иван.

Так и есть! Черные мушки замельтешили передо мною. Надо шагнуть раз, потом — второй, тогда они разлетятся.

— Год, — сказал я. — Или немного меньше.

— Это меня устраивает, — сказал Иван.

Березка была гладкой, белой. Обняв ее, я провел ножом вокруг ствола и аккуратно снял бересту.

Иван лежал, уткнувшись лицом в мох. Руки его были серыми от комаров и гнуса.

— Если эти шалопаи выпили мою водку, я им срежу головы, — сказал Иван. — И вообще могли бы выйти навстречу.

Упираясь руками в землю, Иван встал на колени, потом выпрямился. Он пошатывался и, чтобы не упасть, широко расставил ноги.

— Вот и крутится эта земля, — сказал он. — Вот и крутится. Кинь-ка топор.

Я набрал в котелок воды из ближайшей мочажины, положил свежей сосновой хвои. Полезнее, говорят, настаивать хвою, а не варить; но чтобы настаивать, нужно много времени.

Иван разложил второй костер и забросал его мохом. Дым рассеял комаров.

— Сделать еще дымок? — спросил Иван. — Трудно представить, что в Москве нет комаров. Верно? Останься здесь голым на ночь — всю кровь вытянут.

Мы пили желто-зеленый смоляно-маслянистый отвар, сдувая ошпарившихся на лету комаров и мошек. После горячего совсем одолела слабость, и я пластом вытянулся на плащ-палатке. Дым стлался по земле, но все-таки комары попискивали возле уха.

— Что за понятные существа комары-мужчины! — сказал Иван. — Порхают себе по цветам. Но уж эти комарихи... — Иван рассматривал свои вспухшие, побагровевшие руки. — А что, если эти шалопаи не пригнали калданку?

— Не может быть!

— Так уж и не может быть. А еду — догадались они оставить с ней еду?

— Не знаю.

— Нет, к черту топографию! Геолог, тот хочет лезет по болоту, не хочет — не лезет. А тут вот иди обязательно по прямой. Самый короткий путь, говорят! Длинным-то давно бы уж пришли.

— Надо спать, — сказал я. — Завтра мы должны кончить работу.

— И все-таки эти шалопаи могли бы выйти навстречу.

К утру похолодало. И хорошо, что похолодало, иначе мы бы не проснулись так рано. Просыпаться с каждым днем становилось все труднее. И голод особенно чувствовался по утрам.

— Однажды мы с Сергеем бедовали в заимке на Быстрой, — сказал Иван. — Погода держала. Пояса здорово подтянуть пришлось. И, вообрази, нашли у печки остатки поваренной книги. Кто ее только занес?.. Вот потеха была, я тебе скажу!..

Иван сидел, обхватив колени руками, не решаясь подняться.

— Нарви хвои, — сказал я.

Если не считать того дня, когда я по собственной глупости сорвался с берега в реку и, чтобы выплыть, должен был сбросить рюкзак с едой (утром мы тогда все-таки позавтракали), — мы почти ни черта не ели уже семь суток. И все время шли по яму, вязкому, рыже-бурому, заросшему тощим сосняком. Сегодня мы придем к реке с нежным названием Неля, переседем в калданку и спустимся к заимке. Рям останется позади. Попробуй-ка пошагать по нему с грузом весь день! Идти нужно прямо — по нивелирному ходу, не уклоняясь ни на секунду градуса. И добро бы шли мы вместе, а то ведь врозь. Прошлый раз, когда Иван провалился посреди очень симпатичной зеленой лужайки, я едва успел его вытащить.

Иван принес хвою. Я начал разжигать костер. Но Иван сказал:

— Ну ее — бурду! Надо идти. Страшно, понимаешь, еще на день застрять. Я тогда вечером на луну завою, даже если ее не будет.

Иван смотрел себе под ноги, в одну точку, и я не видел его глаз, видел только воспаленные веки.

— Бери рейку. Нивелир понесу я.

Иван остался с рейкой у черного костровища, а я взвалил на плечо нивелир и пошел вперед. Мох слегка промерз и ломался под ногами. А комаров, не было.

«Ничего, — подумал я, — часам к пяти обязательно выйдем к реке».

Через сто метров я расставил нивелир и сделал два отсчета по рейке. Иван, не складывая, взял рейку под мышку и направился ко мне. Он прошел еще на сто метров вперед, и я взял еще два отсчета. Потом я перенес нивелир дальше по ходу.

Продвигались мы медленно, но все-таки двигались. Когда мы отошли километра на полтора от места ночлега, Иван сказал, что хочет поработать с нивелиром. Наверное, он совладал со страхом. Скверная это штука — страх. Только дай ему разгуляться...

Проглянуло солнце, но болото как было мрачным, таким и осталось. Не лучше и не хуже оно было, чем вчера. Речушек, правда, попадалось больше. Кто это написал, что «запомнит навек черную глубину узких болотных рек»? Наверное, тот, кому пришлось немало ходить по болоту. Подлые эти речки, с непрочными берегами. Все на болоте непрочное.

Полдень уже. Голова могла бы и не кружиться, а ведь вот закружилась. Я только что сменил Ивана, но в нивелир смотреть трудно, и отсчеты брать трудно — ничего не видно. Пришлось мне снова держать рейку.

Я пошел с ней вперед, выбрав себе ориентир — покосившуюся гибнущую сосну. Казалось, сосна упадет в болото прежде, чем я дойду до нее. Очень уж она качалась. Ветра нет, а она качается.

Не доходя до сосны, я остановился, оглянулся. И в этот миг земля упруго лопнула подо мной. Сосна сразу куда-то исчезла, и холод скрутил тело. У лица фонтанчиками забила темная вода, заливая бурые островки моха и кустики брусники. Рейка, к счастью, прочно легла на кочки поперек провала. Я слегка подтянулся, чтобы вода не попала в рот, и легонько откинулся назад, пытаюсь спиной нащупать твердый грунт. Кажется, я его нащупал. Теперь надо крепче упереться в рейку и постараться вытащить тело из вязкой жижи.

Сзади послышалось тяжелое, хриплое дыхание. — Не шевелись ты, недотеха, — сказал Иван. — Нашел, где проваливаться!

— Как будто ты не проваливался, — сказал я. — Не подходи близко!

— Он еще учит! Километра два до Нели осталось...

Возле меня упала веревка.

— Обвяжись.

По-прежнему опираясь локтями на рейку, я слегка подвинул руку и взял веревку.

— Пошевеливайся, — сказал Иван. — Неживой ты, что ли?

Я знал, что нужно сделать, — нужно перебросить веревку за спину, а потом продеть ее под руки. Я перенес центр тяжести на левую руку, но, едва оторвав правую для броска, почувствовал, что погружаюсь. Потом я уже не мог отнять рук от рейки. Не мог — и все.

— Ты дурака не валяй, — сказал Иван. — Давай обвязывайся.

Он сделал несколько шагов в мою сторону.

— Не подходи! — сказал я.

— Так ты и думаешь торчать в болоте?

Нет, я не мог отпустить рейку. Руки стали как чужие, и все тело было как чужое.

— Привяжи веревку к рейке, — сказал Иван. — Прямо перед собою привяжи. Чучело, да и только!

Пальцы еще слушались, и я прочно обвязал рейку. Потом опустил руки в холодную жижу так, чтобы рейка оказалась под мышками. Иван натянул веревку, и она врезалась мне в плечо.

— Ты не виси, — сказал Иван. — Ты действуй. Иждивенец!

Видно, очень уж Иван ослаб. Прошлый раз он выдернул меня как пробку и даже не ругался.

Все-таки я выползал из жижи — из холодной резиновой жижи. Медленно, но выползал. Спина уже прочно чувствовала твердое. Иван проволока меня еще немного по кочкам и сел, заглывая воздух.

Я расстегнул куртку, постарался стащить ее, но не смог. Все было тягучим, вязким, тяжелым.

— Ну и видик, — сказал Иван, — Потеха!..

Он поднялся, поднял меня и повел к ручью. •Одежду мы отжали вместе, и Иван разложил ее на солнце. Идти дальше у меня не было сил. У Ивана, наверное, тоже. При мысли о непрочной, пружинящей поверхности болота мне делалось •скверно.

— Место для лагеря здесь ничего, — сказал я. — Хоть вода приличная рядом...

— Ты ерундисту не разводи, — сказал Иван. — Валяй одевайся.

— Мокрое все...

— Как будто ты в мокром не ходил. И не тяни.

Иван опустил рейку в ручей, смыл грязь с деления. Теперь она блестела как новенькая.

Пришлось встать. Пришлось все надеть на себя. Иван дал мне рейку и велел идти.

— Я же не взял отсчет, — сказал он. — Нивелир стоит на прежнем месте.

Сосна так и не упала в болото, и я снова плелся к ней.

К реке мы вышли позже, чем я надеялся, — около восьми вечера. Мошка ожила и лезла в глаза, уши, скапливалась у пояса, за воротом, в рукавах. Мы упаковали нивелир, и я водрузил его себе на спину. Иван, пошатываясь, отправился искать лодку. Она стояла в условленном месте.

— Нет, шалопаи не подвели, — сказал Иван и сел на землю в двух шагах от лодки.

Я сбросил с плеч нивелир и подошел к выдолбленной из старого тополя калданке. На корме, под брезентом, лежали продукты.

— Ну и шалопаи! — сказал Иван. — Ну и шалопаи!..

Несколько раз принимался я рубить сухостойную сосну, и, наконец, она упала. Я разжег костер и подвесил над ним котелок с водою. Иван все сидел рядом с нивелиром, и челюсти его были сведены судорогой, а кадык ходил вверх-вниз.

— Кашу сделаем поуже, — сказал я. — Сейчас нам нельзя много есть.

Ночью моросил дождь, и мы проснулись раньше, чем обычно. После завтрака мы погрузились в калданку. Я сел на корме с рулевым веслом, а Иван греб. Сложное это дело — управлять долбленкой. Калданка погрузилась почти до бортов, и от малейшего неосторожного движения могла перевернуться. Впрочем, это не смущало нас. Через пять часов калданка ткнулась в берег у небольшой, вросшей в землю займки.

Иван издал победный клич, но никто не вышел навстречу.

— Смотри-ка, эти шалопаи где-то загуляли, — сказал Иван.

Мы вытащили калданку на берег и вошли в дом. Все наши вещи и припасы лежали на топчане.

— Сколько хочешь еды, — сказал Иван. — Удивительно!..

Он извлек из своего рюкзака бутылку водки и победоносно потряс ею. Но пить ни ему, ни мне не хотелось, и бутылка вновь исчезла в рюкзаке.

— Закусим? — спросил Иван.

— Закусим, — сказал я.

Животы наши раздулись и отяжелели, но ощущение голода все равно не исчезало.

— Отъедемся! — пообещал Иван. — Домой как с курорта вернемся. Жена не узнает!

Иван забрал свою плащ-палатку и отправился спать. Я вышел из домика следом за ним. Иван стоял и смотрел на болото. Светило солнце, и над рямом поднимались мутные испарения.

— Ужас!.. — сказал Иван, и плечи его дернулись, как в ознобе. — Не верю, что мы там были.

Я расстелил плащ-палатку на теплом бугре и лег. Вверх смотреть было приятнее. Я видел синее небо, край земляной, заросшей травой и мохом крыши; слышал, как с легким потрескиванием раскрываются, подсыхая, шишки на соснах.

Проснулся я далеко за полдень. Не хотелось открывать глаза, не хотелось шевелиться; я мог бы лежать и лежать, слушая, как ветер стучит, словно костяшками, ветками сосен над головою. Удивительно приятно лежать и знать, что тебе никуда не надо идти!

— На сколько дней мы опоздали? — спросил Иван.

— Сам не знаешь, что ли?

— Знаю. На четыре, — сказал Иван. — А те два шалопаи должны были вернуться за три дня до нас... Неделя, стало быть.

— Неделя, — согласился я. — На их маршрут многовато.

— Вот и пускай таких в поле, — сказал Иван. — Одно беспокойство. Молодо-зелено...

Не торопясь, мы вновь занялись приготовлением еды. Теперь мы уже привередничали и не склонны были есть все подряд. Иван высказался за рисовую кашу с тушенкой, а я потребовал еще банку сгущенного какао. Обычно мы кухарили поочередно, но после этой голодной недели ни Иван, ни я не отходили от костра, пока над ним висел котелок.

Поужинав, я разложил на столе карты и принялся их разглядывать.

— Разве угадаешь, где эти шалопаи, — сказал Иван. — Так и знал, что у них что-нибудь случится. А жратвы у них — кот наплакал.

— Если вообще осталась.

— Вот потеха! — сказал Иван.

Он навалился животом на стол и долго смотрел на зеленую, в черной болотной штриховке карту.

— У истока Белой они должны были выйти к реперу, — сказал Иван. — Значит, можно узнать, прошли они его или нет.

— Мы не доплывем до него и за пять дней.

— Дойти можно за два.

— Если идти напрямик по рямю...

— Конечно, — сказал Иван. — Это же самый короткий путь.

ЛЕСОРУБЫ САЖАЮТ ЛЕС

Ю. ГАВРИЛОВ
Фото автора

Зарисовки И. ГОЛИЦЫНА

ОДИННАДЦАТАЯ ТЫСЯЧА ПУТИ

«ГАЗ-69» — удивительно выносливый автомобиль! Экспедиции «Вокруг света» повезло, что у нее была именно эта машина. «Газик» побывал на дорогах Рязанской, Курской, Воронежской, Днепропетровской, Одесской, Киевской, Львовской областей. Отмерив многотысячный путь по булыжнику, большакам и бетону автострад, выдержав тридцатиградусную жару, плавившую твердь асфальта, и долгие дни ненастья, делавшего скользким даже наждак бетона, «газик» ни ра-

зу не споткнулся, не устал в пути и точно в срок, установленный экспедицией, выгоревший, запыленный, появился на улицах Ужгорода.

Обычно «газик» торопился туда, где вставали копры шахт и трубы мартеновских печей, корпуса химических комбинатов и широкогрудые плотины электростанций. А здесь, в Закарпатье, экспедицию интересовал другой промышленный объект, имеющий большое значение для семилетки, — лес.

ЛЕС И ТОПОР

Издrevле гордостью Закарпатья были леса. Непролазной чащобой вставали они в долинах, взбирались на склоны гор и лишь под облаками уступали место полонинам, высокогорным лугам.

Разные породы деревьев росли в дремучих лесах. В одних местах чаще встречались ясени, и селение близ них так и назвали — Ясеня, в других — белоликая береза, и поселок неподалеку окрестили Великое Березное. Есть здесь и местеч-

Лес в Закарпатье вывозят теперь по узкоколейке.

Путешествие

ПО СТРОЙКАМ СЕМИЛЕТКИ

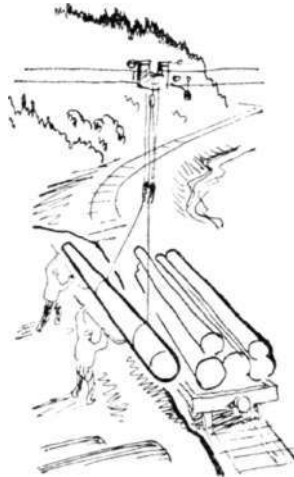
В СЕРДЦЕ ЛЕСИСТЫХ КАРПАТ

Мы ехали в самое сердце Лесистых Карпат, в Рахов.

Горы все больше теснили шоссе. У Тячева оно вплотную прижалось к Тисе. На другом берегу реки лежала Румыния. Вдоль правой обочины дороги высился плетень. Ехали быстро, и от скорости маленькие просветы между прутьями сливались воедино, плетень будто растворялся, взору представлялись кипящие воды Тисы. Черные воды реки шипели на перекатах, ярились на полированных лбах валунов, обдавая их косматой белой пеной. Река будто сердито вздыхала. Ее могучие вздохи будили эхо гор.

Был вечер. С севера на острые маковки гор навалились тучи. Постепенно они слились с вершинами, и горы стали бесконечно высокими. Шоссе испуганно металось между ревущей Тисой и грозными, неприступными склонами гор.

В Рахов мы приехали под воскресенье. С утра пошли осматри-

ко Буковинка. Деревенька небольшая, а спроси любого в стране, где она находится, и, подумав, тебе скажут: «В Закарпатье». Буковые и еловые леса — главное богатство края. Этих ценнейших пород леса так много здесь, что Восточные Карпаты называют еще Лесистыми.

Человек давно понял цену зеленой шубе гор. Карпатская ель шла в шахты, оказалась отличным материалом в судостроении, из бука получалась редкая по красоте и прочности мебель. И человек взялся за топор. По горным потокам понеслись плоты, спеша в долины. Затем древесину грузили на железнодорожные платформы, и она быстрее горных вод полетела по рельсам во многие страны Европы.

Жажда наживы подхлестывала капиталистических предпринимателей. Топор звенел в Лесистых Карпатах и зимой и летом. Леса не выдерживали натиска. Они стали отступать от берегов рек и потоков. Беспорядочные плешины в лесных гривах ширились. Лысеющие склоны размывала вода, унося в реки плодородную землю. Все меньше зверя * птицы оставалось в Карпатах. Во время ненастья на склонах гор уж ничто не вставало на пути бурлящих вод. Форель покидала мутные реки.

Двух десятков лет не прошло с тех пор, как Закарпатье вошло в состав нашей Родины. Срок маленький, чтобы восстановить леса, тем более, что нужда в закарпатской древесине не отпала: в Советском Закарпатье стала быстро развиваться деревообрабатывающая промышленность, мебельная, химическая. Чтобы сохранить больше лесов от порубок, в промышленности стали использовать древесные отходы: сучья, кору, пни. Но эта мера оказалась недостаточной.

вать город. Две улицы вдоль шоссе и небольшой квартал на другом берегу Тисы у вокзала — весь Рахов. Но на улицах, в магазинах, кафе, столовой было так много народу, что мы сперва недоумевали, как маленький Рахов вмещает столько жителей. И только на другой день поняли: пастухи, колхозники, лесорубы спускаются сюда с гор в воскресные дни и в праздники повидаться со знакомыми, поделиться новостями, сделать покупки.

Горы со всех сторон окружают Рахов. Они поднимаются прямо за домами бесчисленными ступеньками еловых верхушек. Выше верхушки сливаются в бесконечные зеленые волны, будто склоны небрежно подстригли ножницами. Местами в темно-зеленые конусы гор расширяющимися к низу кляньями врезаются желтоватые пятна лесосек. Лесосек много. Взглянув на них, определишь без ошибки; Рахов — город лесорубов.

*Бесчисленными серпантинами
вьются дороги Закарпатья.*

НОВЫЕ ХОЗЯЕВА ЛЕСОВ

Иван Петрович Мельничук, секретарь партийной организации Раховского лесокомбината, на наш взгляд, воплощал образ истого лесоруба: среднего роста, необъятный в плечах, неторопливый, сильный. Глаза приветливые, взгляд пылливый. В его присутствии люди чувствовали себя как-то спокойно и уверенно.

Мы уселись на лавочке около двухэтажного здания заводоуправления. Иван Петрович не спеша рассказывал о делах лесокомбината.

— До июня 1958 года, — говорил он, — у лесорубов была одна забота — валить лес. Не знаю, как бы дело шло дальше, если бы не объединили лесничества и леспромхозы. Раньше казалось: никогда лесничий не поймет лесоруба, а тот лесничего. Ведь один всю жизнь за лесом ухаживает, каждое дерево, можно сказать, в лицо знает. Сажает леса, душу в них вкладывает, хотя знает: не дожидаться ему, когда они вырастут. Для других старается. Другой прошел по лесу, после себя одни пни оставил. Нет ему вроде дела до того, что лес этот несколько поколений людей растило.

Конечно, и он для других старается, не для себя лес рубит. Но по-разному эти два главных человека в лесу на зеленое богатство смотрели. «Противников» решили заставить работать вместе, одной жизнью жить.

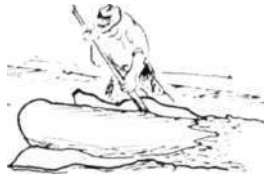
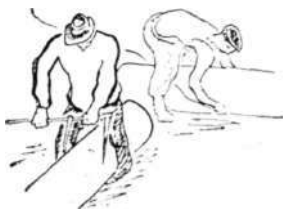
— И что уже дал опыт?

— Да как вам сказать, — улыбнулся Иван Петрович. — Поезжайте в лесничества, на лесопункты, посмотрите сами.

НЕНУЖНАЯ ЭКЗОТИКА

Утром мы с неохотой прощались с нашим «газиком». Автомобильных дорог в горах мало. Зато в самые затерянные уголки Закарпатья тянутся рельсы узкоколейки.

Из дверей гаража показался сверкающий, выкрашенный под цвет окружающих гор «Москвич». Он был такой же, как и тысячи других серийных «Москвичей», только колеса были другие, как у дрезины. Правда, это не помешало нам считать, что экспедиция остается автомобильной.

Километрах в трех от Рахова рождается Тиса. Здесь встречаются воды Черной и Белой Тисы. Над Черной Тисой повис мост. Прогрмемв по шпалам, «Москвич»-дрезина пошел вдоль Белой Тисы. В местах поворотов берега ее выложены стенками из бревен; эти стенки — кашицы — строят на горных реках, по которым сплавляют бокоры — плоты. Делают их для того, чтобы вода не выбросила плоты на берег. Кашицы направляют плоты в русло реки.

В реке было мало воды, во многих местах она пенилась на камнях, но мы-то знали: на пути бокоров это устраиваемая преграда. Выше в горах река схвачена плотинами. Там разлились искусственные водохранилища. Сейчас, представлялось нам, откроем шлюзы. Стремительный поток подхватит бокоры, и один за другим они вылетят из-за поворота. Удалые сплавщики — бокораши, широко расставив ноги, в высоких сапогах, в расстегнутых кожихах, в шляпах с перьями, временами до пояса скрываясь в воде, пронесутся мимо, подарив нам песню труда, силы, отваги. Мы не успеем помахать им вслед, как они будут уже у складов в Рахове.

Один за другим открывала нам Белая Тиса свои повороты, а бокораши все не показывались. Мы проехали километров тридцать, когда увидели на берегу реки рубленный из кругляка дом. Рядом из реки торчали остатки старой плотины.

— Иван Петрович! — затеребили мы Мельничука. — Почему же не восстанавливаете? Как же без плотины лес сплавляете?

— А зачем? — пожал плечами Мельничук. — Ненужная экзотика. Уже три года, как мы перестали сплавлять лес.

Так открылась нам первая маленькая черточка нового хозяйства края.

В горах Закарпатья ручные пилы и топоры давно заменили электро- и бензопилами. Заготавливать лес стало намного легче и проще, а доставка его на склады продолжала оставаться делом тяжелым, опасным и невыгодным. Каждый бокор составляли из сорока кубометров леса. Чтобы связать плот, на концах каждого бревна, отступив сантиметров сорок от конца, делали глубокие зарубки. Человек начинал портить бревна, река охотно помогала ему. На камнях перекатов, на поворотах у кашиц бревна

Подвесной мост через Тису в Рахове.

бились, терлись, ломались, нередко превращаясь из строевой древесины в «дровяное долготье». Бывало, что на нижнем складе бревна не успевали поймать, и они уплывали.

узкоколейке — никакого риска и ни одного потерянного бревна.

Но леспромхозам было невыгодно строить пути. Срубили лесосеки на одном массиве, ушли на другой,

СРУБИЛ ДЕРЕВО — ПОСАДИ ДЕСЯТЬ

«Москвич»-дрезина остановился у тропинки, убегавшей в горы. Там, где склон вставал на дыбы, тропку заменяли деревянные ступеньки лестницы.

Дом Шаульского лесопункта мы увидели с последней ступеньки лестницы. Перед домом — глубокий бассейн с рублеными бревенчатыми стенками. Вода горного ручейка, падая с деревянного желоба, кривит зеркало водоема. С двух других сторон дома выстроились красные, зеленые, синие, желтые коробки — ульи. С четвертой стороны на высоких подставках стояли клетки с кроликами. Все это: капитально выстроенный дом, пасека, крольчатник, любовно оборудованный бассейн, в котором плескалась форель, — никак не вязалось с кочевой жизнью лесорубов. Так основательно, на многие десятки лет раньше строились только лесничества. Но вывеска у входа: «Шаульский лесопункт Раховского лесокомбината», — убеждала нас, что это владения лесорубов.

Начальник лесопункта Иван Ива-

Только Раховский лесокомбинат терял на сплаве около трех миллионов рублей ежегодно. Лесорубы понимали; нужно вывозить лес по

а дорога осталась. Теперь, когда лесокомбинат стал сажать деревья, он отказался от сплава окончательно.

Теперь, когда сажать деревья, сплава оконча-

ИГОРЬ АКИМУШКИН

МУРАВЬИНЫЙ ТУАЛЕТ ПТИЦ

Многие птицы (дрозды, скворцы, малиновки, дубоносы, сойки, сороки, вороны, попугаи) используют муравьев для чистки своего оперения. Некоторые ученые считают, что «муравьиным» туалетом занимается по крайней мере половина певчих птиц, а возможно, и все птицы. Иногда муравьи помещаются под крылья, а в некоторых случаях птицы натирают ими свои перья. Некоторые птицы купаются в муравейниках.

Одна ворона, раскопав муравейник, принимала в нем «муравьиные ванны» целых 25 минут! Она ловила клювом всполошившихся насекомых, давила их о свои перья.

Два попугая из ассамских джунглей так увлеклись «муравьиным» туалетом, что не заметили охотников, которые подобрались к ним на расстояние пяти метров. Птицы в этот момент хватились клювами крупных муравьев и натерали ими свои перья.

Манипуляции, которые делают птицы, принимающие «муравьиные ванны», у всех приблизительно одинаковы. «Муравьев схватывают кончиком клюва, — пишет канадский орнитолог Г. Айвор. — Глаза у птицы полузакрыты, крылья разведены в стороны и сильно вытянуты вперед, так что концы маховых перьев упираются в землю на уровне клюва. Хвост сильно подогнут вниз и вытянут вперед под живот птицы. Иногда она наступает ногами на свой собственный хвост, и тогда забавно падает на спину или на бок».

«Муравьиные ванны» птицы принимают совершенно инстинктивно. Об этом говорит отношение к муравьям молодых птиц, которые никогда прежде не видели этих насекомых. Едва научившийся летать птенец скворца, впервые в жизни встретившись с муравьями, схватывал их одного за другим и запихивал под крылья.

Интересно, что если муравьев нет, птицы легко находят заменителей. Ими служат другие содержащие кислоты насекомые или растения.

Ручные скворцы смазывали свое оперение кусочками лимона и пытались выкупаться в уксусе и даже в круж-

ке с пивом. Ручная сойка охотно купалась в апельсиновом соке. Когда хозяйка чистила апельсины, она подлетала поближе и ловила раскрытыми крыльями брызги сока.

Доктор Чисхолл рассказывает про ручную сороку, которая приготавливала свои ежедневные притирания из смеси муравьев с... табаком. Набрав в саду полный клюв муравьев, она летела к хозяину, садилась к нему на плечо и опускала клюв с муравьями в табачный пепел в трубке. Затем она смазывала этой оригинальной смесью свои крылья.

Фрэнк Лейн, один из первых натуралистов, обративших пристальное внимание на странное увлечение птиц муравьями, перечисляет в своей книге следующие «парфюмерные эрзацы», которыми за неимением муравьев пользуются птицы: жуки, рачки — амфиподы, мучные черви, клопы, липовая кора, различные ягоды, яблочная кожура, кожура грецкого ореха, дым от костра и даже... нафталин.

Птицы используют муравьев и их «эрзацы» в качестве антисептического средства в борьбе с паразитами. Как показали исследования, на коже птиц под перьями находят безопасный приют многочисленные паразиты.

Муравьиная кислота и другие кислые и едкие вещества — это своего рода «ДДТ», с помощью которого птицы изгоняют насекомых из своего оперения.

Не исключено, что муравьиная кислота оказывает на тело птицы такое же оздоровительное действие, как и муравьиный спирт на воспаленные суставы.

нович Неймет, кряжистый, загорелый, приоткрыто посмотрел на каждого из нас твердым, прямым взглядом и затем улыбнулся, блеснув ровными белыми зубами. Подздоровавшись, он достал из кармана ватника краюху хлеба и стал крошить ее над бассейном. Крошки не успевали падать на воду. Стремительная рыба подхватывала их на лету. Вода у стенки бассейна бурлила.

— Перевелась форель в горных ручьях, — глядя на выпрыгивавшую из воды рыбу, сказал Иван Иванович. — Только и есть, что в бассейнах.

Через час мы уже отправились в горы. Шли по берегу прыгающего с камня на камень ручья Шауля.

— Кому как, — говорил Иван Иванович, — а мне это объединение с лесоводами одни хлопоты принесло.

— Так ли, Иван Иванович? — переспросил его Мельничук.

— А как же, — живо обернулся Неймет. — Раньше — знай вали лес, выгоняй кубики. Кончил лесосеку, перебирайся на другую. Как лесничество своими скудными силами очистит ее от сучьев, чем и когда сможет засадить — мое дело сторона.

А лес какой брали! Только строевой. Чуть где бурелом или сухостой — мимо! Пусть стоит. Бывало, не понравилась лесосека, скажем, лес вывезти трудно, бросили — и на другую. Нам штраф было выгодней заплатить, чем с ней мучиться... Прошли те времена, — жалуется Иван Иванович. — Теперь ведь как. Что не отведут — рубай. До последнего хлыста вывези. Хворост вокруг пней в кучи уложи. Не успели мы с пилами убраться, пни не потемнели, а уж новый лес сажать можно. А почему? — обращается он к нам и, не дожидаясь ответа, продолжает: — Потому, что штрафы стало платить некому. Сам себе не заплатишь. Ведь что мне с того, что я лесосеку неубранной оставлю? Самому весной лес на ней сажать. Смекаете, как дело обернулось? Лесоруб теперь одно дерево рубит — десять сажает.

В небольшой ложбинке чьи-то заботливые руки вспахали прямоугольник земли и огородили его жердями. Так в Рязани загоны для коров огораживают. В ограде на жирной земле копошились вороны. Иван Иванович бросился к загону. Через секунду в ворон полетели камни. Когда мы вошли в огороженный участок, Неймет руками разравнивал землю там, где ее взбили камни и расковыряли птицы.

— Ты что переполошился? — спросил его Мельничук.

— Смотрите, люди добрые, — выпрямился Неймет и упер перепачканные землей кулаки в бока. — Так это же лесопитомник. Ты знаешь, сколько здесь елочек вырастет? Тысячи! Ребята, видно, не сколько семечек землей не при-

крыли. А птицы, если хоть одно найдут, все выберут.

Мы уже давно оставили Шауль и шли вверх по Мутоторе, когда тропу преградил шлагбаум. «Идет спуск леса!» — предостерегало объявление. На самом веру горы, так чтобы видеть оба склона, устроился наблюдатель с красным флажком в руках. Начинаясь почти у его ног, вниз по склону, почти до подножья горы спускалась невысокая, направляющая бревна стенка — риза. К этой ризе рабочие подтаскивали стволы срубленных, очищенных от сучьев елок. Взмах флажка наблюдателя. Рабочие толкают бревно к ризе. Как камень, пущенный из пращи, со свистом летит, извиваясь, многометровый хлыст к подножью. Вздрагивает земля. Подскочив, перевернувшись несколько раз, хлыст откатывается к куче бревен, спущенных раньше.

Засмотревшись на работу ризовщиков, мы думали о том, что лесорубы, избежав потерь на сплав, здесь, на спуске леса, продолжают портить много бревен.

НУЛЕВАЯ ТРОПА

Мы вошли в лесной массив Корбул. Горы здесь были сырыми и каменистыми. На граните лежал лишь тонкий слой перепревшей хвои да бледных мхов и лишайников. Приходилось только удивляться, как на этих бесплодных скалах вырос лес. А лес стоял могучий, стройный. Ели, в обхват, подпирали верхушками облака. Меж деревьев, ища выход к солнцу, вился сизый туман.

— Почитай, каждый ствол кубиков десять, — вглядываясь в деревья, прикинул Иван Иванович.

— Руки зудят, хочется за пилу взяться, — подзадорил его Мельничук.

Иван Иванович широко улыбнулся.

— Года три назад, наверное бы, смахнули. Вывозить отсюда удобно. — И, продолжая любоваться елками-великанами, добавил: — Пусть растут. Лес-то заповедный.

Выбравшись на середину склона, тропа, по которой мы карабкались, вдруг перестала скакать вверх-вниз, перестала вилять между деревьев.

— Нулевая тропа, — сказал Неймет. — Тропа без уклонов.

*Рыбоводы
Квасовского питомника
уже выпускают
форель в торные
речки.*

Много десятков лет назад проложили в лесных массивах эту тропку. Безукоризненно ровная, широкая — проедешь на лошади, — тропа прошла по склонам всех гор. С нее хорошо просматривались все соседние склоны.

Но старая тропа давно заросла. Бревенчатые мостки, переброшенные через ручьи и канавы, прогнили, стали скользкими. Ветер наломал здесь деревья, завалил тропу во многих местах. Трудно пришлось советским лесоводам, взявшимся восстанавливать тропу.

— Понимаете, — обратился к нам Неймет, — без нулевой тропы нам нельзя. Видите, сколько бурелома. Все лежащие деревья уже заражены короедом. Да и сухостоя многовато в лесах, а это тоже очаги вредителей. Мертвые деревья надо скорее убрать, а как спустить их вниз? Вот здесь-то и незаменима тропа. К тропе-то их ближе тащить, чем вниз, а по ней и до подвесной дороги или до старой ризы лошади отвезут.

— Подвесные дороги, — продолжал он, — в лесном хозяйстве незаменимы. Да и заготовителям такие дороги не меньше нужны. Удобно по ним хлысты с лесосек спускать. Уж ни один не сломается.

До берега Шауля, где нас ждала дрезина, оставалось километра два. Нам предстояло пересечь массив Зубрив, на котором недавно закончили рубку лесосеки. Выйдя на край леса, мы увидели голый склон горы. Вокруг пней лежали собранные в кучи сучья, белели сквозь густую траву свежие блины пней. В ложбине между гор, куда ризовщики спустили лес, ревел трактор Неймет стремглав скатился вниз. Его загорелое пицо еще больше потемнело, заскорузлые ладони сжались в кулаки.

— ГЛУШИ мотор! — закричал он. — Считайте, что сегодня вы норму не выполнили. — И уже тише сквозь зубы процедил: — Совесть надо иметь...

— Чем они провинились? — спросили мы у Мельничука.

— Хлысты потолще выбирают, — отвечил Иван Петрович, — спешат побольше кубометров вывезти, вот и дают гусеницами тонкие стволы. — И засмеявшись своим мыслям, добавил: — Это пустяки, с этим мы справимся. Вы на Ивана Ивановича посмотрите. Сам раньше целые лесосеки бросал, а теперь за один испорченный хлыст готов с парня голову снять. Меняются лесорубы...

ЗАПОВЕДНИК В ЛЕСИСТЫХ КАРПАТАХ

Еще в Ужгороде, в тресте «Закарпатлес», главный инженер Илья Ефремович Гендлер рассказывал нам о том, что разрабатывается проект, по которому большая площадь гор Закарпатья будет превращена в заповедник.

— Но и лесокомбинаты. — гово-

рил Илья Ефремович, — много делают для охраны природы. Обязательно побывайте на рыбном питомнике Квасовского лесничества.

Квасовское лесничество как раз входит в Раховский лесокомбинат, и мы отправились на рыбный питомник.

Несколько лет назад на небольшой ручей, что сбегал по склонам Ильменского урочища, никто не обращал внимания. Лишь квасовские лесники, обходя леса, задерживались в безымянного ручья, что-то высматривая в прозрачной воде. На перекатах, у камней их зорким глазам иногда удавалось заметить пугливую тень форели. В соседних ручьях рыбы не было вовсе. Вот тогда и застучали в Ильменском урочище топоры, но не лесорубов, а плотников. Лесокомбинат решил организовать на ручье форелевый питомник.

Прежде всего стали переделять сам ручей. На всем его протяжении из досок сделали пороги. Они преградили путь камням, которые во время дождей несет вниз вода, выбивая рыбу. На берегу ручья **ВЫРЫЛИ** одиннадцать бассейнов, сделал их проточными. Рядом **ПОСТРОИЛИ** «инкубатор», где в специальных ваннах-аквариумах развивается из икринок мальки форели.

Пожалуй, самым трудным в новом деле было наловить в ручье самцов и самок форели. Без опыта трудно было сохранить икру, еще трудна получить и вырастить мальков. Но **УЖ** очень хотелось всем, чтобы в **РУЧЬЯХ** и реках Закарпатья снова появилась форель. И рыбоводы добились пели. Уже на следующий год все бассейны питомника были полны форели, а еще через год ее начали выпускать в горные реки и ручьи.

Все, что мы видели: строительство узкоколеек и подвесных дорог, лесопитомники и молодые посадки на лесосеках, — говорило: объединение леспромхозов и лесхозов в единую организацию — правильный путь. Новый хозяин леса — лесокомбинат — заботится теперь и о плане лесозаготовок и в равной мере о защите леса, о его разведении.

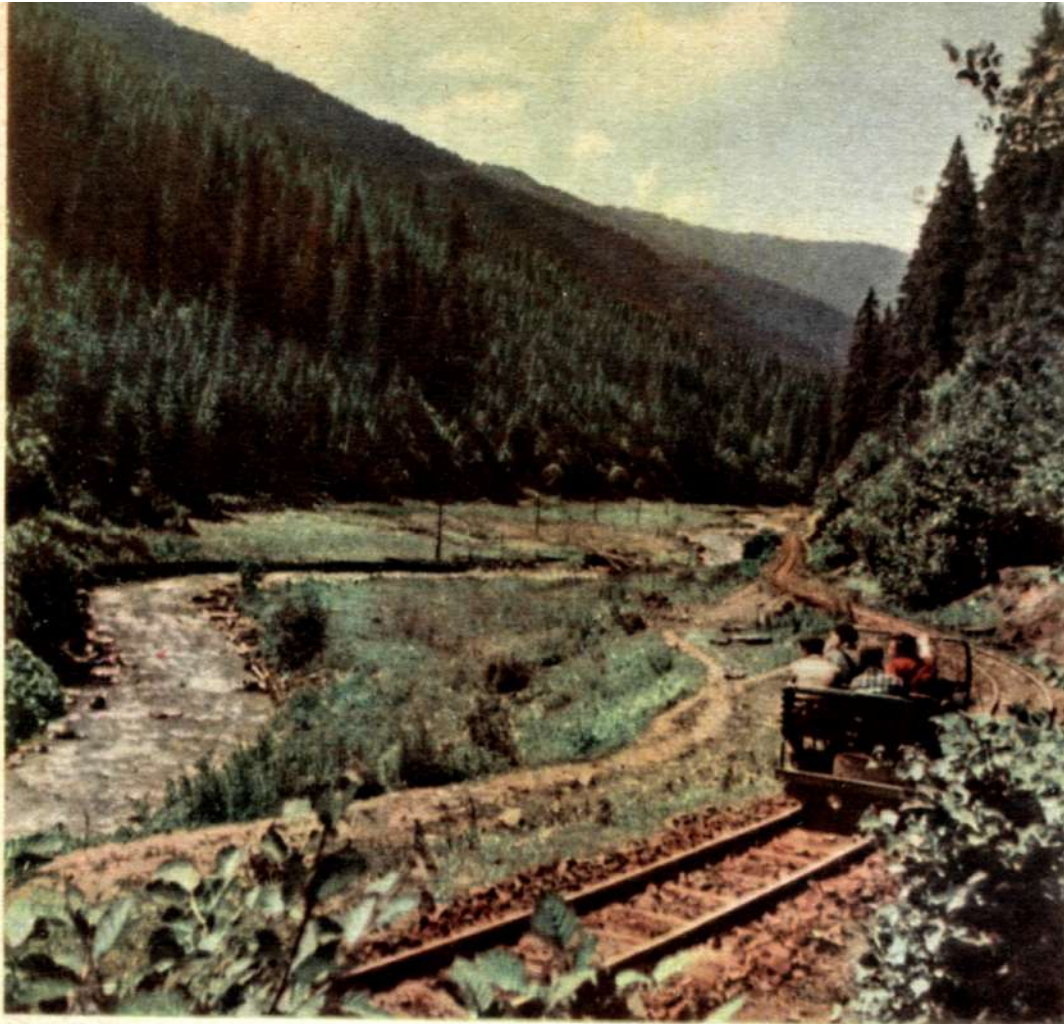
За несколько дней, что так незаметно прошли среди сильных, знающих, любящих свои горы и леса рабочих Раховского лесокомбината, мы убедились: шуметь лесам края.

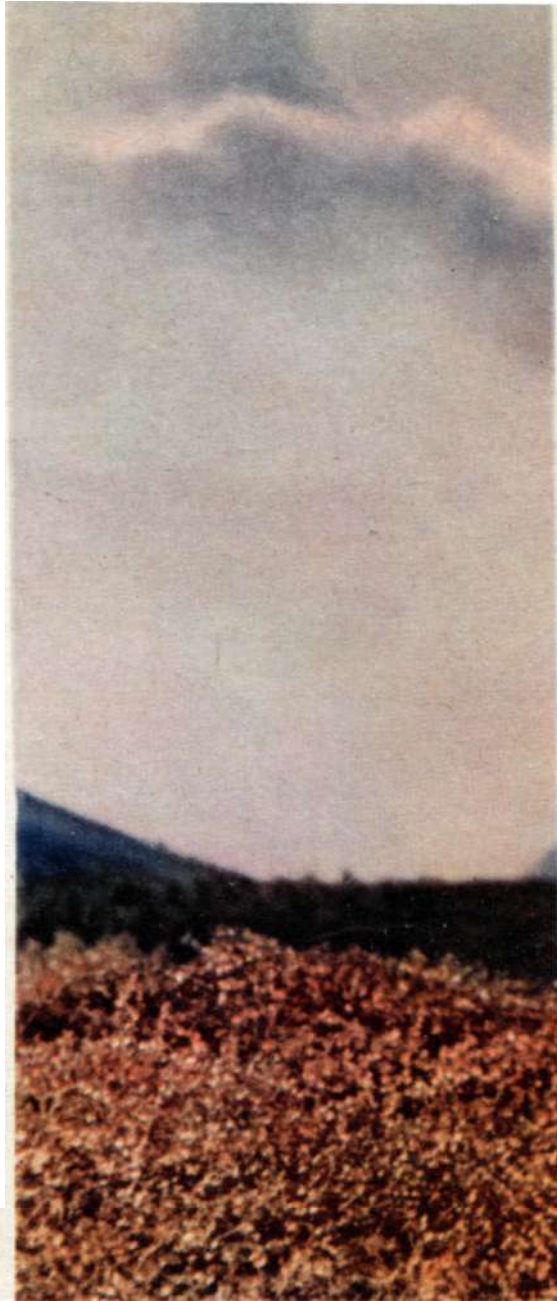

В самые глухие уголки Закарпатья тянутся рельсы узкоколейки.

Форелевый ручей в Ильменском урочище.

Фото Ю. ГАВРИЛОВА и В. СМЕРНОВА

В. ГИППЕНРЕЙТЕР,
наш специальный
корреспондент

Фото автора

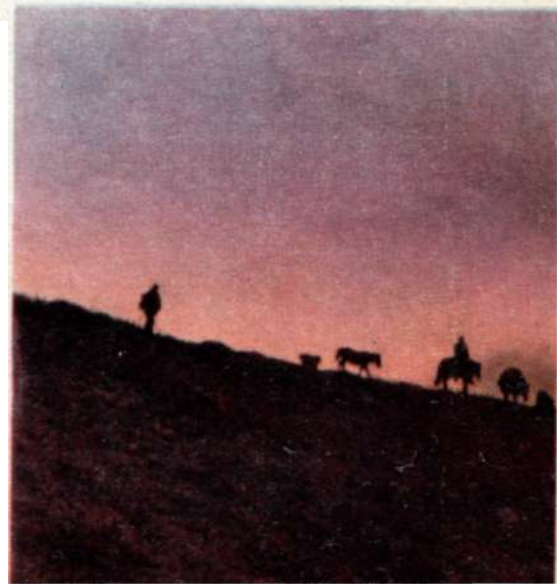
Я приехал на Камчатку вместе с товарищем, альпинистом Володи́ей Васи́льевым, по заданию редакции журнала «Вокруг света». В планах нашего путешествия с фотоаппаратом обязательным пунктом была съемка вулкана, и, конечно, самого беспокойного.

Вулканологи уверяли, что сейчас на Камчатке не увидишь активно действующего вулкана, только Карымский выбрасывает облака пепла, дыма и паров. Такие выбросы они называли «эксплозиями», которые, дескать, особого интереса не представляют. С их «бывалой» колокольни, наверное, это и так, но наш покой кончился: может быть, удастся заглянуть в самый кратер, ощутить дыхание вулкана вблизи, надеялись мы.

В рыбацком поселке Жупаново к нам присоединился третий товарищ, Юхан Киви — участник комплексной эстонской экспедиции, находившейся в это время на Камчатке.

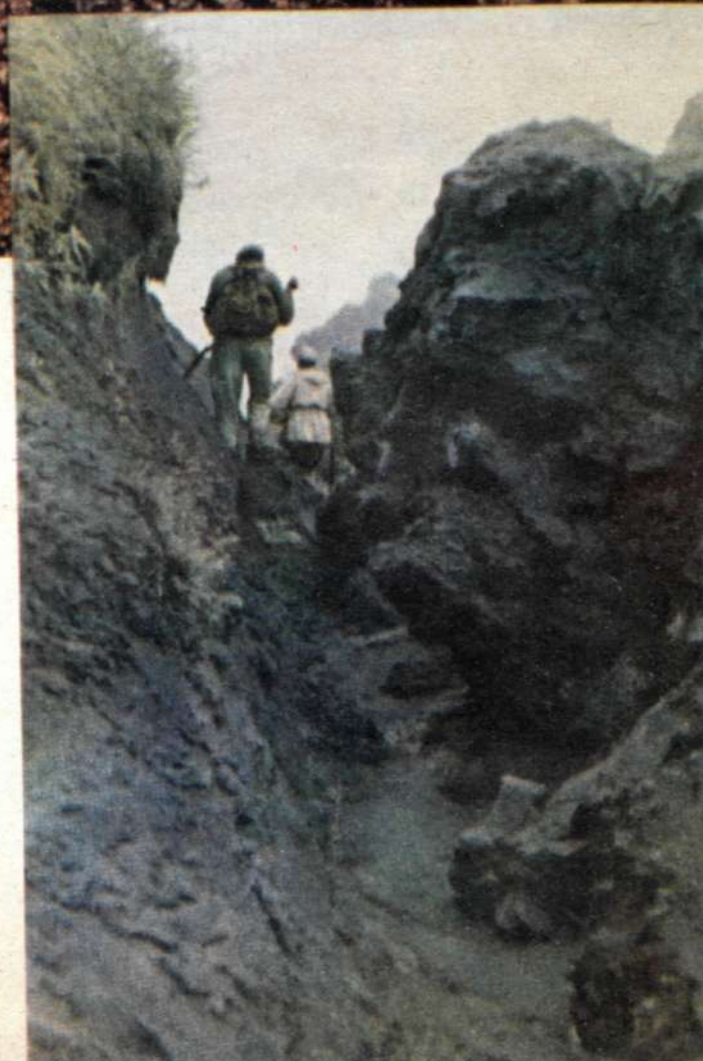
От поселка до вулкана по прямой километров двадцать пять — тридцать. Рядом! Но не стоит обманываться...

ДЫХАНИЕ

ВУЛКАНА

На Камчатке отнюдь не всегда достаточно уметь ориентироваться по карте и компасу. Путь часто скрыт туманом, и надо очень точно знать охотничьи и звериные тропы, иначе заблудишься в распадках и густых зарослях стелющегося кедра, ольхи, рябины или всего вперемешку. Короче говоря, лучше довериться проводнику. Константин Михайлович, работник Кроноцкого заповедника, стал четвертым членом нашей группы.

Рокот океанского прибоя, крики чаек сопровождают выступление небольшого каравана в поход. Мы покидаем берег океана и сразу попадаем в тишину березового леса. Только ручьи да редкие голоса птиц нарушают безмолвие. Идем по долине реки Новый Семячик.

Утром следующего дня караван поднялся на тундровое плато. Не успели выйти на открытое пространство, как за пологим холмом увидели облако дыма, уплывающее по чистому синему небу. Живет Карымский!

Невольно заторопились: так хочется посмотреть на него! Через час мы уже на гребне холма. Теперь можно увидеть дали. Прямо перед нами — разрушенная полулуна кратера вулкана Двор, а рядом с ним, южнее, стройный, правильной формы конус Карымского. Уже слышно, как он рокошет, будто вдали проходит поезд-экспресс.

Намечаем самый удобный путь — через кратер вулкана Двор. Одна из стенок его, обращенная как раз к югу, разрушена, так что по дну этого кратера можно подойти прямо к краю большой кальдеры, на дне которой, словно посреди огромного блюдца, возвышается конус Карымского.

1 Кальдера — котловина с крутыми стенками и более или менее ровным дном, возникшая в результате провала вершины вулкана. Кальдера Карымского вулкана образовалась сотни тысяч лет назад.

Существуют вулканы, которые «работают» словно по часам: через равные промежутки времени взрыв, потом передышка. В периоды затишья к ним и можно подобраться. К сожалению, Карымский никакой закономерности не подчиняется: выбросы следуют друг за другом с разными интервалами — от четырех минут до получаса.

Второй и третий дни пути уходят на то, чтобы добраться до подножия вулкана Двор и подняться на его рассеченный ложбинами склон. Погода, увы, испортилась: туман, мелкий дождь, ветер. Мокрые и уставшие, переночевали мы под крутой скалой.

Сырая ночь сменилась сырым рассветом. Холодно и неуютно. Может быть, не стоит выходить! Но почему-то кажется, что выше тумана не будет. Оставив у палатки проводника, начинаем карабкаться по крутому склону, осыпям и непрочным скалам. Здесь много следов снежных баранов. Самих животных не видно; они, конечно, слышат нас и уходят. Спугнули двух зайцев. Как бесы, они проскакали вверх и уселись на камнях, наострив уши.

Туман действительно стал редеть и скоро кончился. Мы поднялись на скалистый гребень Двора. Внизу — сказочный и суровый мир: море серо-голубых облаков от горизонта до горизонта, а над ним высятся бледно-розовые конусы вулканов. Вершина Карымского близко — в нескольких километрах. Не успели отдышаться после тяжелого подъема, как кратер ух-

Наконец добрались до крутого обрыва, уходящего вниз на сотни метров, — это стенка Карымской кальдеры. Искать наиболее легкий путь некогда, да к тому же через пелену дождя и тумана мало что разглядишь. Спуск труден и опасен. Хватаемся за едва закрепившиеся кусты и траву, прижимаемся к карнизам. Все вниз и вниз, и неизвестно, чем это кончится, как будем выбираться обратно. Наконец подножие стены.

Поля застывшей лавы на дне кальдеры, казавшиеся сверху почти ровными, вблизи оказались нагромождением глыб самых причудливых очертаний. Все засыпано толстым слоем пепла, скрывающим провалы и трещины. Долго блуждаем в этом лабиринте, как затерявшиеся букашки, ориентируясь только по голосу вулкана. Лавовое дно кальдеры — как бы пьедестал, на котором возвышается конус вул-

полнился зловещим шорохом и свистом. Вулканические бомбы.

Сначала первые, единичные удары о склон. Потом — настоящий дождь из горячих камней.

Первое побуждение — уберечься от бомб, скатывающихся по склону. Но главная опасность не они, а те, что летят сверху, из тумана. Подброшенные на большую высоту взрывом, они падают вокруг нас — впереди, сзади, совсем рядом. Когда мы приходим в себя, каменный дождь уже затихает.

Нас, однако, еще не покидает надежда: может быть, по другому направлению подниматься безопаснее! Бросаемся вправо, но там склон изрыт еще сильнее. Влево! Еще хуже и опаснее: все буквально перепахано, всюду следы оползней и воронки от камней.

— Я не отступник, — говорит Володя, — но лучше вниз!

Все в замешательстве. Но **Володя**

Конус вулкана „Карымский“ 1 4 8 6

нул очередным взрывом. Ревущий вибрирующий звук не похож на раскаты грома, — это протяжный, сотрясающий землю выдох великана.

Когда облако дыма и пепла поднялось, стали видны внутренние стенки кратера. Белыми струйками пробивается дым из многочисленных трещинок.

Пока мы любовались этой картиной и фотографировали вулкан, облака, скрывавшие от нас землю, медленно поднимались вверх — и вот снова все вокруг окутано сырым туманом.

По крутым кулуарам осторожно спускаемся на дно кратера вулкана Двор. Впереди, за туманом, то гудит, то затихает Карымский. Взрыв! Загremели камни, где-то высоко слышен странный шум, будто шуршит плотный воздух.

кана, сложенный из вулканического песка, камней и глыб.

Достигнув конуса, начинаем подъем: сначала по пологой осыпи, потом — по крутому склону, усыпанному пеплом и изрытому камнями.

Кратер что-то долго молчит. «Очевидно, копит побольше к нашему приходу», — говорит Володя.

Тревожит эта затянувшаяся тишина. Под ногами теперь свежий пепел, и камни — тоже «свежие». Наконец-то начинает доходить до сознания, что из кратера на склон летит не только безобидный пепел.

И вот оно — загудело впереди, вздрогнул склон. Мы невольно остановились, тщетно пытаемся разглядеть сквозь туман столб дыма. И тут произошло то, что не входило в наши оптимистические расчеты: воздух пришел в движение, на-

прав. Совершенно очевидно, что иного выхода нет: не теряя драгоценного времени, спешим вниз.

Нам дважды повезло: во-первых, по счастливой случайности не хватило каких-то нескольких минут, чтобы дойти до края кратера; во-вторых, в момент взрыва мы оказались в точке, на которую упало меньше всего камней. Повезло и еще раз: пока мы бегали по склону то влево, то вправо, пока тереяли какие-то секунды на размышления, прежде чем отступить, прошло несколько минут, и все же взрыва не было! Только когда спустились до половины высоты конуса, вулкан снова взревел и громынул камнями.

Отступление всегда неприятно. Но наш визит к вулкану все-таки нельзя считать неудачным: ведь мы уносили с собой драгоценную добычу — снимки.

НОРБЕРТ КАСТЕРЕ,
французский спелеолог

ТЕЛЕРЕПОРТАЖ ИЗ БЕЗДНЫ

Летом 1958 года мне позвонили из Парижа — французское радио и телевидение хотело организовать первую телепередачу непосредственно из пещеры. Меня просили принять участие в репортаже и указать подходящее место.

Тогда я вспомнил об огромной пещере Бейдак в Пиренеях. Она тянется на 800 метров в длину. У нее высокие своды, а дно на протяжении 300 метров зацементировано. Эту сложную работу проделали в 1944 году немцы, которые хотели построить в гроте подземный авиационный завод. Но победа союзных войск помешала им довести дело до конца.

Начали день и час будущей передачи — 27 августа 1958 года, 20 часов 30 минут.

Установка в пещере телевизионного оборудования и его испытания потребовали многих дней напряженного и кропотливого труда. Я привлек к делу своих испытанных друзей-спелеологов — Жозе Бидгена, Жозефа Дельтейля, Жоржа Лепинэ и... свою дочь Раймонду. Телестудии хотелось, чтобы в передаче приняла участие и женщина.

Нас интервьюировал известный репортер радио и телевидения Жорж де Кон. Мы улеглись в узком скалистом проходе перед камерой № 1. Ровно в 20 часов 27 минут оператор Сеглер, наблюдавший за нами через видоискатель, внезапно сообщил: «Камера № 3 неисправна». Неужели передача, стоившая столько трудов, провалится из-за этой проклятой поломки?

Директор передачи Бадель предупредил по телефону Париж о технических неполадках. По телевидению начали передачу из Мюзик-холла, и в нашем распоряжении оказались 45 лишних минут. Мы слышали взволнованные голоса техников, ищущих повреждение в камере. Да, зритель, удобно расположившийся перед экраном своего телевизора,

Возвратившись из длительной спелеологической экспедиции в Пиренейских горах, во время которой мы изучили две пропасти глубиной 734 и 757 метров, я нашел среди многих писем и письмо редакции «Вокруг света». Посылаю короткий рассказ о первом телерепортаже под землей. Надеюсь, что эти строки заинтересуют читателей журнала.

не подозревает, конечно, о лихорадочном волнении, которое царит в этот момент здесь, в Пиренеях, в глубине грота Бейдак.

Уже больше получаса идет спектакль Мюзик-холла. Но вот Сеглер сообщает, что камера № 3 исправлена. Спустя четверть часа мы вылезаем на «сцену», и де Кон представляет нас публике. Он спрашивает меня, какими, по моему мнению, спортивными качествами нужно обладать, чтобы стать хорошим спелеологом. Я перечисляю все необходимые качества и в заключение добавляю, что они почти ничем не отличаются от тех, которые нужны хорошему альпинисту.

Внезапно де Кон прерывает меня.

— Я не вижу ни Лепинэ, ни вашей дочери, почему они не с вами?

— Не волнуйтесь за них, — успокаиваю я его, — они выбрали другую дорогу и сейчас карабкаются по скалистой стене в поисках верхнего яруса.

Наше изображение исчезает с экрана начала работать камера № 2. На экранах появляются две маленькие фигурки, ползущие по стене на высоте 20 метров. Это Лепинэ и моя дочь... Помогай друг другу, они взбираются по узкому карнизу на головокружительную высоту. Из-под ног падают камни и с грохотом разбиваются о дно пещеры. Чудесный кадр!

Во время этого эпизода мы не теряем времени даром. Оставляем камеру № 1 и быстро пересекаем огромный зал нам нужно теперь попасть в поле зрения камеры № 3. Шесть прожекторов ослепляют нас в тот момент, когда мы в молчании останавливаемся перед маленьким бассейном. Серебряные капли воды звонко падают в него с огромного сталактита. Микрофон, установленный над водоемом, передает в эфир эту мелодию.

Прерывает молчание де Кон. Он спрашивает меня о роли воды под землей, задает вопросы об образовании сталактитов и сталагмитов, освещается об архитектуре и возрасте пещер, эрозии, подземных реках и т. д. Я отвечаю, а перед зрителями на экранах проплывают своды и гигантские колонны, стены с неровностями и расщелинами. Временами камера возвращается к нам и показывает крупным планом нашу экипировку: каски с лампами, компасы, карабины, кошки, прикрепленные к поясу.

Исчезает изображение бассейна на экране. Опять начинает работать камера № 2. На этот раз она нацелена на высокий каменный карниз, где угадываются две движущиеся фигурки.

Лепинэ, склонившись над бездной, опускает вниз лестницу и прикрепляет ее к выступу скалы. Затем привязывает спасательную веревку к поясу Раймонды, и она медленно начинает спускаться по ступенькам паутинообразной лестницы. Объектив камеры следит за СПУСКОМ маленькой фигурки. Раскачиваясь над бездной, она скользит вдоль вертикальной стены. Раймонда спускается быстро и ловко. По мнению оператора, даже слишком быстро. Ему хотелось бы замедлить спуск, чтобы телезрители смогли лучше убедиться в том, насколько он труден.

А мы уже спешим предстать перед камерами № 4 и № 5. Переход совершаем в необычных условиях: приходится замаскировать электрические лампы на наших касках, иначе они будут давать световые пятна на экранах телевизоров. Лампы с затемненными рефлекторами освещают путь не луч-

ФЕЙЕРВЕРК

У ГОРЫ БОЯ-ДАГ

ше, чем мерцающие стекла. С большим трудом мы преодолеваем расстояние между камерами. Оператор камеры № 4 волнуется — чуть было не произошел перерыв в передаче. Однако он ловит нас в кадр, как только мы появляемся между двумя гигантскими колоннами.

Де Кон спрашивает меня, бывал ли в этом гроте человек каменного века. «Да, в Бедейаке обитали пещерные люди, — говорю я. — В гроте сохранились многочисленные примитивные очаги, кремневые орудия, а на стенах — доисторические рисунки». И, протянув руку, я показываю на стене силуэт огромного черного бизона.

В разговор вступает Дельтейль. Он объясняет де Кону, что многие дикие животные: медведи, львы, гиены — забирались в пещеры, где жили люди. Кроме того, люди ташили в пещеры туши животных, которых они убивали наверху. Вот почему под землей находят кости мамонтов, лошадей, оленей, баранов. Дельтейль протягивает де Кону огромный череп пещерного медведя, оленьи рога, плечевую кость бизона. Он передает ему каменные топоры и маленькое резное изображение лошадиной головы. Этот предмет древнего искусства пролежал в земле 30 тысяч лет.

Бидген показывает последний «экспонат» — каменное «панно», испещренное черточками и красными точками. Может быть, это зачатки письменности.

«Каковы задачи спелеологии?» — задает мне репортер последний вопрос. Вопрос короткий, но ответить на него не так просто. Спелеология изучает разные предметы: геологию, минералогию, гидрологию, биологию (флора и фауна пещер), палеонтологию, физические и химические явления. Это наука сильных и дружных. Ведь пещеры, как и горы, — суровая школа. Она требует от спелеологов силы, взаимной выручки, самоотверженности.

Наш репортаж заканчивается в глубокой тишине. Медленно проходим мы друг за другом, углубляемся в пещеру и растворяемся в темноте. Сиена может быть не очень оригинальна, но игра теней, рожденная светом юпитеров, придает величественность этому финалу.

Мы движемся в темноте в «сопровождении» гигантских силуэтов, скользящих по стене пещеры. Поразителен контраст между крошечными фигурками людей, затерянных в огромном гроте, и эскортом теней-великанов.

И в момент, когда рассеиваются наши тени, слышатся серебряные звуки падающих со сводов капель. Снова только они будут нарушать тысячами своих маленьких песен вечный покой подземного мира.

Перевод М. НИКИТИНОЙ

Рис. А. ГУСЕВА

Гора, известная под названием Боя-Даг, возвышается среди солончаков и такыров в юго-западной Туркмении. Того, кто видит ее впервые, гора поражает своей окраской: издали она отливает серо-зелеными, красными, желтыми и светло-серыми тонами.

В 1950 году сюда пришли геологи-нефтяники. Одну из скважин они заложили в седловине, у горы. На глубине около 100 метров бур врезался в трещину, наполненную горячей газированной водой, и вода под давлением хлынула вверх. Справиться с водой геологи не смогли и скважину бросили. Когда через некоторое время геологи вернулись сюда вновь, они обнаружили на месте скважины гейзер. Гейзер в этом районе страны явился для ученых неожиданной находкой.

Недавно мне довелось увидеть это уникальное явление природы — фонтанирование огненного гейзера.

К моменту нашего приезда гейзер Боя-Дага вел себя спокойно. В центре небольшого озера, имеющего форму блюдца, бурлила горячая вода.

Обычно гейзеры фонтанируют через постоянные промежутки времени, настолько точно, что по ним можно проверять часы. Но встречаются гейзеры с норовом, которые фонтанируют нерегулярно. Таким оказался туркменский гейзер.

Целый день мы ожидали фонтанирования, но лишь поздно вечером озеро забурлило сильнее, и над ним взвился высокий столб воды. Жесткие прямые струи, устремляясь вверх, терялись в темноте и затем с грохотом падали в озерко. Ветер далеко относил в сторону водную пыль и пар. Вокруг гейзера сотрясалась земля.

Кто-то бросил в фонтан зажженный лист газеты, и мгновенно весь столб воды засветился. Вспыхнул газ, но казалось, что горит сама вода. Высота фонтана достигла почти сорока метров.

Столб весь переливался белыми, желтыми, красными, зелеными, синими и лиловыми огоньками. «Горящая» вода окрашивалась то в голубой, то в зеленоватый цвет. Пламя освещало всю седловинку и пляшущими пятнами отражалось на ближайших горах.

Через несколько минут фонтан стал опускаться все ниже и ниже. Последним усилием гейзер выбросил столб воды высотой метров в пятнадцать и погас. Сразу стало холодно. Мы молча стояли перед погасшим огненным гейзером, все еще очарованные этим поистине Фантастическим зрелищем.

Надо сказать, огненный гейзер — не единственная природная достопримечательность Боя-Дага. Эта гора и ее окрестности представляют настоящий естественный геологический музей. Здесь можно увидеть разнообразные минералы, горячие соляные источники, нефтяные и газовые выходы, действующие грязевые грифоны. Хорошо бы часть гор у Боя-Дага объявить заказником и охранять так же, как охраняются всемирно известные Ильменские горы на Урале.

М. СУБОТА,
кандидат геолого-минералогических наук

ПЕЛСТРЫЙ
МИР

ЛОЖНАЯ ТРЕВОГА

В одной из пьес, шедших в парижском «Эберто-театре», по ходу действия кошка съедала мышь. После нескольких представлений этой пьесы Французское общество охраны животных выразило дирекции резкий протест против этой жестокости. А вскоре пришел ответ:

«Ваш протест — большая честь для нас. Он доказывает, что наш спектакль поставлен достаточно правдиво. Мы можем полностью вас успокоить: кошка, как и мышь, которую она каждый вечер съедает, — всего лишь чучела».

В ПУТЬ ЗА ЗВОНОМ

У людей бывают самые разные увлечения. Одни собирают книги, другие любят ловить рыбу, третьи гоняют голубей, четвертые занимаются вышиванием и т. д. Но, пожалуй, единственное в своем роде увлечение захватило жителя одного из городов ФРГ Густава Ильга. Вот уже двадцать лет, как его любимым занятием стало слушать колокольный звон. Стоит ему узнать, что где-то существует колокол со своим особым «голосом», как Ильг отправляется в путь. Он побывал во многих странах Европы, собирая свою удивительную «коллекцию» колокольного звона.

О
а
с
о
Х
а:
<

ШВЕДЫ МЕНЯЮТ ФАМИЛИИ

Как вручить письмо или извещение Андерсону, если из двухсот пятидесяти жильцов дома сотня носит эту фамилию? Подобные «проблемы тезок» возникают в Швеции постоянно. Ведь в стране семьсот тысяч Андерсонов, около полумиллиона Йохансонов и четверть миллиона Свенсонов. По несколько сотен тысяч граждан косят фамилии Олсон, Петерсон, Карлсон.

И вот недавно началась кампания под лозунгом: «Шведы, меняйте фамилии!» Специальное бюро составило списки, содержащие сто тысяч новых фамилий — выбирай на вкус. Обмен происходит без особых формальностей, и при этом сменившим фамилии гарантируется сохранение всех прав, принадлежавших преждему Андерсону или Олсону.

„Хочу быть пожарным“

Наверное, любой мальчишка на земле заявлял об этом своим родителям. Мужество, ловкость, воля и сила — вот качества, которые ежедневно необходимы человеку этой профессии.

Каждый год в Риме проводится конкурс будущих пожарных. Но чтобы стать в ряды местных «богов огня», претенденты должны пройти целую серию испытаний, проявить недюжинную атлетическую подготовку. Одним из кульминационных моментов конкурса является прыжок с крыши дома.

Весь цвет пожарной охраны собирается у его подножия. Блестят начищенные каски, топорщатся новые брезентовые костюмы, как паруса, хлопают на ветру три белых полотнища. И вот маленькая фигурка человека, раскинув руки, бросается вниз с вершины семизэтажного «утеса». Сальто в воздухе и — приземление на растянутое полотно «Боевое крещение» совершилось, и новобранец занимает место в рядах покорителей огня.

ВИЗИТ БЛАГОДАРНОСТИ

В палатку к Норберту Карру пришли гости. Они терпеливо ждут, когда хозяин закончит утренним туалетом, чтобы поиграть с ним.

Когда-то Норберт Карр выкормил маленьких беспомощных львят. Теперь они выросли, и воспитатель отпустил их на волю. Благодарные львы не забыли человека. И стоит только Норберту Карру разбить палатку в одной из уголков заповедника в Южной Родезии, дикие четвероногие друзья непременно навешают «кормилицу».

Один из львов по старой привычке взбирается на крышу автомашины и обозревает окрестности. Другой — укладывается на узкую походную кровать, и Норберт Карр может облокотиться на него как на подушку. Иногда, увлекшись игрой, львы становятся опасными. Но достаточно воспитателю укоризненно покачать головой, и они успокаиваются.

Бойтесь крашенных медведей!

До недавнего времени в канадских заповедниках одной из главных приманок для туристов были медведи, разгуливающие на свободе и лакомящиеся из рук посетителей. Но вот все чаще стали появляться сообщения о том, что медведи нападают на своих гостей.

Кто-то из депутатов парламента запросил правительство: что оно намерено предпринять для защиты отдыхающей публики? Незамедлительно последовал ответ:

«Впредь тех медведей, что будут признаны опасными, служителям заповедника следует поймать и пометить им задние лапы красной краской. Метки будут служить предупреждением посетителям, которые должны остерегаться кормить таких животных».

ВЕСЕЛЫЕ ПИЛИГРИМЫ

Эти служители католической церкви направляются в Рим. Однако, приближаясь к «священному» городу, они не предаются благочестивым размышлениям. Подбрав полы сутан, бегут «святые отцы» вслед за деревянными колесами, прикрепленными к длинным бечевкам. Временами они останавливаются, чтобы намотать бечеву и снова запустить колесо.

Пилигримы

усердно предаются этому занятию. Но это вовсе не значит, что они выполняют коллективный обет. Бег с колесом помогает им коротать путь и избавляться от лишнего веса.

«Русика» — так называется популярная в области Лацио игра, заимствованная у древних греков. Она позволяет пробегать большие расстояния без особого напряжения и усталости.

Вот это рог!

Чтобы поиграть на этом пастушеском «рожке», нужны совместные усилия трех человек. Гигантский рог достигает 10 метров в длину и весит 50 килограммов. По своему прямому назна-

чению он никогда не применяется, а служит лишь для удовлетворения самолюбия баварских пастухов. Они могут похвалиться, что обладают самым большим «рожком» в мире.

Знаете ли вы...

...что обыкновенная пчела по некоторым своим «летным качествам» намного превосходит самые совершенные самолеты? Так, современный самолет может поднять груз, составляющий четверть его общего веса, а пчела, когда она возвращается с добычей, может нести с собой столько нектара, сколько весит она сама.

ЛЬВЫ И БЕЗРАБОТИЦА

В одном из австрийских цирков дрессировщик львов поссорился с директором. Контракт был расторгнут, и львы остались без «работы».

А через несколько дней после скандала горожане валом повалили в гости к львам — в клетке давался сеанс карточной игры. Партнером дрессировщика был

«сам» бургомистр города. Оказывается, он не на шутку был взволнован проблемой безработицы среди львов и решил помочь дрессировщику обеспечить зверей пропитанием.

В течение нескольких вечеров горожане следили за карточным «матчем» в обществе львов. В выигрыше оказался дрессировщик, собравший с любителей острого зрелищ немалую сумму.

Пятивековая приживалка

Трехглазая ящерица туатара — обитательница пустынных островов Новой Зеландии — не утруждает себя устройством норы, как это делают ее сородичи в Старом Свете. Она предпочитает уютное гнездышко морского буревестника. Каким-то образом ящерица с птицей «договариваются» о коммунальном проживании. По строго установленному «распорядку» они пользуются гнездом в две смены. Буревестник воз-

вращается домой к ночи — как раз в то время, когда ящерица отправляется на охоту.

Но бывает, что птице надоедает приживалка, и ящерицу гонят прочь. Не затеяв ссоры, туатара покорно переходит на новую квартиру — к другому буревестнику. Такой покладистый «характер» вырабатывается у приживалки не сразу. Ведь ящерицы туатары живут, по определению ученых, до пятисот лет!

Зеленый зверинец

Владелец одного из садов на юге Франции решил преобразовать его в зверинец. И сделал это с помощью обыкновенных садовых ножниц: придал кустам и деревьям облик гусей, петухов, коней со всадниками.

Имя Виктора Александровича Твердохлебова знакомо читателям «Вокруг света». О нем упоминалось в июньском номере журнала прошлого года, в очерке «Охотничьи басни?». В этом очерке было, в частности, рассказано о таинственном животном, которое В. Твердохлебов видел в одном из озер на Сордоннохском плато (Якутия).

Загадочное чудовище не единственная тайна далекого и малоизученного района, где В. Твердохлебов побывал во главе геологической партии. В этом номере редакция публикует в сокращенном виде его дневник, который поможет будущим исследователям продолжить изучение этого района нашей Родины.

В. ТВЕРДОХЛЕБОВ

Рисунки П. ПАВЛИНОВА

Край, ждущий исследователей

Дневник геолога

1 июня 1953 года. Наш путь лежит к истокам реки Индигирки, к вершинам хребта Сунтар-Хаята, за которым начинаются реки бассейна Охотского моря — Ульбея и Охота.

В поселке Томтор мы получили девять не очень сытых, но здоровых якутских лошадок и, что самое главное, нашли проводника — могучего старика Варфоломея Владимировича Винокурова, водившего в свое время караваны Цареградского и Билибина, известных советских исследователей Сибири.

Нас девять человек, почти все — молодые ребята. Виктор Шатров, крепкий, плечистый паренек с Урала, приехал на Север после демобилизации из Советской Армии, Борис Башкатов — из Ростова. Оба новички и на Севере и в тайге.

Остальные — народ бывалый. В полдень 30 мая мы вышли из Томтора, на четыре месяца покинув населенные места.

«От Томтора на юг по широкой долине Куйдусуна идет старинная тропа на Охотск», — писал С. В. Обручев. По этой тропе зимой 1786 года прошел на оленях капитан Гав-

рила Сарычев, состоявший при морской экспедиции Биллингса. В августе он вернулся из Охотска на лошадях и отправился к Верхне-Колымску. Его именем названа теперь горная цепь, протянувшаяся между Индигиркой и ее притоком Нерой.

После Сарычева много людей ходило по этой тропе: купцы, казаки, красноармейские отряды, старатели с Аллах-Юня, охотники якутских колхозов и пастухи-эвенки, перегоняющие оленей стада с Охотского побережья.

Этой тропой в тридцатых годах прошли многие экспедиции Главсевморпути и Академии наук СССР. Тропа изучена достаточно подробно. Она широкая и утоптанная, местами можно ехать на телеге. Но местность по обе стороны ее оставалась «белым пятном». Лишь в сороковые годы эта территория была заснята. С тех пор прошло тринадцать лет. Насколько я знаю, за это время никто, кроме местных жителей, не посещал ее.

Теперь по тропе идет наша партия. Сделав около 70 километров вверх по долине Куйдусуна, мы

свернем влево и через перевал выйдем на обширное озерно-болотное Сордоннохское плато, лежащее между цепями гор. Часть его мы исходим вдоль и поперек. На плато, на берегу большого озера Лабынкыр, нас ждут завхоз, двое рабочих. Там склады с продовольствием и снаряжением, заброшенные по зимнему пути. Это наша база.

Об озере Лабынкыр сложено много легенд. Вечерами у костра старик проводник рассказывает нам, что в озере живет «черт». Он настолько велик, что расстояние между глаз у него, по словам Варфоломея, «шире, чем рыбацкий плот из десяти бревен». Об этом «черте» я слышал не раз и раньше. В Усть-Нере мне рассказывали, что «черт» как-то проглотил собаку. Из воды появилась огромная пасть — и собака, поплывшая за подстреленной уткой, мгновенно исчезла. Один из жителей Томтора рассказал, что однажды нашел на берегу Лабынкыра кость, похожую на чертство «черта»: если ее поставить вертикально, то под ней, словно под аркой, можно, дескать, проехать на лошади. Он сказал, что эта кость осталась у рыбацкой хижины на берегу озера.

Слышал я легенды о гибели каравана, провалившегося под лед озера Лабынкыр. Говорили, будто бы люди заметили торчащий из-под льда какой-то таинственный «рог», столпились около него и захотели его достать, но лед внезапно рухнул, и много людей и оленей погибло.

Я знал, что якуты называют «чертом» все непонятные, необычные явления природы.

3 июня. С утра мы начали подъем на перевал. Вместо веселой, широкой долины Куйдусуна перед нами мрачные, пустынные, покрытые корявым лесом, кустарником и мхом склоны Тинне-Юрье. После обеда перешли перевал и начали спуск на Сордоннохское плато.

4 июня. Первый переход по плато. По этой местности, как писал С. В. Обручев, 30—40 тысяч лет назад прошел ледник. Ледниковые отложения морены — образовали невысокие, до 50 метров, валы с сухой песчаной поверхностью, поросшей чистым лиственным лесом. Между валами расположены болотистые низины или озера. Днища озер выстланы мелкой, хорошо ока-

танной галькой. Берега мшистые, топкие и поросли густой щетиной осоки. Озера еще покрыты льдом. Лишь вдоль берегов оттаяла широкая кромка. Сюда, к прогретой солнцем воде, пришли метать икру окуни. Их так много, что осока в некоторых местах шевелится.

Оказалось, здесь полным-полно щук. Среди них попадались такие громадные, что в их пасти свободно умещалась моя ладонь.

Поразило меня разнообразие пород уток, гнездящихся на здешних озерах. Многих из них я раньше не видел.

5 июня. Сегодня рано утром мы пришли на берег Лабынкыра, на базу. Нас ждали уютные палатки с нарами и настлали на полу, со столиками для работы и печками. После бани все собрались за праздничным столом. Глядя на его убранство, можно поверить, что мы действительно находимся в огромной природной кладовой. Я распорядился не делать никаких запасов: отстреливать дичи и ловить рыбы столько, сколько нам нужно для питания, не больше.

7 июня. Отдых. Возле озера растет только мох, поэтому каюр увел лошадей в другие места. Озеро Лабынкыр — четырехугольник, 15 километров в длину и 3 километра в ширину. Это затопленный участок долины древней реки. Огромная, высотой в 60 метров, природная плотина запрудила реку. Сейчас через эту плотину уже просочилась небольшая речушка Лабынкыр.

Несомненно, морена, перегордившая древнюю реку Лабынкыр, была одной из последних в жизни ледника. Всюду, насколько хватает глаз, видны оставленные ледником озера.

Развалины рыбацкой хижины, о которой нам говорили в Томторе, я нашел на берегу озера Лабынкыр. Тщательно обшарили хижину и ее окрестности, но никакой «кости» не обнаружили.

8 июня. Пользуясь тем, что озеро покрыто льдом, я решил провести промер глубин.

С утра мы вышли в маршрут. Жарко пекло солнце, но воздух оставался холодным. Первые же лунки показали, что толщина льда достигает одного метра. Глубина озера увеличилась по мере нашего удаления от берега: 15 метров... 30... 50! У нас не хватило шну-

ра, и мы собрали все, что могли: ремни от винтовок, пояски от одежды. Почти 60 метров отделило нас от дна озера!

На его середине — два маленьких острова. Здесь царство чаек. Потревоженные нашим вторжением, они взвились целыми стаями, тревожно и пронзительно крича.

Солнце уже начало садиться, когда мы тронулись в обратный путь. За день жаркое солнце и вода изъели лед, и он стал жухлым. Было немного страшновато думать, что под рыхлым льдом глубина в несколько десятков метров. И потом эти легенды... Чем «черт» не шутит?

20 июня. Начались маршруты, а с ними и первые приключения.

Однажды я и Виктор Шатров забрался по узкой расщелине на маленькую площадку над обрывом и с удовольствием подставили искусанные комарами лица прохладному ветерку. Недалеко от нас было большое гнездо, в котором лежали яйца. Виктор направился было к нему. Я не успел его предупредить. Сверху послышался тревожный крик, и большой коршун, делавший круги над нами, сложил крылья и с огромной высоты понесся на нас. Когда он выровнял полет, я отчетливо увидел у своих глаз острые изогнутые когти. Птица и не думала прекращать нападение. К ней присоединилась другая — наверное, самка. Одна за другой птицы входили в стремительное пики. Они могли поранить нас или даже сбить со скалы. Мы легли на спины. Виктор, отличный стрелок, вскинул малокалиберку. От выстрела переднюю птицу бросило в сторону, полетели перья. Но я вновь увидел у своих глаз широко раздвинутые острые когти. Птицы по очереди пикировали, мы по очереди стреляли. Наконец у нас кончились патроны, но и птицы, видимо раненные, жалобно крича, стали описывать широкие круги в небе. Мы спустились вниз.

Кстати, о наших «стрелках». Виктор, как истый горожанин, палит из малокалиберки направо и налево, лишь бы была живая мишень. Борис, в противоположность ему, не отличается охотничьим азартом. Он очень любит животных. Как-то Виктор, увидев в траве голову куропатки, выстрелил, как обычно, без промаха. Это оказалась тощенькая самочка, сидевшая на яйцах. На сином брюшке у нее не было ни одной пушинки — она все выпала для утепления гнезда. Борис поднял ее с земли, и на глазах у него выступили слезы. Виктор весь день не поднимал глаз.

23 июня. Здешний угол плато — гористый. Миллионы лет назад его залили потоки лавы. Реки распилили их на сопки распадками и ущельями.

Среди густого кустарника торчат мрачные, черные скалы, иногда с красноватым отливом. Там, где кустарника нет, местность, усеянная обломками базальта, выглядит дико,

мрачно и напоминает о первобытном хаосе.

В опалово-желтых лавах липарита нам попадаются маленькие, со спичечную головку, прозрачные и чистые, как слеза, аметисты. Я готов поклясться, что от них исходит живой, теплый свет. Но через несколько часов аметисты тускнеют, словно покрываются пылью, и теряют всякую привлекательность.

Мы отдыхаем у чистейших миниаюрных озер в каменных чашах. Здесь, словно в аквариуме, плавают хариусы. От солнца прячемся в маленьких гротах и пьем воду из водопадов. Говорят, что пьющие воду из водопадов проживут до ста лет.

25 июня. В последние дни я увлекся новой идеей: мне захотелось восстановить направление лавовых потоков. День и ночь ползаю по скалам с компасом.

Сегодня одна скала особенно заинтересовала меня — здесь явно накладывались друг на друга несколько лавовых потоков, виднелись запекшиеся корки лав, шлаковые конусы. Найдя такое сокровище, я уселся на обломок базальта и принялся, не торопясь, всматриваться в каменные узоры скалы. И вдруг... я вскочил, точно от удара бича. Что-то случилось... Но все было тихо кругом: далеко внизу голубел Лабынкыр, и шел дымок от кухни на нашей стоянке. Мирно курились туманом после недавнего дождя голубоватые сопки.

Что же все-таки произошло? Медленно пришло какое-то смутное воспоминание... За мгновение до страха — глухой и грозный подземный гул! Так вот оно что — маленькое землетрясение! Я подозрительно покосился на окрестные сопки, но они продолжали мирно дремать под туманным небом.

Мои поиски все-таки увенчались успехом. Лавовые потоки привели нас к остаткам древнего вулкана, напоминающего развалины замка. Мы почти до утра лазали по вулкану. Виктор сделал несколько зарисовок.

3 июля. Завершив съемку юго-западного гористого участка, мы вернулись на базу. Теперь нам предстоит снимать обычные для северо-востока Сибири песчано-глинистые толщи. Но здесь они во многих местах закрыты слоем ледниковых отложений.

Несколько дней назад случилось загадочное происшествие. Ребята вели маршрут по самой южной окраине озера Лабынкыр. Засняли устье впадающей в озеро речки и полезли по осыпающемуся склону на правый берег долины. Щебень и песок, слагающие его, сползали вниз, обваливались. Вдруг из песка выкатился человеческий череп и, постукивая, покатился вниз. За ним другой, третий... Целое кладбище черепов! Но почему одних только черепов? Как они оказались в крутом обрыве?

6 июля. Лабынкыр уже очистился ото льда. Большие волны, подгоняемые ветром, обрушиваются на северный берег. Мы сколотили маленький плот и отправились ловить рыбу. С плота хорошо видно налимов. Они лежат как темные поленья, уткнув носы в песок. Налим ленив. Чтобы вытащить его из воды, мы подвели крючок с наживкой прямо к его носу. Он глотал его, не торопясь.

В первый вечер после возвращения я прилег на чистую постель, положил голову на подушку... И тишина сразу исчезла, наполнилась гулом, скрежетом, звоном. Поднял голову — все тихо. Опустил — снова гул, скрежет и звон. Очевидно, это гудела морена, на которой стояли наши палатки. Под какими-то сводами стучались друг о друга огромные глыбы, словно кто-то неугомымо их перекатывал. Очевидно, морена успела протаять и теперь, как огромный резонатор, усиливала звуки прибоя.

20 июля. Второй рейс охватывает центральную часть района, представляющую обширный озерно-болотный край. В центре его озеро Ястребиное.

Последнее время у всех нас сильно расшатались нервы. Маршруты очень тяжелы. Солнце печет нещадно. От жары местность заволакивается густой голубоватой дымкой. У нас появилась одышка, сердцебиение, осунулись и пожелтели лица, ввалились глаза. Ночь не снимает усталости, и мы всё позднее и позднее выходим в маршруты, и все чаще и чаще ночь застает нас в маршрутах. Все жалуются на головную боль.

Я помню, что с такой же ситуацией столкнулся в 1951 году, когда вел съемку Рей-Урйи («Речки мучений»). Там были обширные болота, покрытые высокими кочками. Несколько километров такого пути с трудом переносили самые крепкие лошади, а люди чувствовали себя, как на судне в качку.

Там тоже все было затянато голубоватым туманом, и хотя маршруты были короткими и сопровождались длительным отдыхом, у нас пожелтели лица, а сердце, казалось, было готово выскочить при малейшем движении. Позднее один знакомый врач сказал мне, что отравлял нас туман. Оказывается, это ядовитые испарения эфирных масел багульника, которым заросла вся местность. Испарения эти сильно действуют на нервную и сердечно-сосудистую систему человека.

24 июля. Сегодня мы вышли во время маршрута на берег озера Ястребиного. На прибрежном иле мы заметили свежую широкую и глубокую борозду, как будто в берег

врезалась лодка. Но на озере не было лодок. Такого следа не могло оставить и дерево, оно застряло бы в иле, да и неоткуда ему было получить такой разбег.

Мы пошли дальше, так и не догадавшись, что же здесь произошло.

26 июля. Поймали в одном из озер рыбку величиной с хариуса, но не похожую на обычных рыб, которые встречаются здесь. Когда ее сварили, то оказалось, что мясо у нее оранжевого цвета, такое же, как у свежей вареной кеты. И что поразительно, вкус мяса также совершенно точно походил на вкус мяса кеты...

28 июля. Теперь наша стоянка на белом сухом мху у озера Ворота. Все разбрелись кто куда. Одни блаженно отсыпаются в спальных мешках, другие ловят щук в осоковых зарослях. Мишка построил плотик и отправился промерять озеро Ворота. Оказалось, глубина его, как и на Лабынкыре, 60 метров. Но оно значительно меньших размеров.

В этом районе плато возвышается горная гряда. Озеро пересекло ее поперек, за что и получило свое название — Ворота. Втиснутое в красновато-серые горы, оно выглядит мрачно, безжизненно. Неподвижная вода в лучах заката кажется тяжелой и блестящей, как расплавленное серебро. Склоны озерной впадины круты и скалисты.

Если в солнечный день смотреть на озеро со склона, то под слоем воды можно увидеть затопленные, затянутые песком речные террасы...

По вечерам, у костра, я мысленно подвожу итоги всему увиденному. Принято считать, что около миллиона лет назад, в конце третичного периода, в этих местах был теплый и влажный климат, пышная теплолюбивая растительность: дуб, бук, ясень, грецкий орех... А местность представляла собой равнину. Потом, по-видимому, древние равнины оказались поднятыми на разную высоту. Резко похолодал климат, и на равнинах, оказавшихся поднятыми выше снеговой границы, начали скапливаться массы льда. Одновременно реки размывали древнее плато, уничтожая его, создавая горный рельеф.

Но встречаются в горных районах земного шара участки, где древнее третичное плато уцелело от размыва. Эти участки представляют большую ценность для науки. Таким было и плато, на котором мы работали. Предполагают, что последний ледник ушел отсюда 30—40 тысяч лет назад, а по некоторым данным даже 3—4 тысячи лет назад. Здесь, наверное, дольше, чем в окружающих районах, пролежал ледниковый покров. Он, словно щитом, прикрыл плато от размыва. Но кое-какие наблюдения над плато заставляли сомневаться в том, что все эти преобразования произошли так давно.

На склонах блюдцеобразных впадин в отложениях ледника мы часто наблюдали черную кайму. Она отмечает собой уровень льда, пролежавшего здесь долгое время. Спрашивается, когда же исчез лед из впадины, если растущие на их дне деревья лишь немного превышают высоту человеческого роста и имеют возраст не более 20—30 лет? Во впадинах морены лежал «мертвый», то есть не связанный с телом ледника, лед, и исчез он, видимо, не 30—40 и не 3—4 тысячи, а всего лишь несколько десятков лет назад!

Конечно, этих наблюдений мало, чтобы доказать выдвигаемое положение. Ведь я мог принять случайности за закономерность. Но «случайностей» все же достаточно, чтоб высказать сомнение в правильности существующих представлений о возрасте оледенения плато.

Да и с кем, собственно, спорить? Ведь никто еще точно не доказал, что ледник приходил сюда 30—40 тысяч лет назад или 3—4 тысячи лет назад. Ведь эти цифры ученые называют условно, по аналогии с возрастом оледенения в Европе. Известно всем, что в сотне километров отсюда, на вершинах хребта Сунтар-Хаята, и сейчас есть ледники. Некоторые исследователи считают, что это реликты, остатки некогда мощного ледника. Значит, ледник не только оставил свежие следы пребывания на плато, но и сам, в сущности, уцелел.

Я подозреваю, что Сордоннохское плато возникло не сотни тысяч, а сотни лет назад, и не путем медленного воздымания, а в результате катастрофы. Интересно, что долины древних рек, тянущиеся к вершинам Сунтар-Хаята, не только не сужаются кверху, но, наоборот, заметно расширяются. Выходит... Выходит, могло случиться так, что стремительное поднятие отделило верховья этих рек от бассейна Охотского моря, образовав хребет Сунтар-Хаята, и сохранило плато от размыва не меньше, чем броня ледника. Наклон плато изменился, и реки потекли в другом направлении, на север, в сторону Индигирки.

Я отчетливо сознаю, что, выдвигая версию о недавнем и катастрофически быстром возникновении плато, рискую попасть в смешное положение. Ведь даже второкурсникам

известно, что геологические и геоморфологические процессы нельзя мерить масштабами человеческой жизни или жизни деревьев, что катастрофически быстрое течение процессов перестройки земного ландшафта отрицается современной наукой, что можно привести тысячи примеров из истории развития рельефа во всех странах мира, ставящих под сомнение выдвигаемое мной положение. Но собранный материал требовал ответа. Я поделился сомнениями с ребятами...

Ребята молчали. Потрескивал костер.

— Можно допустить, — шуточно заметил я, видя задумчивые физиономии товарищей, — что на плато продолжается древняя жизнь, замаскированная под современную. Что, если якутские легенды не только плод фантазии? Что, если на плато сохранились древние животные?..

30 июля. Сегодня случилось вот что. Солнечным, приветливым утром я и Борис Башкатов вышли в маршрут по берегу озера Ворота. Предстояло карабкаться по скалам, и мы сняли с себя все лишнее. Около 11 часов утра мы вошли в теснину озера и повели маршрут по середине склона. Скоро он стал настолько крутым, что идти было небезопасно, и мы решили спуститься поближе к воде, полагая, что там пройти легче. Сверху я отчетливо различал под водой отмель — затопленную террасу. Как раз напротив того места, куда мы спускались, на ней смутно белело большое пятно. Но когда я через минуту снова посмотрел вниз, никакого пятна не было. «Наверное, это фокусы солнечного освещения», — подумал я. Но Борис неожиданно закричал:

— Смотрите! Что это там... на середине?

Мы остановились. Метрах в трехстах-четырестах на воде отчетливо белел какой-то предмет, поблескивая в лучах солнца.

— Бочонок, — сказал Борис. — Из жести.

— Может быть, лошадь забрела в озеро, — забеспокоился я.

Действительно, предмет плыл — и довольно быстро. Это было что-то живое, какое-то животное. Оно двигалось по дуге: сначала вдоль озера, потом прямо к нам.

По мере того как оно приближалось, странное оцепенение, от которого холодеет внутри, охватывало меня. Над водой чуть-чуть возвышалась темно-серая овальная туша. Белый цвет куда-то исчез. На темно-сером фоне отчетливо выделялись два симметричных светлых пятна, похожих на глаза животного, а из тела его торчало что-то вроде палки... Может быть, плавник? Или гарпун неудачливого охотника?

Мы видели лишь небольшую часть животного, но под водой угадывалось огромное, массивное тело. Об этом можно было догадаться, видя, как чудовище двигается: тяжелым броском, несколько приподнимаясь из воды, оно бросалось вперед, а затем полностью погружалось в воду. При этом от его головы шли волны, рождавшиеся где-то под водой. «Хлопает пастью, ловит рыбу», — мелькнула догадка.

Животное плыло, несомненно, к нам, и поднятые им волны заплескались у наших ног. Мы посмотрели друг на друга и вдруг, как по команде, полезли на крутой склон. А вдруг «оно» выйдет из воды? Перед нами был хищник, без сомнения, один из сильнейших хищников мира: такая неукротимая, беспощадная, какая-то осмысленная свирепость чувствовалась в каждом его движении, во всем его облике.

В ста метрах от берега животное остановилось. Оно вдруг сильно забилось на воде, поднялись волны, и никак нельзя было понять, что происходит. Прошла, может быть, минута — и животное исчезло, нырнуло. Только тогда я вспомнил о фотоаппарате.

Мы стояли десять, двадцать минут, полчаса — все было тихо кругом. Мы пошли дальше.

Сомнения не было: мы видели «черта» — легендарное чудовище здешних мест. Прав был якут-рыбак. У животного темно-серая кожа и расстояние между глаз действи

тельно не меньше плота из 10 бревен. Но только он его видел в Лабанькоре, а мы — в озере Ворота. А ведь эти озера не соединяются между собой, и расстояние между ними — почти 20 километров.

Я вспомнил о светлом пятне под водой. Очевидно, животное охотилось на прибрежной отмели, и мы вспугнули его, когда с шумом спустились по склону.

Сначала я решил, что животное является неизвестным потомком вымерших родов, населявших ранее здешние места, которое сумело приспособиться к новым условиям существования. Но, странное дело, мне казалось знакомым это выражение неукротимой свирепости. Где, когда, при каких обстоятельствах я мог его видеть? И вдруг вспомнил...

Высокие волны разбиваются о плоский галечниковый берег. Мы, несколько человек, стоим на берегу. Только что мы купались, прыгая и плескаясь в волнах. Внезапно кто-то испуганно вскрикнул. Мы оглянулись: метрах в тридцати от нас в воде виднелась большая темно-серая туша. Как мы оказались на берегу, я не знаю, но отчетливо запомнил: на темно-серой туше выделялись два светлых пятна и наверху торчал плавник. Но, самое главное, этот зверь рассматривал нас с угрюмым вниманием, словно выбирая, за кого приняться. Это произошло в 1945 году, на побережье Охотского моря, возле устья реки Охоты.

— Знаю! — заорал я. — Это же «Тэму-оборотень»!

Этим именем на побережье Охотского моря, у орочей, называют касатку-гладнатора, большее, 10 метров длиной, животное из семейства дельфиновых, похожее внешне на кита.

Касатки — одни из самых свирепых хищников морей. Даже акулы страшатся этого чудовища. У касатки темно-серая спина и грязно-белое брюхо. Огромная пасть усеяна острыми зубами. На спине помещается острый, как нож, плавник, похожий спереди на палку. Позади маленьких глаз — светлые пятна. Выражение глаз, жесткое и злобное, особенно пугает некоторых суеверных жителей морского побережья. Они называют касатку «Тэму», то есть «Грозный хозяин морей», считают, что Тэму — оборотень и может превращаться в наземных зверей, птиц и даже в неодушевленные предметы. Человека, увидевшего Тэму, по их убеждениям, постигнут страшные несчастья.

Как заметил В. К. Арсеньев, касатка может издавать звуки, похожие на тяжелые вздохи или заглушённое мычание.

Мы смотрели на темную неподвижную воду протоки, соединяющей озеро Ворота с другими озерами. Видимо, эта протока была глубока, и чудовище может пробираться по таким протокам из озера в озеро. Но здесь кончался район наших работ, и у нас не было времени, чтоб

гоняться за чудовищем вдоль цепи озер.

Я вспомнил, что всего лишь позавчера Мишка промерял глубину озера на утлом плотике, и у меня по коже побежали мурашки. Что было бы, если в это время зверь находился в нашем озере? Может быть, появилась бы еще одна легенда — о таинственном исчезновении геолога. Мы бы не смогли ничем ему помочь и даже не смогли бы объяснить, что произошло на озере.

Я пожалел, что в это утро отправил Варфоломея назад, в свой родной колхоз. Может быть, об кое-что нам еще рассказал бы об этом звере.

Мне вдруг припомнилось, как однажды, достав из воды озера Ястребиного изодранную сеть, старик, сокрушенно качая головой, ругал какого-то зверя. Я не обратил на его воркотню внимания, полагая, что сеть порвала большая щука.

Потом я вспомнил его рассказы о каком-то «море» воды, заливающим перевалы, ведущие к спуску на Охотское побережье. Вспомнил рассказы рабочих, живших на весновке, о том, что они видели во льду озера Лабанькыр лунки, а однажды через одну из них под водой — темную массу, которую они приняли за копну сена и которая потом куда-то исчезла. Не являются ли все эти фантастические, как мне казалось, рассказы отражением звеньев единой цепи событий, отнюдь не фантастических?

Но как же касатка (если это только касатка) могла сюда попасть? Ведь до Охотского моря больше трехсот километров, и плато лежит почти на тысячу метров выше уровня моря. Как может жить морское животное в пресной воде озера? Когда попало оно сюда? Одно ли оно тут или целая семья? Как пережили они оледенение? Чем питается это чудовище?

Трудно, почти невозможно, представить, чтобы на протяжении тысячелетий, в условиях сменяющихся ледниковых и межледниковых эпох, в современных климатических условиях здесь могли существовать жители теплого и влажного климата.

Если же мы видели касатку-гладнатора, что более вероятно, то ее существование согласуется со свежими следами отступления ледника и с представлениями о совсем недавнем, катастрофически быстром поднятии плато. Неужели семья касаток оказалась в озере, будучи захваченной здесь какой-то катастрофой, отрезавшей пути отступления к морю? Тоже маловероятно.

Одно несомненно: существование таинственного животного теснейшим образом связано с загадкой происхождения плато.

7 августа. Следующие два дня мы изучали сопки вокруг озера и внимательно следили за его поверхностью. Но все было спокойно вокруг, как и прежде.

Время не ждало. Мы перенесли

стоянку вниз по течению речки, вытекающей из озера Ворота.

Нервы мои все еще не могут прийти в норму после происшествия на озере Ворота. Мне показалось вдруг, что окружающая тишина обманчива, что в причудливых, фантастических очертаниях берегов, в беспокойной ряби озера таится жизнь — древняя, с неизведанными законами, незримая. Показалось, что чьи-то мертвящие, холодные глаза, глаза из чужого мира, смотрят на меня из глубин озера...

19 августа. Мы вышли к реке Туора-Юрях и начали спускаться вниз по долине. По ней проходит восточная граница нашего района работ.

Долина реки Туора-Юрях врезана в тело плато на глубину 60—80 метров. Именно — врезана. Плато обрывается к долине Туора-Юряха уступом. Боковые притоки, короткие и маловодные, но очень крутые, прорезают узкие миниатюрные ущелья в уступе плато и с шумом низвергаются к пойме реки каскадом небольших водопадов.

Последний ледник, прошедший по долине Туора-Юряха, не вмещался в берега долины и заползал, как бы вдавливался в боковые притоки, в глубь плато, на расстояние 4—5 километров. Когда он ушел, на плато осталась цепь конечно-моренных валов, вытянутая вдоль долины Туора-Юряха. И за каждым валом, перегордившим древний боковой приток реки, располагалось озеро. В нескольких местах ущелья современных притоков Туора-Юряха уже пересекли валы конечных морен — и озера оказались спущенными.

Такая же участь ожидает и все другие природные плотины этих озер. Процесс их разрушения протекает, так сказать, на глазах.

Наблюдения над долиной Туора-Юряха чрезвычайно интересны и поучительны. Они могли бы составить последнее, завершающее звено наших наблюдений над геоморфологией плато, но, к сожалению, наше основное задание отнимает почти все время.

В долине Туора-Юряха можно увидеть далекое и недавнее прошлое плато, его настоящее, угадать его будущее.

На стенках ущелий видны коренные породы и лежащие на них речные наносы. Это следы древнего прошлого плато, его древний рельеф. На речных наносах лежит слой ледниковых отложений — это уже позднейшая история плато. Современная история плато — ущелья, разрезающие склон долины Туора-Юряха.

Ледник, прошедший здесь, по-видимому, значительно углубил долину. После его ухода боковые притоки немедленно принялись за работу. Они не успокоятся до тех пор, пока, грубо говоря, не сравняют уровень плато с уровнем русла Туора-Юряха. Работы много — вот и энергия у них большая. Но пока что ущелья протянулись в глубь плато

всего лишь на 3—4 километра. Этот факт, между прочим, еще раз свидетельствует о сравнительно недавнем уходе ледника из долины Туора-Юряха и с плато вообще.

А вот будущее Сордоннохского плато. Пройдут сотни, может быть тысячи лет. Ущелья врежутся в тело плато, рассекут моренные валы, спустят озера, разовьются в сеть речных долин и расчленият плато на сопки и распадки, создадут рельеф, подобный рельефу всей горной области северо-востока нашей страны.

В долине Туора-Юряха меня охватывает странное ощущение: здесь доступны конкретные, не отвлеченные от реальных масштабов человеческой жизни, представления о процессах формирования лица Земли. Здесь находится огромная природная лаборатория по изучению геоморфологических процессов, та самая лаборатория, о создании которой мечтают геоморфологи.

22 августа. В долине Туора-Юряха и на склонах сопки растет очень красивый густой лес, пострадавший, к сожалению, во многих местах от пожаров. Лес исключительно богат дичью. Я нигде еще не видел такого обилия глухарей и куропаток.

Мне нравится бывать на берегу Туора-Юряха. Берег зарос тополями и ивняком и выглядит красиво, нарядно. Закончив маршрут, я забираю удочки и ухожу куда-нибудь подальше.

Тихо. Все кругом дремлет. Звенят, поют голубоватые струи воздуха. Хариусы стайкой вошли в омут. Вот один, согнувшись в упругую дугу, ткнулся носом в поплавок. Наживку клевать никто не хочет. Из-за мыска показался утиный выводок. Мама-утка что-то сердито объясняет несмышленишам. Я сижу неподвижно, и она меня не замечает. Вот она совсем рядом. Мы встречаемся глазами. Мгновенная оторопь. Утка даже слегка расставила крылья — то ли для того, чтобы немедленно затормозить, то ли чтоб прикрыть от меня малышей. Еще миг — и все компания со страшным шумом исчезает за спасительным мыском.

На той стороне реки, километрах в двадцати отсюда, из-под морен бьют горячие сероводородные источники Сытыган-Сылба. Хорошо бы съездить туда, посмотреть на них, покупаться. Никогда не купался в горячих ключах. Но для этого надо организовывать переправу через Туора-Юрях.

Реки быстры, порожисты,
Перевозчики спят...
За рекой ветер высушит
Мой нехитрый наряд.

Я смотрю на быстро катящиеся волны. Перевозчики еще долго будут спать на Туора-Юряхе. Ветер за рекой не сушил наших нехитрых нарядов. От посещения горячих ключей пришлось отказаться. Нам надо было спешить. На воду уже легли первые листья...

26 августа. Вышли на «последнюю прямую» к базе.

В начале сезона наши лошадки были полудикими. Когда им предлагали овес, они равнодушно от него отворачивались. Теперь они осмелели настолько, что на очередной стоянке бросаются к продуктам, разложенным поваром для готовки. Развернувшись в цепь по всем правилам боевого искусства, невзирая на пострадавших, лошади рвутся вперед. Пока повар отбирает у одной мешочек с солью, другая, вся окутанная мучной белой пылью, мчит в кусты, крепко держа в зубах мешочек с мукой. Ночью они засовывают головы в палатки и шарят по углам, гремя кастрюлями, или меланхолично жуют углы палаток, пытаясь добраться до хлебных запасов. Отгонять их бесполезно. Зато, когда они нужны, найти их бывает не так-то просто...

24 сентября. Мы вернулись на озеро Лабьнкыр хорошим теплым вечером, а когда проснулись на другой день, все кругом оказалось заваленным липким, мокрым снегом. Пришлось поторопиться с возвращением в Томтор. И вчера, наконец, вышли в обратный путь. Ночью мороз сковал болота, идти легко и приятно.

На каждой высокой морене мы останавливались и долго молча всматривались в расплывающиеся очертания знакомых сопки. Плато как магнит притягивало наши взгляды. Все немного загрустили и притихли. То ли жалко нам было уходящего лета, то ли еще чего-то, только в этот момент мы думали не о возвращении, а об озерном крае, скрывающемся от нас в голубоватой дымке. Там, на плато, на кустах мха и багульника, остались капельки нашего пота. Мы, геологи, знаем, что они иногда прорастают и превращаются в заводы, города и дороги. Конечно, маловероятно, что тишину Сордоннохского плато будут нарушать заводские гудки, но я твердо уверен, как и всякий северянин, что придет время, и люди будут проводить свои отпуска на Севере.

Вот и все. Мы благополучно спустились с перевала, вышли в долину Куйдусуна и вернулись в Томтор. К сожалению, Варфоломея Винокурова мы в Томторе не застали. Он уехал на дальние пастбища, а нас уже ждала машина.

Вернувшись в Усть-Неру, я написал официальную докладную записку в Магадан, в наше управление, в которой изложил обстоятельства встречи с чудовищем. Ответа не последовало. Затем весь собранный материал был помещен в отчете.

Меня часто расспрашивали о чудовище, и я много и охотно рассказывал о плато. Но часто, слишком часто, в вопросах сослуживцев слышались скрытая или явная насмешка или недоверие. В конце концов это мне надоело, и я перестал рассказывать о тайнах плато.

Потом я уехал с Севера и посту-

пил на работу в Восточно-Сибирский геологический институт Академии наук. Однажды известный сибирский ученый Михаил Михайлович Одинцов передал мне просьбу заместителя председателя президиума Якутского филиала Академии наук СССР Николая Васильевича Черского: сообщить подробности о встрече с чудовищем. Я написал письмо в Якутский филиал. Именно это письмо и послужило впоследствии источником газетных заметок о «чуде Лабьнкыра».

Гидрогеолог Шишкина, побывавшая на Сордоннохском плато после нас, утверждает, что рассказчики легенд о «черте» могли быть введены в заблуждение либо большими волнами Лабьнкыра, либо большими жуками. Но как бы ни была велика волна и как бы ни была зубаста жука, якут, прекрасный знаток своего края, никогда не назовет ее «чертом». Ему понятны и знакомы эти явления, а слово «черт» почти всегда обозначает необычное, из ряда вон выходящее явление природы.

Прошло семь лет с тех пор, как мы побывали на плато. Насколько мне известно, кроме партии Шишкиной, на плато с тех пор не было никаких экспедиций. Оно по-прежнему хранит много тайн. Кто разгадает их?

Огонь

КАТАСТРОФА У ФАЛЬДУМА

то случилось 29 февраля 1908 года. Вечером в небольшом отеле в горах, находившемся в нескольких милях от швейцарского городка Гоппенштейн, царило непринужденное веселье. Увидев, что в зале собралось много народу, хозяин отеля, добродушный толстяк Гэолль попросил минуту внимания.

— Господа! Сегодня я получил письмо от окружного лесничего. Он советует нам покинуть отель и спуститься вниз, в Гоппенштейн. По его предположению, со склонов Фальдума могут сойти снежные лавины. Вы как хотите, господа, но лично я остаюсь здесь. Мне почему-то кажется, что меня, при моей комплекции, снежинкой не перешибить.

Все рассмеялись. Никто не пожелал спуститься в долину.

И напрасно! Прошло немного времени, и стоявшие у окон отеля люди увидели вдруг странную картину. Пласт снега, еще минуту назад мирно покоившийся на покатых ребрах горы Фальдум, вздрогнул и стал скользить вниз все быстрее и быстрее. Вот рокочущий снежный поток уже рядом — раздался страшный грохот. В то же мгновение крышу отеля сорвало и перебрало на противоположный склон горы. Тяжелый бильярдный стол, словно пушинка, взвился в небо. Люди, стоявшие лицом к лавине, были задушены страшным давлением воздуха. Из 30 человек 12 погибли в этой катастрофе.

Весть о трагическом событии у Фальдума облетела весь мир. О лавинах заговорили как о коварном и грозном явлении природы, опасность которого прежде недооценивали.

ПРЕВРАЩЕНИЯ ЛЕДЯНЫХ ЦВЕТОВ

Идет снег.

Где-то вверху рождаются мелкие кристаллики льда — шестиугольные пластинки. Потом они образуют причудливыми иголками кристаллов и превращаются в хорошо знакомые всем снежинки. Набрав тяжесть, ледяные цветы отрываются от облака, покидают свою колыбель.

Посмотрим, что происходит дальше с ледяным цветком, упавшим на землю. В первые моменты наземного существования он еще сохраняет чудесно ограниченную форму. Но снег продолжает идти. И наш цветок оказывается погребенным под грудой других снежинок. Он теряет свою изящную, но непрочную красоту: лепестки обламываются, и снежинка смерзается с другими.

А снег все идет и идет... Вот на склоне горы уже лежит пласт толщиной в полметра. И со снежинками начинаются новые чудесные превращения.

Известно, что снег хорошо сохраняет тепло, поэтому снежный пласт как бы разделен на температурные зоны — холодные верхние и теплые нижние. Согретая снегом, защищенная от мороза земля начинает оттаивать.

Кристалликам нижнего слоя становится слишком жарко. Они испаряют часть влаги, которая подни-

Миномет устанавливают в долине.

мается из теплых зон в холодные, где давление меньше. Таким образом, внизу снег становится рыхлым, а в верхних слоях, наоборот, уплотняется, тяжелеет.

Этот процесс происходит гораздо быстрее при сильном ветре, проносащемся над поверхностью снега. Тогда давление над пластом резко падает — водяные пары и воздух буквально высасываются из снежной толщи.

Тысячетонная снежная глыба, словно подрезанная снизу ножом, висит как будто на тонкой ниточке. Стоит нарушить это неустойчивое равновесие — и снег мощной лавиной заскользит вниз.

В лавине иногда бывает один-два миллиона кубических метров, причем каждый «кубик» весит 300—400 килограммов. Стремительный снежный поток (скорость его иногда достигает 200 километров в час), как бритвой, срезает стальные рельсы, перемалывает в мелкую крошку каменные постройки. Лавина гонит перед собой мощную воздушную волну, которая способна причинить больше разрушений, чем удар самих снежных масс.

В нашей стране лавины сходят в Карпатах, Хибинах, на Кавказе и Урале.

БОЕВАЯ ПРОФИЛАКТИКА

Снежный пласт делится на зоны: верхние — холодные и плотные, нижние — теплые и рыхлые.

Молодой город Кировск в тридцатых годах оказался подвержен нападению лавин. В декабре 1935 года одной из снежных торпед были разрушены три дома в окрестностях города. Стихия бросила людям грозный вызов.

И вызов был принят: в следующем году, по решению правительства, в Кировске была создана первая в стране снежнотемпературологическая станция. Началось систематическое изучение причин образования лавин и разработка способов борьбы с ними.

Каждую осень, еще до появления первого снега, метеорологи начинают готовиться к атакам на лавины: внимательно наблюдают за температурой земли и воздуха, замечают, глубоко ли промерзла земля. А когда выпадет снег — тут уж самая страда для работников станции. Важно знать и форму и «марку» снежинок, выпадающих на лавиноопасные склоны гор. После каждой пурги специальными приборами измеряют силу сцепления между ледяными кристаллами.

На опытной площадке станции, расположенной на одном из склонов горы под Кировском, роют в снегу шурфы, чтобы измерить температуру на разной глубине пласта.

Приборы позволяют ученым отчетливо представлять себе внутреннюю жизнь лавины, изменения, которые происходят со структурой снега.

Наконец ученые говорят: «Пора!»

Пора — это значит, что достаточно небольшого сотрясения, чтобы глыба снега сорвалась со склона

Лавина стремительно несется вниз, клубится снежным туманом и... затихает у подножия склона.

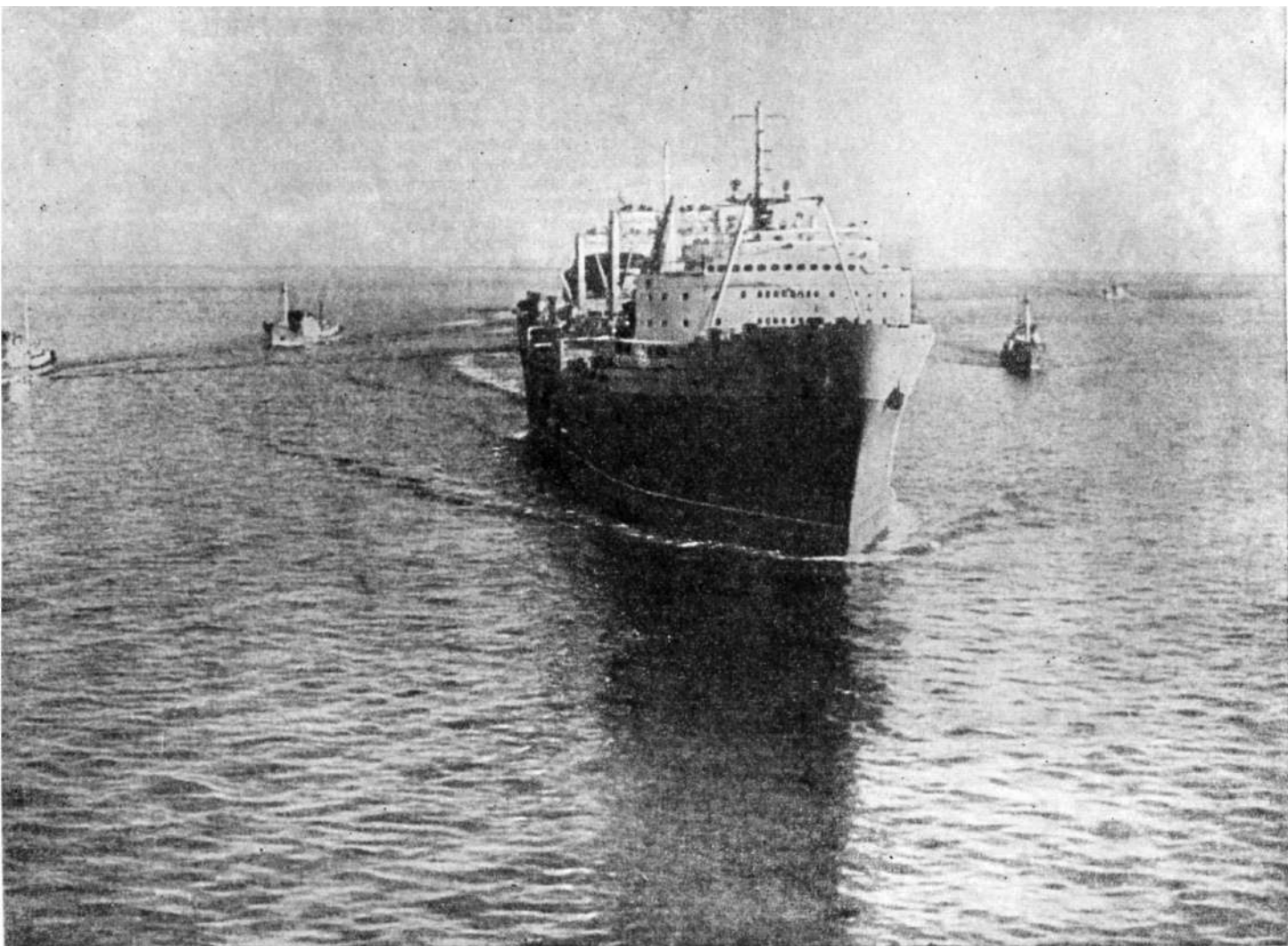
вниз. Пора — это значит, что сейчас выгодно искусственным способом вызвать лавину, еще не скопившую в себе силу, еще не успевшую стать угрожающей. От лавины в «легкой форме» беды не будет.

Ученые называют такой метод борьбы со снежным неприятелем «профилактическим сбрасыванием лавин». Обычно для того, чтобы вызвать сотрясение снежного пласта, используют взрывную силу мины.

В долине устанавливают миномет. Огонь!..

Снежный вихрь взвивается на горе. Лавина стремительно скользит вниз, клубится снежным туманом и... затихает у подножия склона.

Город может спать спокойно. Работники станции надежно оберегают его от грозной стихии.

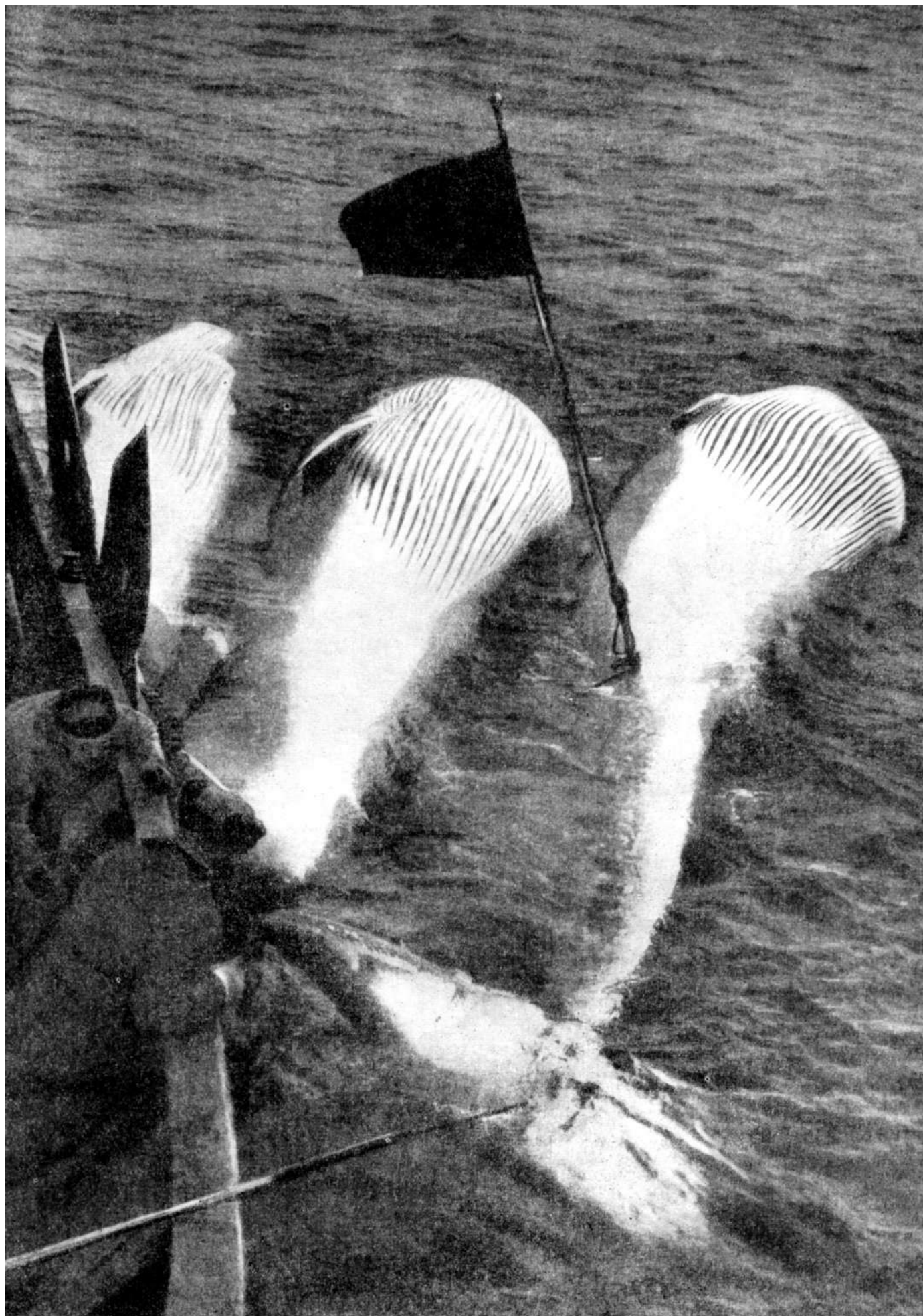
Семипетка возводит заводы и домны, строит города и открывает новые месторождения, прокладывает дороги и отправляет в плавание корабли.

В числе китобойных флотилий, промысляющих в водах Антарктики, находится флотилия «Советская Украина». В эту флотилию вошла китобаза и двадцать дизель-электрических судов, оборудованных для работы в студёных морях.

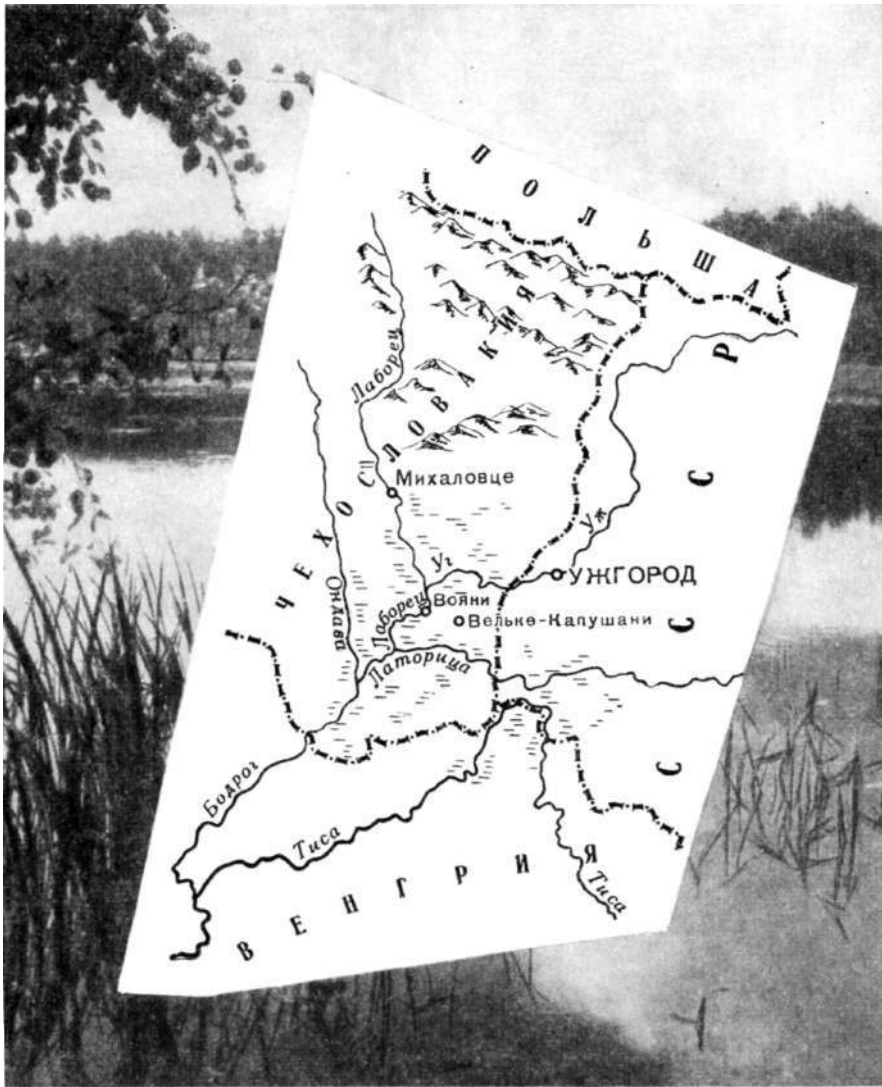
В сезон 1959—1960 годов флотилия «Советская Украина» добыла 4 тысячи китов и доставила около 50 тысяч тонн жира, мясной муки, китовой печени.

На снимках: 1. Флагман «Советская Украина». 2. Трофеи китобоев.

Фото Г. СОЛЯНИКА

КОНЕЦ ЛЕНИВОЙ РЕКИ

ИВАН КЛИМА,
чехословацкий писатель

ТЕЧЕТ-НЕ ТЕЧЕТ

Я шел к Вельке-Капушани. Холмы медленно отступали назад, а на горизонте в горячем мареве появлялись новые — отроги Токая. Вдоль дороги виднелись кустарники, их сменяли небольшие поля кукурузы, табака, пшеницы, перца, потом длинным поясом растительности заросли камыша. И начинались луга, бесконечные просторы лугов с низкой бурой травой.

Порой шоссе обегало пятно болот, потом оно ненадолго выскакивало на глинистую дамбу — равнину пересекала река. Вода — в ней много густого ила — катится лениво, почти незаметно.

Под самым берегом рыбак пристально следит за поплавком.

— Это река Уг? — спрашиваю я.
— Уг...
— Клюет?
— Иногда. Ленивая река.
— Здесь у вас тихо, как в саду. Даже вода не течет. Красиво.
Он смотрит на поплавок и молчит. Высокий и тонкий, как лоза, человек. На нем зеленая гимнастерка и выцветшая на солнце шляпа.

Вот он встает и говорит:
— Мольнар. Сторож. Приехали бы весной, когда она поднимается, — он указывает на реку. — Увидели бы, на что она способна. Стоите на насыпи и ждете. И люди ждут, и скот уже вывели. Тут приходит сообщение, что в Ужгороде река начала подниматься. Колокол среди ночи. Далекие гудки сирены, вереницы

людей тянутся к ближайшему холму...

Мы привыкли к тому, что реки текут ниже берегов. На Латорце большая вода идет на десять метров выше пастбищ, болот, полей. А Уг — приток Латорца.

Во время половодий, которые повторяются вместе с временами года, выходят из берегов Латорца и Тиса. Равнина, зажатая ими, превращается в озеро. Потом это озеро сливается с тем, что образовали Латорец и Уг.

Через несколько дней вода в реках спадает, и солнце кое-где вытягивает на поверхность «озер» серые островки болот. В их почве недостает воздуха, растения гибнут. Выживают только тростник да болотные водолюбы. В тысяче мест вода так и не сходит до следующего половодья.

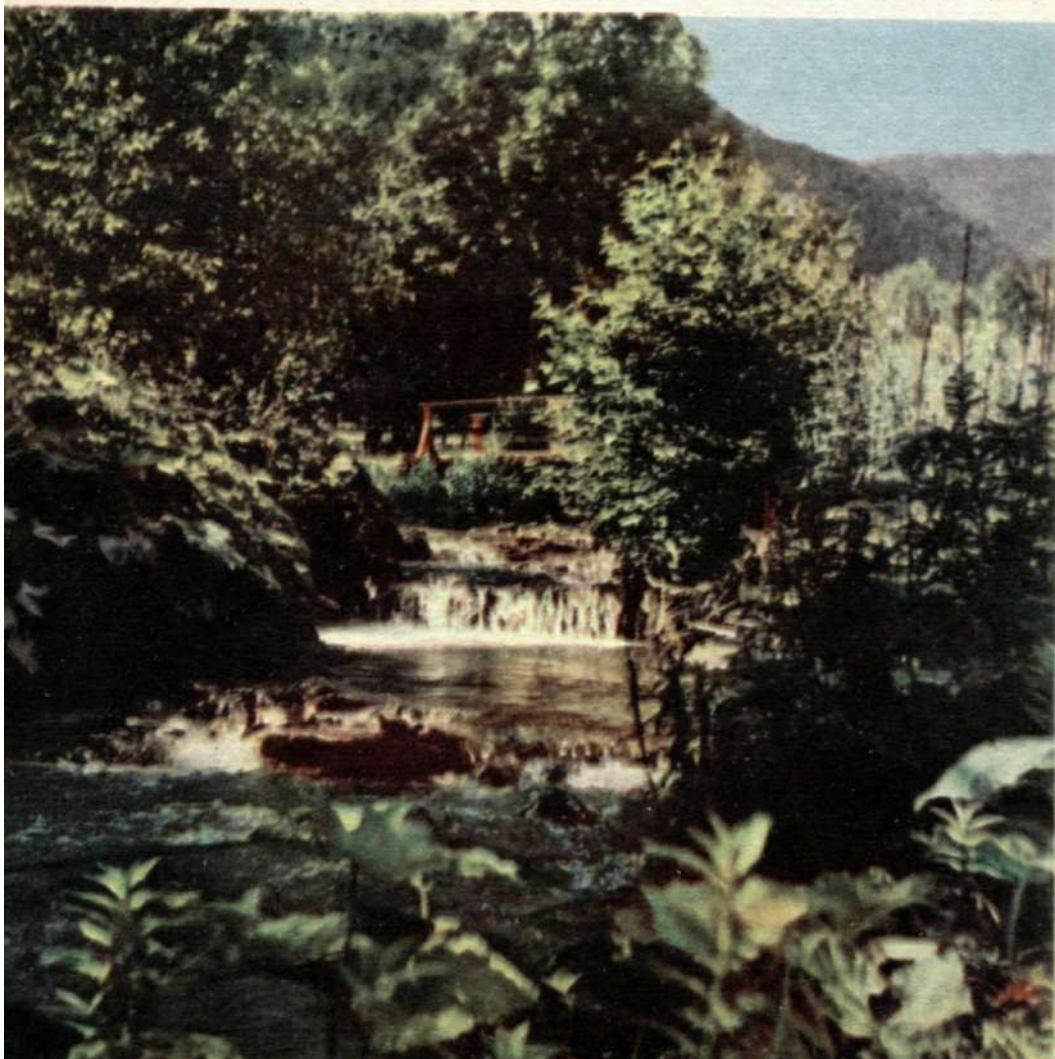
Над болотами день и ночь висят рои комаров. Недостает питьевой воды: болото затапливает колодцы.

На карте конца XVIII века на месте этого района было большое «белое пятно». Но здесь жили люди. Лет сто назад они знали лишь свой островок, слегка поднимающийся над окружающими болотами.

В начале прошлого века инженер Геца Ревви приехал в этот край, чтобы нанести его на карту. Люди разбежались, когда видели его лодку и геодезические инструменты. Они боялись его. Геца Ревви предложил провести целый ряд работ, которые должны были превратить болота в плодородные поля. Ничего, конечно, сделано не было.

РУЛЕТКА, ПЛОТИНА И АИСТЫ

Кончалась первая половина столетия. Европу лихорадило. Дух предпринимательства проникал всюду. В 1845 году граф Карел Андраши основал первое

акционерное общество по урегулированию Тисы¹. Через несколько лет подобные объединения возникли на Ондаве, Бодроге и Латорице.

Мадьярские графы хотели получать прибыли. Они проигрывали миллионы в карты, в кости, в рулетку, но вложить деньги в улучшение земли казалось им недостаточно выгодным. Велись бесконечные споры. Откуда вести строительство дамбы? Каждый считал, что начинать надо с улучшения его земли. Нет? Отказываюсь платить!

Прошли долгие годы, прежде чем были построены первые несколько километров дамбы.

Мелкие арендаторы и бедные крестьяне отработали бесплатно либо за жалкие крохи сотни тысяч смен. За сто лет им удалось осушить 22 тысячи гектаров земель в бассейне Ондавы и несколько тысяч гектаров в бассейнах других рек. На остальной территории ничего не изменилось: 120 тысяч гектаров ожидали спасения.

...Мы шли от моста по гребню дамбы. Глубоко внизу виднелась река — всего лишь канава с водой. Я все старался представить себе большую реку, которая могла бы перелиться через эти берега.

— В декабре прошлого года, — продолжал Мольнар, — здесь была очень высокая вода. Самая высокая с моей памяти — восемь с лишним метров. Это было ночью. Вода прибывала через каждые четверть часа.

За несколько месяцев до этого как раз перевели участок реки в новое русло. Там, у моста, оба русла сближаются, их отделяла друг от друга только тонкая, еще не устоявшаяся насыпь.

Было как раз мое дежурство. Я шел по гребню размокшей насыпи, а вода плескалась прямо у моих ног. Если дамба не выдержит, вода быстро пойдет в старое русло, перельется через его низкие берега и затопит все вокруг.

Тут я и услышал грохот. Шумела река, шумел дождь, ударяясь о воду, но я ясно услышал этот грохот. Как будто рушилось какое-то здание. «Снесло мост», — понял я.

Когда я подбежал к дамбе, поток воды бил с высоты в несколько метров. Вода падала в старое русло. Через десять минут насыпь размочит, и вода унесет ее остатки вниз по течению.

Побежал в деревню. «Бам! Бам! Бам!..» — зазвенел колокол. Лю-

1 В первой половине XVII века эти земли были превращены в австрийскую провинцию, а с 1867 по 1918 год входили в состав Австро-Венгрии.

2 Житный остров, Полабье, Гана — наиболее плодородные районы Чехословакии.

ди хватали мешки и убегали к насыпи. Набивали мешки глиной и бросали их в промоину. Река слизывала их бесследно. Было похоже, что мы пытаемся ладонями погасить вулкан.

Кто-то вспомнил про бульдозер, который вчера насыпал дамбу ниже по течению. Слава «железным рукам»! Они заткнули промоину. До сих пор еще видна рана в том месте, где брали землю.

...Мы вернулись к мосту. Потом перешли Уг и пошли по длинной ровной пыльной дороге. Низкая трава прижималась к земле, она была бурой от жары и ломалась. Над ней низко нависло небо.

— Здесь всюду бывает вода, — заметил мой спутник. — Куда ни посмотришь, везде вода, вода...

— Каждую осень и весну. Хуже всего было во время войны. Три года были дождливыми. Мы не смогли собрать ни копыны сена. Скот погибал. Хлеб пекли из отрубей и соломы. Мне тогда было лет пятнадцать.

Мы подошли к деревне. Здесь граф построил водный охотничий замок прямо среди лугов. С его стен свисают ненужные лестницы с железными кольцами, к которым привязывали лодки. Одна лодка до сих пор лежала под деревом, среди сада. Дно ее ушло глубоко в землю.

...Я возвращался домой огородами, потом по широкому расклеванному лугу. По длинным зеленым коврам расхаживали айсты. Иногда они взвивались в воздух — огромные, легкие, плавные. Целый час наблюдал я за их осторожной походкой, за их длинными ногами. Они, эти птицы, — символ непроходимых болот.

Я шел этой бесконечной пустынной равниной. Время от времени встречались дамбы, еще реже — селения. Лужа, Гнойне, Сенная, Болото, Большое Болото — даже названия здесь пропитаны водой.

Половину Восточной Словакии занимает Восточно-Словацкая низменность — одно из самых низких мест страны. Поля не могли прокормить даже тех, кто их обрабатывал. А ведь земли эти расположены так же удобно, как Житный остров, удобнее, чем Полабье и Гана. И здесь люди мечтали о картошке и овощной похлебке!

Что делать? Не может же человек отступить перед природой!

БОЛОТНЫЕ СТРАЖИ

Его здесь никто не называл по имени — «этот, высокий, инжениер», — но знали его здесь все.

Он положил в рюкзак теодолит, еду, белье и карту, натянул высокие сапоги, рукавицы и плащ. Мощник землемера взял топор, рейки, прихватил котелок и одеяло. Потом они ушли по течению Уга в лес. Это был заболоченный

низкорослый лес из ивняка, ольхи, тополей. Геодезисты ночевали там, где застала их темнота, в шалаше. К ночи на костер вышел пастух со стадом.

— Что вы здесь делаете? — спросил он.

— Смотрим, как рыть канаву, будем отводить воду в реку.

— Тут и собака не живет. Комаров много, — словно не слыша, бормотал старик.

— Да, — согласился инженер. — Комары. Но вот отведем воду, их не будет.

— Будет — не будет... — ответил пастух. — Сейчас-то есть. И всегда были.

Долго молчали.

— Зачем отводить воду? — спросил вдруг пастух.

— Здесь будут поля.

— Здесь никогда не будет полей. Здесь очень много воды.

Этот инженер рассказывал мне, как строили когда-то здесь плотину. Плотина была низкая — заяц мог перепрыгнуть ее. Так и называли — Заячья плотина.

Денег было очень мало. Ездили с тачками; лопатами медленно накидывали насыпь. Заячью насыпь. Строили только летом. А весной и осенью эту насыпь заливала вода.

— Если соберем сено, — говорили местные жители, таща тачки с глиной, — и то спасибо.

Осенняя вода уничтожала всю их летнюю работу.

Потом инженер измерял луга, болота и леса на правом берегу Латорицы. Готовился большой проект осушения равнины. Работал он вместе с женой. Однажды поздней осенью они заблудились в болотах. Шагали по пояс в воде. Потом вдруг вода дошла до горла. Жене пришлось плыть. Темнота спустилась на болото.

«Вот и конец», — устало подумал он.

Густая вода тихо плескалась вокруг них.

«Зачем все это было нужно? Почему я не уехал? Кому это нужно?» — билась мысль. Он любил свою работу. Он не мог ее предать. Предать людей, которые боялись своей земли потому, что не знали ее.

Когда, наконец, дошли до твердой земли, долго дрожали от холода.

— Мы сидели у огня, до смерти усталые. Мы пекли рыбешку на костре. Мы были одни.

АИСТ ПОКИДАЕТ БОЛОТО

Их было восемь — геодезисты, техники, геологи.

В Михаловце находился главный полевой штаб. Сюда возвращались утомленные, облепленные болотной тиной, но с новыми зарисовками и чертежами.

Весной 1955 года прибыли сюда и сотрудники Исследовательского института мелиорации. Око-

ло дороги, которая ведет от Кошице до Черны, они облюбовали десять гектаров неплодородных, иловатых и размываемых паводками пастбищ с кислой травой.

И сразу стали объектом для шуток всего района: на таком месте и вырастить-то ничего не удастся, не то чтобы «исследовать».

Но мелиораторы решили доказать, что этой земле можно вернуть ее силу. Осушили почву, засеяли луга смесью кормовых трав и начали рыть узкие каналы для орошения.

Люди из окрестных деревень ничего не понимали. Землю нуж-

но осушить — это понятно, этим они все время занимались на своих полях. Но чтобы по одной канаве отводить воду, а по другой подавать новую?!

Недоверие улетучилось, когда на опытном участке собрали урожай.

Ячменя получили почти в два раза больше, чем раньше. Сахарной свеклы прежде собирали по 120 центнеров, а здесь, на «промытой» земле, получили по 650!

Никто, даже сами мелиораторы не ожидали таких результатов.

Вот так оно и было. Земля задышалась под слоем болотных вод, а в летние дни сохла, страдала от жажды, растрескивалась.

Ей нужно было вернуть дыхание и влагу. И тогда она изменилась, как в сказке, многократно отплатила за людскую заботу.

Сто лет исполнилось Ондавскому товариществу — единственному объединению, которому удалось закончить урегулирование участка реки, — прежде чем были построены 178 километров насыпей и 200 километров водосток. Не было денег, силы людей были слишком распылены.

Но вот в 1959 году здесь завершилась коллективизация. В этом же году Центральный Комитет Коммунистической партии и правительство республики одобрили проект преобразования Восточно-Словацкой низменности.

На строительство, которое продлится около пяти лет, отпущен миллиард крон.

Рисунок Г. ХРАПАКА

И вот снова наступило лето. Земля пылала жаром, на полях поднимались высокие стволы кукурузы, свешивал свои усталые листья табак. На дороге раскаленная пыль обжигала ноги. Над желто-серыми лугами плыли аисты...

А плакаты призывали: «Идите перестраивать Восточно-Словацкую низменность!»

Вечером я стоял под деревянным местом на берегу Уга. Его уже перекрывают. Я не увижу бесконечное озеро, когда приеду сюда весной, в конце марта. Я стоял на берегу до тех пор, пока не начало темнеть. Откуда-то прилетел аист и бродил здесь на своих высоких ногах. Потом поднялся и полетел: наверное, он искал новое место жительства.

Перевод с чешского Э. БЕИЛИНОЙ

ФОТОКОНКУРС

ВОКРУГ СВЕТА

В Карелии немало памятников древнего зодчества. Лучший среди них — Кижский собор. Это уникальное сооружение возведено русскими умельцами в начале XVIII века на одном из островов Заонежского архипелага. Построили собор в честь победы над шведами в Северной войне.

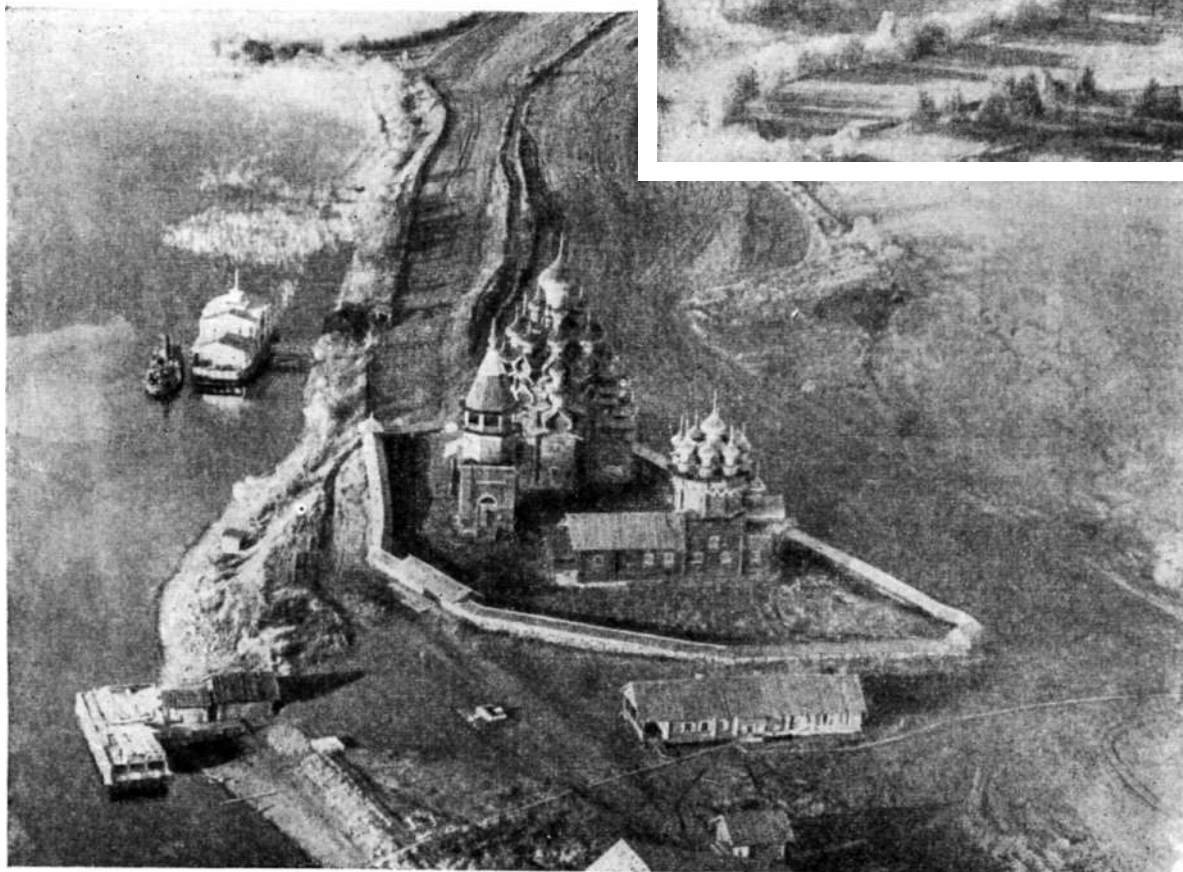
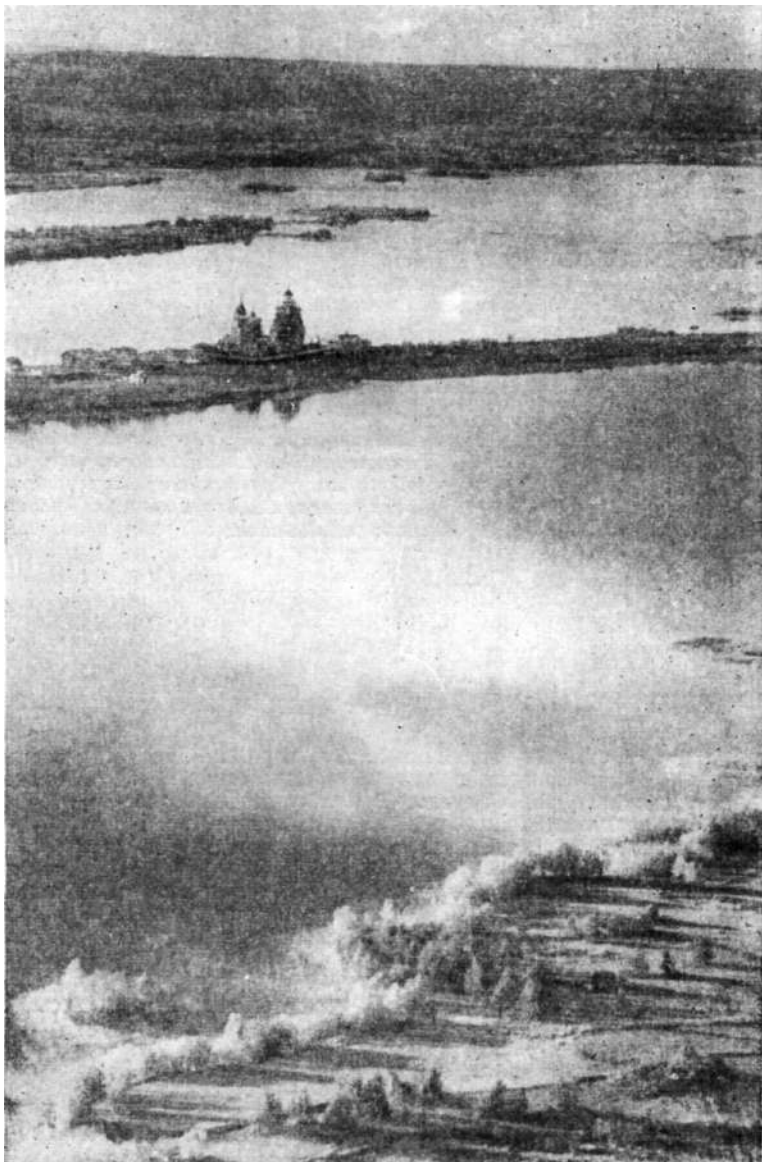
Огромные срубы украшены кружевной резьбой по дереву. Эта тонкая работа была сделана топором и долотом. Но поражает другое: при строительстве собора мастера совсем не пользовались гвоздями.

В Карелии рассказывают легенду о том, что, закончив работу, строитель бросил топор в Онежское озеро со словами: «Церковь эту поставил мастер Нестор. Не было, нет и не будет такой».

После Октябрьской революции Кижский собор охраняется как памятник архитектуры. Его реставрировали, и здание приняло свой первоначальный вид.

По соседству создается архитектурный заповедник. Сюда будут перенесены многие памятники деревянного зодчества Карелии. Уже сейчас этот замечательный уголок стал Меккой для любителей старинной архитектуры. Здесь бывают туристы со всех концов нашей Родины и много гостей из-за рубежа.

Фото и текст С. МАЙСТЕРМАНА

Колумбы Аральского моря

Ю. ДАВЫДОВ

Век минул, как умер Тарас Григорьевич Шевченко. Незабвенно имя великого украинского поэта-свободолюбца. Все, что связано с его недолгой и трудной жизнью, глубоко интересует наших современников.

Этот очерк, иллюстрированный репродукциями с рисунков и акварелей Т. Г. Шевченко, рассказывает об участии поэта в первой экспедиции на Аральское море.

Кампания заканчивалась, корабли возвращались в гавань. Воротилась и шхуна «Радуга». Все лето ходила она в Ботническом и Финском заливах, а теперь, осенним днем 1847 года, отдала якорь у стен Кронштадта.

Командир шхуны лейтенант Бутаков ходил в море с отрочества, побывал в «кругосветке», слыл дельным, опытным офицером. Однако у высших чинов Адмиралтейства был он на плохом счету. Лейтенант, видите ли, посмел обвинить в казнокрадстве капитана Юнкера, одного из любимцев главы морского ведомства, светлейшего князя Меншикова. Больше того, офицер императорского флота, он вел знакомство с петербургскими журналистами, и Белинский называл бутаковские сочинения замечательными учено-беллетристическими статьями. Нет уж, помилуйте, решили в Адмиралтействе, такому нечего рассчитывать на карьере.

Над Алексеем Бутаковым тяготела опала. Отрадой ему были лишь плавания, книги да беседы со стариком адмиралом.

Алексея запросто принимали в доме знаменитого морехода, и адмирал Беллингаузен надолго задерживался с лейтенантом в кабинете. Чаше всего беседовали адмирал с лейтенантом о некоем далеком море. Карт этого моря не существовало. Сведения о нем, сочившиеся из сумрака веков, были путанные, сбивчивые. «А в Синем море вода солоная», — сообщалось в старинной русской книге.

Мечтой об экспедиции к «Синему морю» жил

опальный лейтенант. А старик адмирал хлопотал. Его грузные шаги слышались в высоких покоях военного министерства, в гулких коридорах Адмиралтейства.

2

Караван, снаряженный в Оренбурге, тащится на юг. В бурой пыли задыхается солнце. Скрипят телеги, отфыркиваются кони. Верблюды, будто подчиняясь какому-то древнему ритму, плывут покачиваясь.

Бутаков придерживает буланого конька. Скрип тележный нарастает... А-а, вот и они, его балтийцы, шагают подле телег с имуществом экспедиции. Жарко. Пить хочется. Ничего, ребята, держитесь, не посрамите 45-й флотский экипаж! Молодцы, никто не отстал, все восемнадцать матросов его, бутаковской, команды.

Впрочем, нет, это не вся команда. Во-он еще двое шагают поодаль. Тех двоих едва вызволил Бутаков у командира Оренбургского корпуса. Не так-то просто было уговорить генерала командировать в экспедицию двух государственных преступников, определенных солдатами в линейные батальоны. Но Бутаков просил неотступно. Вот они и шагают теперь под мутным солнцем по сожженной, жухлой степи — минералог экспедиции польский революционер Томаш Вернер и художник Тарас Шевченко. Оба они, поляк и украинец, сыты солдатской каторгой, сыты по горло...

Но теперь с каждой верстой все дальше от них острожная тоска казармы, офицеры, одуревшие от сивухи.

Солнце садилось, караван тащился все медленнее.

Лунная ночь на Кос-Арале. (Акварель.) 1848 г.

Но вот, наконец, долгожданный привал. Можно перевести дух и всласть покурить, глядя, как меркнет небо, а степь становится сиреневой. И рядовой линейного номера пятого батальона Тарас Шевченко курит, глядит на степные звезды, на сиреневую степь.

Пошел второй год, как знаменитый поэт и живописец был арестован жандармами за сочинение «возмутительных стихов» и «крамольные воззрения». Второй год был он подъяремным солдатом. И вдруг подвернулся славный человек — лейте-

На палубе шхуны. (Карандаш.)
1848—1849 гг.

нант Алексей Иванович Бутаков. Славный, хоть с виду обыкновеннейший «их благородие». Вызволил-таки из казармы, определил живописцем в научную экспедицию. А ведь это вопреки «августейшему» запрету рисовать и писать рядовому Шевченко. И, отправляясь в дальнюю дорогу, Тарас Григорьевич сообщил в письме к другу: «Я теперь веселый иду на это никудышное море Аральское...»

Луна поднималась выше, луна разгоралась ярче, а бивачные костры гасли, и розоватые дымки истаивали над кострами.

3

Рубеж был резкий, хорошо различимый. Полоса воды, зеленовато-мутной, тяжелой; полоса пены, пузырьчатой, грязно-белой; а дальше уж катилась невысокими легкими волнами прозрачная синь. И, увидев это трехцветье, все на шхуне «Константин» поняли: Сыр-Дарья кончилась, начался Арал.

Шхуна, построенная балтийцами в Оренбурге, перевезенная в разобранном виде через степь и пустыню в русское укрепление на Сыр-Дарье, там собранная и спущенная на воду, шхуна «Константин» шла в неведомое. Так в июле 1848 года исполнилась мечта Бутакова, и первая научная экспедиция на Аральском море приступила к той трудной, подчас монотонной работе, без которой не составишь карт, не промеришь глубин, не изучишь берегов.

Арал не хочет славаться. Арал обрушивает на шхуну штормовые ветры, срывает шхуну с якорей, валит с борта на борт. А тут еще напасти: пор-

тится от жары провизия, иссыкает пресная вода. И все-таки: врешь, Арал, не повернуть тебе экспедицию вспять! Не такие штормы выдвывали балтийцы.

Харч и вода? Поглядите-ка на лейтенанта Бутакова: соскребает ножиком плесень с сухарей, счищает червей с солонины да и уписывает за обе щеки, запивает тухлой водичей. Не-ет, с таким не пропадешь!.. Миля за милей, пронзая бугшпритом то солнечный луч, то звездный, идет парусник на юг.

В сентябре прямо по курсу показались неведомые миру земли. Остров, еще один... Третий! Пусть неказисты эти клочки суши — песок, камень, камыш, — но бутаковцы первыми из всех людей на свете увидели и этот зыбучий песок, и эти нагретые солнцем камни, и эти прозрачные бухты, где ходит важный сайзан, юлит плотва, пошевеливает плавниками окунь.

Счастливые

сентябрьские дни: на

единственной пока карте Арала возникают острова Николая, Наследника, Константина¹. Праздник на шхуне, все поздравляют друг друга, и лейтенант Бутаков глядит именинником.

Однако все злее задувает моряна; Пора спешить на зимовку

Все окрест забелили снега: островок Кос-Арал, что в устье Сыр-Дарьи, форт на островке, где обитают, цинготные солдатики. Там разместились на зиму экспедиция.

И Шевченко тоже зимует на островке. Все лето провел он в море, терпел голод и жажду, сносил штормы, радовался открытиям. И рисовал. Рисовал упоенно, без усталости. Не потому только, что так хорошо было вновь предаться любимому делу, но и потому ещё, что море Аральское на поверку оказалось не совсем уж «никудышным». Шевченко увидел там «много оригинального, еще нигде не виданного».

А нынче ветер железной метлой шаркает по крышам, нынче выюжило, рвало в клочья дым над камышовыми кровлями. Холодная, бурная выдалась зима. Но для Шевченко она как болдинская осень для Пушкина: стихи так и льются! Никогда еще, ни в одну зиму не писал Тарас Григорьевич столь много.

На островке, забытом богом, рождается цикл шевченковских стихов, тех самых, что составили впоследствии знаменитую поэму «Цари». И рождаются песни, словно не им, не Шевченко, написанные, но излившиеся из сердца народного. И рождаются строки глубокой, тончайшей лирики.

Видения прошлого слетаются на Кос-Арал, теснятся в мыслях, тревожат бородатого человека, похожего не то на мужика-пахаря, не то на Леонардо да Винчи: пышные деревья в имении Мосевка, и днепровские отмели, и полтавские буйные сады, и дремотные левады с мальвами и подсолнухами около хат...

А рядом со стихами — аральские акварели. Они исполнены в гамме лилово-красной, оранжево-золотистой, серо-синей. Они то суровы, то меланхоличны, но всегда искренни, проникновенны.

Не одни аральские пейзажи влекут Тараса Григорьевича. Зимую на Кос-Арале, он тщательно,

¹ На современных картах первые два острова называются Возрождения и Комсомольский.

терпеливо, любовно рисует казахов. Он питает к ним, забитым беднякам-кочевникам, искреннюю симпатию, неподдельное сострадание. Впрочем, не только он, но и поляк Томаш Вернер, и русский фельдшер Истомин, который даром лечит больных казахов, и матросы бутаковской экспедиции, которые кормят и принаряжают местных ребятишек...

Текут сизые зимние дни. Штурман Поспелов вычерчивает карты. Вернер сортирует, обрабатывает геологические и ботанические коллекции. Бутаков углубился в экспедиционные отчеты.

Вон он, Алексей-то Иванович, согнулся над сголом. Шевченко поглядывает на него с ласковой улыбкой. Еще летом, на шхуне, когда жили в одной каюте, убедился Тарас Григорьевич, что не обманулся он в этом человеке.

Жизнь научила Шевченко не доверять людям с эполетами на плечах. Он держался с «их благородиями» подчеркнута отчужденно. Но Бутаков... О, этот был выше ординара, куда выше!.. Конечно, лейтенант не революционная добр, но отзвучив, по-настоящему благороден. Крепко пришелся он по душе Шевченко. Вот почему, когда спустя некоторое время пришлось им расстаться, Тарас Григорьевич написал своей давней приятельнице: «Проживая в Одессе, быть может, встретитесь с Алексеем Ивановичем Бутаковым; это флотский офицер и иногда бывает в Одессе, у него в Николаеве родственники и родные; мой друг, товарищ и командир при описи Аральского моря... Благодарите его за его доброе, братское со мною обращение...»

Но расстались они позже. А покамест вместе зимовали на печальном островке в устье Сыр-Дарьи. Долгой была зима, но и ей был положен предел. Грянула весна, взломала и растопила льды. Весенняя моряна тронула снасти парусника, и снасти ответили ей голосом Странствий — древним, как море, молодым, как море. Экспедицию ждали новые плавания по Аралу.

5

Московский дилижанс прибыл во Владимир вечером, и пассажиры, утомленные распутицей, ввалились в станционное здание.

Дожидаясь подставы, они примостились кто где — на лавках, на стульях. Один из приезжих — плотный, смуглый и усатый моряк — уселся в продавленное кресло и, прикрыв глаза ладонью, не то задремал. не то задумался.

Не прошло и получаса, как на станционный двор вкатился, разбрызгивая грязь, другой дилижанс — нижегородский. Из него тоже выбрались пассажиры, кланя, как и москвичи, весеннюю распутицу, раскисшие дороги.

Среди пассажиров нижегородского дилижанса был человек, одетый бедно, с лицом усталым, с той особенной, тяжелой, неспешной походкой, какая бывает у старых, много натерпевшихся солдат или у каторжников, долго тянувших невольничью лямку. Человек этот тотчас заметил моряка, сидевшего в кресле подле столика, всмотрелся

в него со смешанным выражением сомнения, радости, удивления. Наконец он шагнул к моряку, произнес негромко:

— Алексей Иванович, вы ли это?

Капитан отнял ладонь от глаз. И вдруг поднялся так стремительно, что пружины в кресле охнули, зазвенели медным звоном.

— Батенька мой! Вот сюрприз!..

И они обнялись.

Девять лет минуло с той поры, как после окончания описи Аральского моря разошлись пути Шевченко и Бутакова. Девять лет минуло...

Для Шевченко то были годы каторжной солдатчины. Не посчитался царь Николай с трудами создателя первых в мире великолепных изображений Арала, усмотрел в них лишь дерзостное нарушение его, государя, высочайшей воли, и угнали Шевченко в еще горшую ссылку — в прикаспийские пески.

Да и Бутакова не очень-то жаловали в «сферах». Правда, ученые оценили его подвижничество. Гумбольдт назвал его исследования «истинными открытиями в географии». Но вот савновное начальство по-прежнему смотрело на него с неприязнью.

Многое хотелось сказать друг другу в тот мартовский вечер 1858 года. Они понимали, однако, что не успеют поговорить толком, и торопились, и перебивали один другого.

Узнал Бутаков, что Тарас Григорьевич возвращается из ссылки, спешит в Петербург. А Шевченко узнал, что Алексей Иванович, как и встарь, всеми помыслами на Арале, — вот ездил в столицу хлопотать об учреждении пароходства.

— Экий вы! — улыбнулся Шевченко. — Все Арал да Арал. Полюбился сатана лучше ясна сокола?

— Полюбился, Тарас Григорьевич ей-богу, полюбился. Хорошо там, на водах бурливых.

И он с воодушевлением заговорил об освоении «Синего моря». А Шевченко слушал, потирал ладонями колени, и морщинистое, выдубленное каспийским солнцем лицо его было задумчиво.

Пароходы... Машины... Они представлялись Шевченко новой могучей силой, которая в будущем «поглотит помещиков-инквизиторов», «пожрет кнуты, престолы и короны». Но все это были, пожалуй, слишком сложные и слишком чуждые для Бутакова мысли-озарения, да и времени не оставалось высказывать их.

Вот уже поменяли лошадей, пассажиры поднимаются, запахивают пальто. Пора. Обнялись очень дружески и немного ГРУСТНО, словно предчувствуя, что уж больше не свидятся. Шевченко ждет Питер, Бутакова — «воды бурливые».

6

И не свиделись больше.

Три года спустя Бутаков узнал о смерти великого поэта. Шевченко умер в Петербурге. На дворе был мартовский день с веселой капелью, с вечерними заморозками. Такой же был мартовский день, как тогда, во Владимире, когда они невзначай повстречались на почтовой станции.

Голова,
Форт Кара-Бутаков. (Аquatинь.)
1848 г.

РИМ, АССИЗИ, БОЛОНЬЯ, ВЕНЕЦИЯ

Знакомство с вечным городом началось с необычного маршрута, не предусмотренного ни в одном путеводителе... Фирма «Ламбретти» предоставила в распоряжение журналистов маленький голубой вертолет собственного производства.

Вертолет «прыгнул» вверх со своей крошечной площадки и сделал несколько кругов над Римом. Это было незабываемое зрелище — перед нами раскрылась гигантская циркорамма. Проплыли все семь римских холмов, на одном из которых — Капитолийском — в стальной клетке беспокойно мечется серая волчица: праправнучка той, знаменитой, что, вскормив Ромуле и Рема, дала жизнь итальянской столице.

Торопливо защелкали затворы фотоаппаратов, фиксируя в необычном ракурсе треснувшую раковину седого Колизея. Тень нашей «стрекозы» упала на древнюю Аппиеву дорогу, вымощенную грубым, похожим на черепаший панцирь булыжником...

Италию недаром называют классической страной туризма. Привлекаемые памятниками древности, музеями, пышной южной природой, стекаются сюда туристы со всех концов земного шара. К их услугам тщательно разработанные туристскими фирмами маршруты, следуя которым под руководством эрудированных гидов туристы знакомятся с Италией, Римом.

Но такой метод знакомства так же поверхностен, как и взгляд из кабины вертолета, когда все сверху кажется прекрасным, романтическим...

Вот почему, насладившись римской циркораммой, мы решили в буквальном смысле приземлиться: пройти пешком по Риму — городу скромных тружеников.

Ранним утром, когда Рим туристский еще спит, Рим трудовой уже на ногах. Мраморные фонтаны еще не «одеты» в серебро струй, а уборщики уже бесцеремонно размахивают метелками перед статуями античных героев. Течет в подземку серый поток рабочих.

К бензоколонкам подбегают за «завтраком»

ки римской толпы, и лишь темные пятна католических сутан нарушают их яркую гармонию. Черные и коричневые фигуры, подвязанные узловатыми веревками... Это иезуиты, доминиканцы, францисканцы. Мужчины в черных шляпах или с непокрытыми головами, с выбритыми макушками — тонзурами, женщины в крахмальных чепцах всех фасонов, серьезные, сосредоточенные. Монахинь не увидишь улыбающимися.

автомобили, чтобы, глотнув порцию бензина, мчаться дальше. Колонок много. Одни экипированы в двухцветную форму американского концерна «ESSO», другие украшены желтой раковиной англо-голландской компании «Шелл». А не так давно на римских улицах появилась эмблема отечественной итальянской фирмы — черная огнедышащая собака о шести ногах. Но, несмотря на свой грозный вид, этот черный пес пока всего-навсего щенок, едва успевающий «огрызаться» на своих могучих заокеанских конкурентов.

Все оживленной становится на улицах. Пестры крас-

РИМ

Изоочерк А. БИЛЛЬ

Площадь у аэропорта. Здесь туристы впервые вступают на землю итальянской столицы.

На Капитолийском холме.

Она стучала сапожными молотками, жужжала точильными станками, красила, паяла. Мы остановились возле точильщика, окутанного снопом искр. Марио Стассио с бешеной скоростью крутил педали своего ржавого велосипеда, к которому был приспособлен точильный круг.

Высокий, худой, в старой майке, будто пробитой дробинами на спине, в сандалиях на веревочной подошве, Марио, подобно кудеснику, погасил свой фейерверк, увидев новых клиентов.

У старых и молодых гладкие, без морщин, лица с желтовато-бледной кожей. Наверное, как раз такие называются «постными»...

Эта постность, правда, отнюдь не означает, что все мирское им чуждо. Сохраняя безжизненное выражение лица, монашка-шофер может лихо гнать свой «фиат» в водовороте уличного потока или, откинув рясю, мчаться на мотороллере. Обладателя черной сутаны, деловито размахивающего тугим бухгалтерским портфелем, встретишь у дверей здания со странным названием — «Банк святого духа» (хорош святой дух в образе засаленных кредиток!).

От непроницаемой каменной Ватиканской стены, в районе которой черных сутан особенно много, мы свернули к набережной Тибра. И буквально через два квартала мы оказались на Виа дей Ториони, улочке, зажатой между домами. Ширина ее определялась точно — в четыре простыни, которые висели на шестах, перекинутых от дома к дому.

На дне щели темно и сыро. Наверное, поэтому ребяташки, игравшие на мостовой, казались бледными, совсем не похожими на южан. Для них улица до того дня, когда они на год-другой пойдут в школу, служит и яслями, и детсадом, и стадионом. Многие из них только тогда, когда вырастут и попадут «в люди», узнают город, в котором живут.

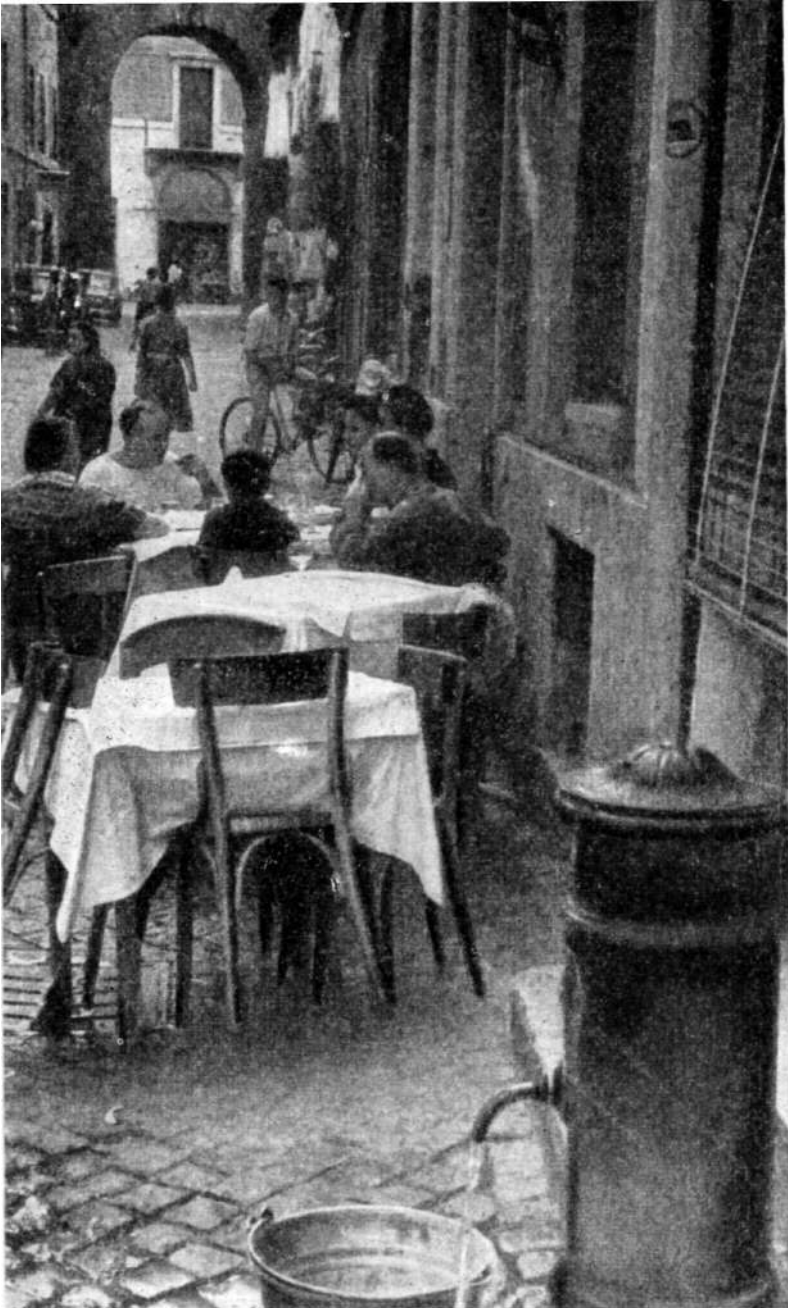
Виа дей Ториони оказалась улицей-«мастеровым».

На одной из улиц неподалеку от фонтана Треви.

В древнем Риме Форум был центром экономической и политической жизни. Теперь это памятник старины и место прогулок.

Пришлось разуверить старика: нет, мы не клиенты, мы советские журналисты. Из соседней распахнутой двери, украшенной сапожными колдовками, выглянул черноглазый мальчишка:
— Журналиста? Москва!

В глазах мальчишки светился неподдельный восторг. Он на мгновение скрылся и снова появился в дверях вместе со своим хозяином в клеенчатом фартуке. Хлопнула ставня — из окна высунулась женщина. Паренек-разносчик снял с плеча и поставил на мостовую огромную корзину с хлебом. Подходили все новые и новые собеседники.

АССИЗИ

Снова черные сутаны. У этих монашек из Ассизи такое же «постное» выражение лица, как и у римских служительниц культа.

Улица в центре города.

— Дедушка Джузеппе, — представился добродушный толстяк в очках, завязанных черной ниткой, — велосипедный мастер.

Он пригласил нас в свою полутемную каморку-мастерскую. Под потолком на шесте болтались старые камеры и велосипедные колеса, у стенки стоял трехколесный детский велосипед. Он был, наверное, немного моложе дедушки Джузеппе и, видно, служил не одному поколению маленьких жителей Виа дей Ториони.

Время близилось к обеду, и обитатели улицы со стуком опускали железные жалюзи. Некоторые располагались прямо на пороге своих мастерских. Обед прост — дешевое вино в плетеной бутылке, длинные, словно огурцы, помидоры, хлеб. Мясо?

— О-о, — пропела, качая головой, черноволосая полная хозяйка траттории, куда мы зашли пообедать. — Хороший кусок стоит тысячу лир. Если человек зарабатывает в месяц сорок тысяч, а у него трое детей, не часто будешь бегать в мясную лавку. Разве на праздник.

После приветливой, какой-то домашней Виа дей Ториони площадь перед вокзалом Термини, залитая солнцем, шумная, суетливая, показалась нам гигантским муравейником. Лавки, лавчонки, уличные кафе, посредине — скверик. Среди пыльных палм бродят тощие кошки — не две-три, а целые стаи. Оказывается, не только легендарные гуси, но и кошки почитаются в Риме за неоценимые услуги, оказанные городу. Когда-то, утверждает предание, они спасли Рим

от нашествия крыс, и теперь городской муниципалитет взял их на довольствие.

Среди множества автобусов на площади мы с трудом нашли тот, который отвез нас на окраину города.

Это необычная новенькая, с иголки, окраина — район ЭУР (заглавные буквы названия Всемирной римской выставки — Эспозиционе Универсале Рома, — которую предполагали здесь разместить, но помешала война).

Первое впечатление от ЭУРа — ощущение какой-то нереальности, будто мы очутились в центре гигантского макета города будущего. Стекло, бетон, пластики. Все здания полны воздуха, света, простора и... пусты. Да, чудесные дома, воздвигнутые по последнему слову архитектуры, кажутся безжизненными, и не только потому, что вокруг лишь асфальт — ни деревьев, ни цветников, — они действительно почти необитаемы.

Объясняется это просто. Жить в районе ЭУР удобно, модно и... баснословно дорого. Об этом рассказали нам петом строители одного из домов, выраставшего на пустыре, за которым виднелось кукурузное поле.

Скрипела лебедка, столбом стояла цементная пыль... Узнав, что мы из Москвы, с высоты пятиэтажных перекрытий, из заваленного мусором котлована к нам заспешили рабочие. Один из них, высокий, молодой Антонио Джирабасси, широким энергичным жестом руки обвел плотный кружок.

— Тутти, тутти коммунисти!

И заулыбались загорелые лица, напудренные цементной пылью, согласно закивали головы в бумажных колпаках, которыми защищаются от солнца, наверное, все строители на свете.

— Да, да, все — коммунисти!

Антонио представил нам своих друзей.

Это они летом прошлого года были в первых рядах демонстрантов, которые вышли на римские улицы, чтобы выразить свой протест против фашистского произвола. И победили, не отступив перед полицейскими пулями. А в ноябре Антонио и его друзья одержали новую победу: на выборах в римский муниципалитет каждый четвертый отдал свой голос за партию коммунистов — их партию.

Мы сфотографировали всех, и Антонио попросил прислать снимки. Он взял блокнот и написал свой адрес: Рим, Виа Боссеа... Где это?

— О, это место совсем не похоже на то, что вы видите здесь, — иронически улыбнулся наш собеседник.

БОЛОНЬЯ

Крыши, крыши, крыши..

Продавец сувениров.

ВЕНЕЦИЯ

Вот уже много лет стоит эта тренога на площади Святого Марка. И каждый турист считает своим «долгом» сфотографироваться вместе с венецианскими голубями.

Посетители и служитель музея.

Квартиры в ультрасовременных домах стоят семьдесят-восемьдесят тысяч лир в месяц—вдвое больше, чем зарабатывают такие, как Антонио. Да, здесь люди совсем не радуются, когда бульдозер одним махом сметает их жалкие каморки, расчищая место для строительной площадки. Конечно, каморка из жести и досок—это плохо. Но что делать, если приличное жилье не по карману! Правда, в Риме строят так называемые народные дома, где квартиры несколько дешевле. Но сдают их только правоверным католикам, неверующему, тем более коммунисту, тут не поселиться вовек.

К концу путешествия по Италии наши чемоданы распухли от всевозможных рекламных проспектов туристских фирм. С глянцевых обложек на нас смотрела яркая, цветастая Италия. Среди этих фотографий не было ни одной, где бы мы увидели своих римских знакомых: ребятишек с улицы-щели, рабочих-строителей, уличных продавцов. А ведь как раз без них нельзя представить себе живого Рима—не туристского, а такого, как он есть.

Н. КОЛЕСНИКОВА, П. МИХАЛЕВ. Фото И. ГРИЧЕРА

Мадонна не слышит мольбы этой девушки.

Канал.

ОКНО В БУДУЩЕЕ

Однажды на улицах Иркутска молодой сибирский поэт читал мне свои стихи. Больше других мне понравилось стихотворение со сказочным образом: возвращались весной с юга лебеди и заметили в тайге новый город. Показалось им с высоты, что там, внизу, на земле, отдыхает другая лебяжья стая: здания были светлыми — и еще в прошлом году ничего подобного здесь не видели.

Я снова вспомнил об этих стихах, когда познакомился с книгой очерков «Города, которых не было на карте» (изд-во «Советская Россия», 1960).

Коллектив авторов рассказывает в ней о городах, появившихся за очень недолгое время — поистине от одного птичьего перелета до другого.

Третьеклассник Витя из очерка К. Лапина «На Волге у Жигулей» в домашнем сочинении пишет: «Я родился в городе Комсомольске на берегу Куйбышевского моря». Учителница спрашивает у класса, какую Витя сделал ошибку. Никто из ребят не может правильно ответить на ее вопрос.

Витина ошибка всего-навсего в том, что он родился тогда, когда ни города Комсомольска-на-Волге, ни Куйбышевского моря еще не существовало. Ошибка вполне объяснимая!

Люди постарше, строители, и те нередко удивляются делу рук своих — так быстро поднимаются новые города и до неузнаваемости преобразуются старые!

В очерке «Ворота в океан», открывающем сборник, рассказывается об истории бухты Находка. Сто с лишним лет назад бухту открыли русские мореплаватели. А за последние годы там, где раньше был только небольшой поселок, вырос прекрасный город-порт, город моряков и строителей, с клубами, стадионами, библиотеками. Неповторимое

лицо у Находки! Беспокойные ветры Тихого океана дышат на ее улицах, океанские волны затихают у гостеприимных ее причалов!

Не менее своеобразен и чудесен Ангарск — город стройных магистралей, уходящих в тайгу, город-политехник, как его называют в книге, и город молодости, город будущего, как зовут его в Сибири.

РУКУ, АМЕРИКАНЕЦ!

Урод в полтора человеческих роста, в чалме и красных шароварах зазывал в паноптикум смотреть двуголового тельца и орудия средневековых пыток».

Где это происходит? Когда?

Век — XX, страна — США. И рядом с местом действия, «с гостиницы «Астор» свисает необъятное полотнище национального флага».

Так встречается Бродвей любого туриста, также он встретил и двух советских путешественников: доктора медицинских наук З. В. Косенко и известного писателя Н. Н. Михайлова¹. Об этом путешествии они рассказали в книге «Американцы».

Авторов интересует многое. Памятники истории и абстрактное искусство. Промышленник-делец и начинающий врач. Ниагарский водопад и оранжевые домы Чикаго. Международная обстановка и заботы домохозяйки. Голубые горы Аппалачи и рассуждения об экономике случайного попутчика — инженера.

Диапазон интересов авторов необычайно широк, а желание увидеть сочетается с умением видеть. Отступления же, в которых авторы осмысливают происходящее, создают, как свет в живописи, ощущение глубины, выделяют первый план. Некоторые из них — например, о Кубе — так хороши, что воспринимаются как самостоятельные новеллы.

Перед нами счастливый творческий синтез. Как киносъемки из двух аппаратов дают стереоскопическое изображение, так и композиция книги, построенная по принципу перемежающихся глав, — дневник Косенко и новеллы Михайлова — позволяет лучше увидеть и понять Америку.

¹ Н. Н. Михайлов, З. В. Косенко, Американцы. Путевая повесть. Изд-во «Советский писатель». Москва, 1960.

А Братск? Разве это не город молодости? Разве с высоких берегов Ангары, где раскинулись кварталы нового Братска, не разносятся по стране почти ежедневно вести о подвигах гидростроителей во имя будущего?

О Рубцовске и Качканаре, Губкине и Дубне и других городах науки, промышленности и гидростроения также рассказывается в этой книге.

В целом же книга эта как бы окно, открытое в наш сегодняшний день и в наше будущее, в котором воля и труд людей коммунистического общества преобразуют и украшают землю.

Г. ФЛОРОВ

Замечательные рисунки Виталия Горяева из серии «Американцы у себя дома» удачно сочетаются с текстом.

Америка прекрасная и жестокая,

богатая и нищая встает со страниц книги. Но главное — мы видим простых американцев с их любовью к родине и раздумьями о ее судьбе. С их жизнерадостностью и непосредственностью. Узнав многих из них, вместе с авторами понимаешь, как нелегко дышится в кондиционированном воздухе внешне благополучной, но раздираемой капиталистическими противоречиями Америки.

Студентка Мэри, разговаривая с авторами, признается: «Великан в чалме отвратителен, а табачный дым из черной пасти просто глуп. Вы думаете, нам все это в самом деле интересно? Привычка. В глубине души нас сейчас интересует лишь одно: это вы?».

В таких людей мы верим. И повторяем вслед за Косенко и Михайловым: «Руку, американец!»

С. ЧЕКРЫГИНА

СТРАНИЧКА ПРЕДЫСТОРИИ ВОКРУГ СВЕТА*

95

ния из всех отраслей естествознания. В состав его входят как сведения из чистой науки, так и многочисленные приложения к различным вопросам общественной жизни.

С нескрываемой гордостью подчеркивала редакция, что «Вестник» есть первый опыт издавать в России, а тем более в Москве, естественно-историческую еженедельную литературно-художественную газету».

Журнал отнюдь не был сборником умиленных описаний красот и чудес мироздания. Его страницы были открыты для самых различных областей науки о природе.

Назовем для примера несколько статей из первого тома.

«Ловля тунцов» — очерк из жизни итальянских рыбаков... «Горные хищники» — статьи Н. А. Северцева о грифе, кондоре, ягнятнике-бородаче... «Голландия — дар Рейна» — очерк с эпиграфом из Геродота: «Египет — дар Нила»... Беседа о движении Земли вокруг своей оси и очерк о черноземе. Пересказ одной из первых работ Дарвина о происхождении коралловых островов и серия статей о винтовых пародах. Статья Гумбольдта об измерении глубин моря... Каменный уголь... Кометы XIX века... Электрические телеграфы...

Перед нами «Вестник естественных наук» — журнал, созданный в 1854 году выдающимся ученым, профессором Московского университета К. Ф. Рулье.

«Вестник» должен, говорится в редакционной статье первого номера, «стараться передавать большинству светских читателей, любящих серьезное чтение, сведения, выработанные частными исследованиями возделывателей науки. Желая удовлетворить обширному кругу читателей, в частности, неприготовленных в естественных науках, «Вестник» должен сообщать им общедоступные сведения

«Вестник» появился на свет еще во времена Николая I. В первом же номере журнала начала печататься статья Николая Бестужева «Гусиное озеро», рассказывающая о большом озере, лежащем между Байкалом и китайской границей. Статья была без подписи, а в редакционном примечании как бы между прочим сообщалось, что она «составлена автором, проживающим около 30 лет в Забайкалье». Каждый внимательный читатель мог, следовательно, легко догадаться, когда именно автор попал в Сибирь. Яснее сказать было нельзя, так как в то время еще действовал специальный царский указ, строжайше запрещающий упоминать в печати имена декабристов.

Выпуск журнала с публикуемой на первом месте статьей одного из наиболее известных ссыльных «государственных преступников» выразительно характеризует политический облик издания, посвященного, казалось бы, весьма далеким от политики темам.

Об этом же говорят и многие другие статьи «Вестника», авторы которых, не отступая от объективности и научной точности, не упускают повода объяснить читателю свой угол зрения, свой подход к оценке разных явлений жизни.

Здесь в очерке об американском бизоне доказывалось, что человеческое общество родилось из труда людей.

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ КНИГИ ГЕОГРАФИЗА

БАРАНСКИЙ Н. Н., Экономическая география в средней школе. Экономическая география в высшей школе. 1957 г., 328 стр., цена 13 р. 85 к.

БЕЛЛИНСГАУЗЕН Ф. Ф., Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света (1819—1821 гг.). 1949 г., 360 стр., цена 14 р. 50 к.

ВИТВЕР И. А. и СЛУКА А. Е., Франция (краткая экономико-географическая характеристика). 1958 г., 414 стр., цена 14 р. 75 к.

ПЕТРОВ И. И., За Гималаями (Русские путешественники в Индии). 1958 г., 207 стр., цена 4 р. 70 к.

САУШКИН Ю. Г., Москва. 1955 г., 192 стр., цена 4 р. 95 к.

СОКОЛОВ Г. А., Леса-сады. 1955 г., 175 стр., цена 2 р. 70 к.

СТЕНЛИ Г., В джунглях Африки. 1958 г., 445 стр., цена 10 р. 50 к.

Коллектив авторов, **«Антарктика».** 1958 г., 445 стр., цена 16 р. 15 к.

В очерке о банане применительно к свирепым цензурным условиям того времени поднимался голос в защиту колонизируемых народов тропических стран, а в очерке о шимпанзе говорилось:

«В Конго обезьяну называют словом енжоко (из этого слова Бюффон сделал жока), означающим молчание... это последнее название происходит от мнения негров Конго, которые думают, что она молчит только потому, что не хочет говорить и боится, чтобы ее не поработили...»

Говоря о «Вестнике», нельзя не вспомнить особо статей самого редактора издания К. Ф. Рулье, оставившего блестящие классические образцы научно-популярной литературы. Такие статьи, как «Белмниты», «Сипуха, или огнистая сова», «Адансон и баобаб», по праву могут быть причислены к шедеврам этого жанра.

Не случайно с больше л симпатией следил за «Вестником» такой всыскательный критик, как Н. Г. Чернышевский. «Мы с удовольствием прочитали первый номер «Вестника естественных наук», — писал он, а несколько позднее повторил в «Современнике»: «Это издание, уже два года выходящее в Москве, положительно прекрасно и полезно».

Мысли великого критика перекликаются с высказываниями А. И. Герцена о деятельности Рулье как пропагандиста передовой науки:

«Одна из главных потребностей нашего времени — обобщение истинных, дельных сведений об естествознании. Их много в науке — их мало в обществе; надобно втолкнуть их в поток общественного сознания, надобно их сделать доступными, надобно дать им форму живую, как жива природа, надобно дать им язык откровенный, простой, как ее собственный язык, которым она развертывает бесконечное богатство своей сущности в величественной истройной простоте. Нам кажется почти невозможным без естествоведения воспитать действительное мощное умственное развитие».

Передовые люди минувшего века горячо поддерживали издание, которое было «последовательным выяснением определенного взгляда на природу», пропагандировало материалистические преобразовательские взгляды. Тем ожесточеннее преследовали его авторов и редакторов охранители самодержавия и церковники, негодовавшие по поводу того, что Рулье своим журналом «из могил древнего — минерального и растительного, а также животного мира хочет выкопать космогонию» и пытается поучать «мещан и крестьян находить в книге бытия мифологию».

Преждевременная кончина затравленного мракобесами Рулье прервала издание «Вестника», одного из первых русских научно-популярных журналов, представляющего собой

замечательную страницу нашей периодики.

Уже первый номер 1858 года вышел в свет без указания фамилии редактора, а в № 8 от 19 апреля 1858 года напечатан портрет К. Ф. Рулье, и вместо передовой — некролог, надгробное слово о крупнейшем ученом-просветителе, талантливом литераторе и пропагандисте науки.

Прошло совсем немного времени после выхода последнего номера «Вестника», и известный петербургский книгоиздатель М. О. Вольф воскресил созданный К. Ф. Рулье тип издания.

Он стал выпускать «журнал землеведения, естественных наук, новейших открытий, изобретений и наблюдений». Журнал этот получил имя «Вокруг света». Так же как и «Вестник», он стремился «удовлетворить обширному кругу читателей, в частности, неприготовленных в естественных науках», сообщая им «общедоступные сведения из всех отраслей естествознания... как из чистой науки, так и многочисленные приложения к различным вопросам общественной жизни». Так же, как и «Вестник», это была естественно-историческая литературно-художественная газета.

Не будет неожиданным, если историки печати найдут еще какие-нибудь подтверждения родства, которое бросается в глаза журналисту, листавшему страницы номеров «Вестника» 1854—1858 годов и «Вокруг света» 1861 года и последующих лет.

Е. ВАСИЛЬЕВА

БОРХГРЕВИНК К., У Южного полюса. Год 1900 (перевод с норвежского). 1958 г., 326 стр., цена 11 р. 50 к.

ГИДВЕР Д., Модхейм. Два года в Антарктике (перевод с французского). 1958 г., 256 стр., цена 5 р. 50 к.

ШЕКЛТОН Э., В сердце Антарктики (перевод с английского). 1957 г., 446 стр., цена 16 р. 10 к.

ДМИТРИЕВ Е., Кавказские Минеральные Воды. 1956 г., 66 стр., цена 3 руб.

РЯБЧИКОВ Е., Волго-Дон. 1956 г., 63 стр., цена 4 р. 55 к.

СЕМЕНТОВСКИЙ В. Н., ФЕДЕНКО И. И., Москва — Астрахань. 1956 г., 175 стр., цена 2 р. 70 к.

«С о ю з к н и г а»

**ТРЕБУЙТЕ ЭТИ КНИГИ
В МАГАЗИНАХ КНИГОТОРГА
И ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ**

Стоимость книг указана в старых ценах, без перевода в новый масштаб цен.

№ 2 ФЕВРАЛЬ 1961 г.

СОДЕРЖАНИЕ

А. ЕФРЕМОВ, Е. ФЕДОРОВСКИЙ — Первый на меридиане	1
Г. СВАРИЧОВСКИЙ, Ю. СВАРИЧОВСКИЙ — Что ты знаеип о наших космических соседях?	6, 13
РОКУЭЛЛ КЕНТ — Саламина. Рис. автора	7
ЛЮЦИАН ВОЛЯНОВСКИЙ — Жемчуг и слезы	14
АНАТОЛИЙ ЧЛЕНОВ — Тропами смоленского полесья. Рис. Б. Берендгофа	19
В. ЧУДНОВ — Зодопад сенсаций	22
И. ЗАБЕЛИН — Самый короткий путь. Рис. П. Кирпичева	24
Ю. ГАВРИЛОВ, И. ГОЛИЦЫН — Лесорубы сажают лес	27
ИГОРЬ АКИМУШКИН — Муравьиный туалет птиц	30
В. ГИППЕНРЕЙТЕР — Дыхание вулкана	33
НОРБЕРТ КАСТЕРЕ — Телерепортаж из бездны. Рис. А. Гусева	34
М. СУБОТА — Фейерверк у горы Боя-Даг. Пестрый мир	35, 36
В. ТВЕРДОХЛЕБОВ — Край, ждущий исследователей. Рис. П. Павлинова	38
Ю. ПОЛКОВНИКОВ — Огонь по лавине! Из фотолетописи семилетки	44, 46
ИВАН КЛИМА — Конец ленивой реки. Рис. Г. Храпака. Фотоконкурс «Вокруг света»	48, 51
Ю. ДАВЫДОВ — Колумбы Аральского моря. Рис. Т. Г. Шевченко	52
А. БИЛЛЬ, И. ГРИЧЕР, Н. КОЛЕСНИКОВА, П. МИХАЛЕВ — Рим, Ассизи, Болонья, Венеция	55

Среди книг

Г. ФЛОРОВ — Окно в будущее	61
С. ЧЕКРЫГИНА — Руку, американец!	61
Е. ВАСИЛЬЕВА — Страничка предьстории «Вокруг света»	62

Наша почта

В. ЛЕВАШОВ — Смерч над Иссык-Кулем	18
---	----

Еще при жизни нынешнего поколения две трети людей на земле томилась в оковах колониализма. Вдумайся в эти слова, читатель! Отцы твоих сверстников в Азии, Африке и других районах мира несли на себе ярмо рабства, их беззастенчиво грабили, подвергали зверскому насилию, топтали их человеческое достоинство. Великий Октябрь пробудил к жизни угнетенные с раны и народы. В бастионе колониализма были пробиты первые бреши.

А ныне под знаменем национальной независимости сплотились сотни миллионов людей на всех континентах. Наступила эра великого возрождения порабощенных народов.

Но колониализм еще не стерт окончательно с лица земли. В Африке и Азии, на островах Океании и в бассейне Карибского моря более ста миллионов человек по-прежнему живет в неволе.

Позорный колониальный режим должен быть похоронен — таково требование всех честных людей на земле.

В нашем следующем номере вы прочтете о том, какие перемены произошли в жизни освободившихся наций, об их первых шагах в строительстве национальной экономики, о бескорыстной помощи советских людей молодым независимым государствам. Вы познакомитесь с богатой духовной и материальной культурой, узнаете древние обычаи народов и племен, которых колонизаторы именовали «варварами». Мы расскажем о тех странах, где еще свистит плеть надсмотрщика, о борьбе народов этих стран против европейских и американских колонизаторов, творящих под маской «цивилизаторов» свои грязные дела.

Вглядись, читатель, в мужественное лицо этого африканца, поднимающего паруса корабля. Свежий ветер свободы уже веет над многими странами древнего африканского континента. Придет день, и солнце свободы и счастья будет сиять над всей планетой.

На первой странице обложки:

Над белым облачным морем возвышается стройный конус Карымского вулкана — одного из самых беспокойных на Камчатке.

Фото В. ГИППЕНРЕЙТЕРА

Главный редактор В. С. САПАРИН

Члены редакционной коллегии: В. И. АККУРАТОВ, Н. Н. БАРАНСКИЙ, Е. Н. ВАСИЛЬЕВА, В. Т. ЗАЙЧИКОВ, В. Л. КУДРЯВЦЕВ, Л. Д. ПЛАТОВ, Ю. А. ПОПКОВ (ответственный секретарь), П. Н. РЕШЕТОВ, А. И. СОЛОВЬЕВ, В. С. ЧЕРНЕЦОВ, В. М. ЧИЧКОВ (заместитель главного редактора)

Рукописи не возвращаются.

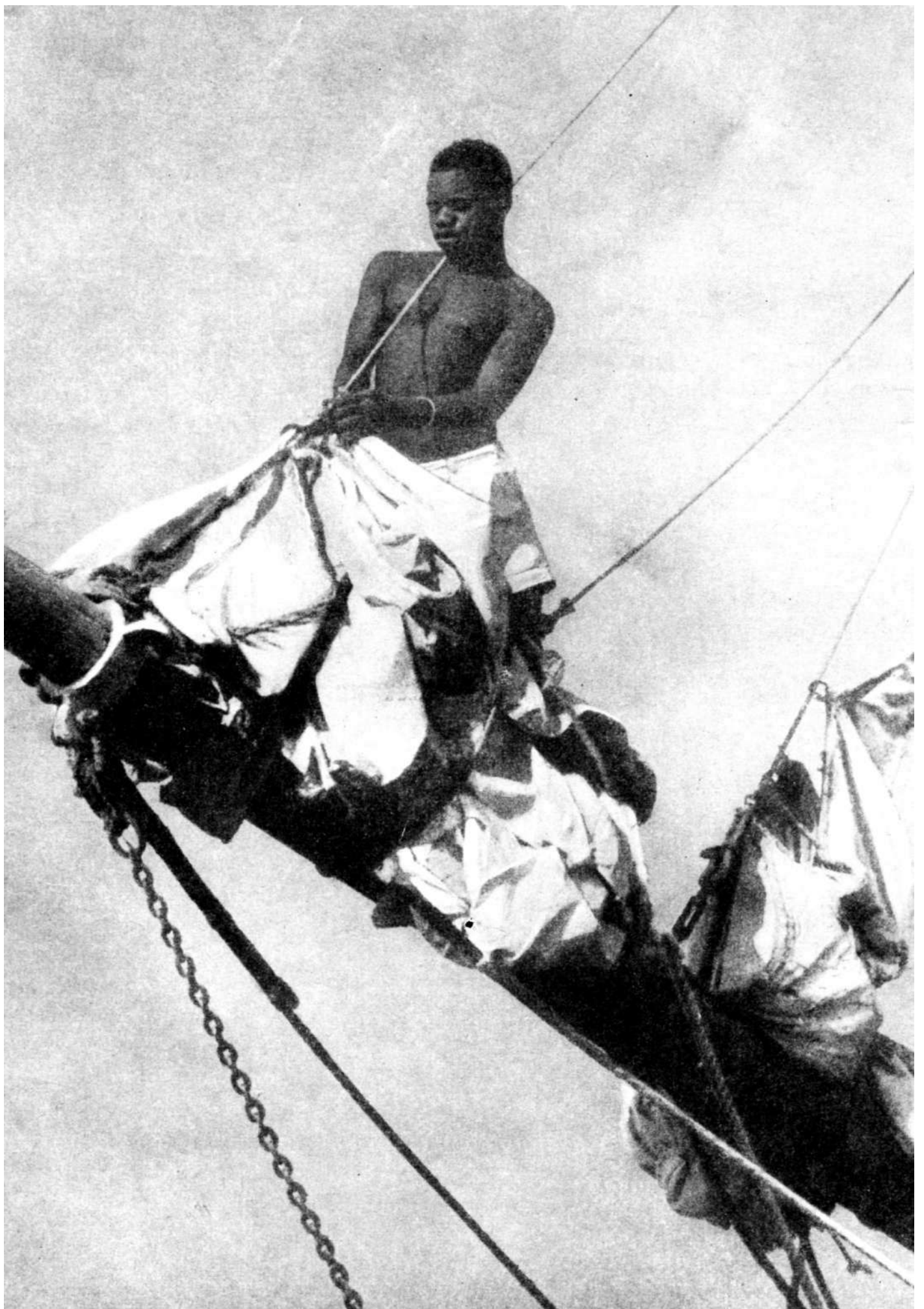
Технический редактор А. Ковалев.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Наш адрес: Москва, А-55, Сушевская, 21. Телефоны: для справок Д 1-15-00, доб. 2-29; отделы — «Наша Родина» 2-68; иностранный 2-85; 3-58; литературы 3-93; иллюстраций 3-16; приложение «Искатель» — 3-38.

А01704 Подп. к печ. 5/1 1961 г. Печ. л. 8,5 (8,5). Уч.-изд. л. 10,2. Тираж 180 000 экз. Цена 60 коп. Заказ 2414.

Типография «Красное знамя» изд ва «Молодая гвардия». Москва, А-55. Сушевская, 21

Цена 60 коп.

**В ЛЮБОЕ ВРЕМЯ ГОДА,
НА ОТДЫХ И В СЛУЖЕБНУЮ ПОЕЗДКУ,
САМОЛЕТОМ - БЫСТРО И УДОБНО!**

СОПОСТАВЬТЕ ЭТИ ЦИФРЫ

Самолетом	из Москвы	Скорым поездом
55 минут	в Ленинград	11 часов
70 минут	в Киев	16 часов
2 часа	в Симферополь	26 часов
2 часа	в Тбилиси	48 часов
5 часов	в Новосибирск	63 часа
6 часов	в Иркутск	100 часов
11 часов	в Хабаровск	177 часов

**ВЫБОР ВЫ СДЕЛАЕТЕ САМИ!
СЧАСТЛИВОГО ПОЛЕТА!**

В Москве билеты можно приобрести в агентстве Аэрофлота (пл. Дзержинского), в агентстве Главмосавтотранса (пл. Революции), а также в диспетчерских пунктах такси на Курском, Киевском и Ленинградском вокзалах.

Справки о наличии мест, стоимости билетов, расписании движения самолетов можно получить по телефонам: Б 1-26-19, Б 3-46-45 и Б 8-90-64.

